

БЗІ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА

ПОЭЗИЯ
ГАЛИСИИ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТА

ГОД ОСНОВАНИЯ СЕРИИ
2005

Редакционная коллегия серии
В. Н. Андреев, Б. В. Дубин,
М. Ю. Коренева, Г. М. Кружков,
И. М. Михайлова, М. Д. Яснов (*председатель*)

ПОЭЗИЯ ГАЛИСИИ

Составитель
Е.С. ЗЕРНОВА

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2013

УДК 82-1

ББК 84(4)

П67

Поэзия Галисии / Сост. Е. С. Зернова. — СПб.: Наука, 2013. — 422 с.

ISBN 978-5-02-026343-7

Поэзия Галисии (исторической области на северо-западе Испании) чрезвычайно богата и разнообразна. Уже в XIII веке на галисийском языке существовала виртуозная лирика, созданная трубадурами и вошедшая в золотой фонд мировой литературы. Правда, затем — в силу ряда исторических причин — галисийский язык оказался под запретом. Новый расцвет литературы в Галисии начался в эпоху романтизма, в XIX веке — творчеством великой поэтессы Росалии де Кастро. В конце XIX—начале XX века появилась блестящая плеяда галисийских поэтов: Эдуардо Пондаль, Мануэль Куррос Энрикес, Рамон Кабанильяс, Эдуардо Бланко Амор... Стихи на галисийском языке создавали также великие поэты Испании Рамон дель Валье-Инклан и Федерико Гарсиа Лорка.

Настоящая антология впервые позволяет русскому читателю познакомиться с лучшими образцами галисийской поэзии от XIII века до Гражданской войны (1936—1939) в Испании. Открывает антологию обстоятельный очерк, в котором впервые на русском языке проанализирована восьмивековая история галисийской литературы. Многие переводы выполнены специально для данного сборника.

© Издательство «Наука», серия «Библиотека зарубежного поэта» (разработка, оформление), 2005 (год основания), 2013

© Е. С. Зернова, составление, 2013

© Е. Г. Голубева, вступительная статья, 2013

© В. Н. Андреев, комментарии, 2013

© Переводчики, наследники, 2013

ISBN 978-5-02-026343-7

«САД, НАПОЕННЫЙ ЧИСТЫМИ АРОМАТАМИ, СВЕЖЕСТЬЮ И ПОЭЗИЕЙ...»

На северо-западе Пиренейского полуострова, между горами и Атлантическим океаном расположена живописная местность. Холмы, поросшие лесом, полноводные устья рек, древние города и селения, по сей день сохраняющие свой средневековый облик... Край одновременно и морской, и горный:

Возлюблены солнцем и морем
горы земли родной:
целует им головы солнце,
ноги — морской прибой.

(Антонио Нориега Варела¹)

А знаменитая Галисийская Муза — поэтесса Росалия де Кастро — описала свою родину так: «Луга, водопады, ручьи, цветущие долины... горизонты, затянутые облаками, но не теряющие от этого своей красоты... тихие спокойные реки, грозные скалистые мысы, пугающие и завораживающие своей величественностью и своим затаенным гневом, бескрайние моря... Галисия — сад, напоенный чистыми ароматами, свежестью и поэзией...»²

Это — Галисия, край, отмеченный необыкновенной судьбой и своеобразной культурой, в частности и поэтической.

---

¹ В статье переводчики стихотворных текстов указаны только в том случае, если эти тексты не включены в настоящую антологию.

² Авторский пролог к сборнику «Галисийские песни». Цит. по: *Кастро Р. де. Стихи.* СПб., 2005. С. 41.

Галисийцы считают себя потомками древних кельтов, пришедших на Пиренейский полуостров в I тысячелетии до нашей эры. После завоевания полуострова римлянами, начавшегося в конце III столетия до нашей эры, в его северо-западной части была образована провинция Галеция, прославившаяся на закате римского господства расцветом своеобразной, уже христианской, культуры. В эпоху варварских нашествий и распада Римской империи Пиренейский полуостров в начале V века нашей эры был захвачен германскими племенами — свевами, вандалами, аланами, а затем и вестготами. На месте римской Галеции образовалось Свевское королевство, впоследствии слившееся с могущественным Вестготским королевством, объединившим под своей властью почти весь Пиренейский полуостров (V—VII века).

Германские завоеватели, воинственные, но немногочисленные, вскоре попали под влияние более высокой культуры испано-римского населения и усвоили его язык — местную разговорную латынь, постепенно забыв родные наречия. С течением времени государство вестготов стало наиболее культурным и просвещенным из всех варварских королевств, возникших в Западной Европе на обломках Римской империи. А местная разговорная латынь, претерпев за три века германского владычества коренные качественные изменения, дала начало новым типам речи, из которых впоследствии развились современные романские языки Пиренейского полуострова, в том числе — и галисийский.

В начале VIII века обстановка на Пиренейском полуострове резко изменилась — он был завоеван арабами (маврами). Арабские войска пришли сюда из Северной Африки по просьбе нескольких знатных вестготов, желавших возвести на королевский престол своего ставленника. Однако арабы, высадившись в 711 году у крепости Кальпе (ныне Гибралтар; название образовано от имени военачальника Ибн Тарика), не стали помогать местной знати. Разгромив вестготов в битве у реки Гвадалете, арабские войска прошли почти по всему Пиренейскому полуострову и подчинили его своей власти.

Так началась восьмивековая эпоха арабского владычества на территории Испании.

Незанятыми оставались лишь горные области на севере полуострова, в которых сосредоточились остатки вестготских войск. В этих областях стали складываться новые христианские государства, в том числе и Галисия, начавшие борьбу против арабских захватчиков — так называемую Реконкисту («обратное завоевание»).

В течение восьми веков (VIII—XV) население Пиренейского полуострова, разделенного постоянно меняющейся границей на две части — северную христианскую и южную мусульманскую, существовало в обстановке тесных контактов и постоянного взаимодействия двух жизненных укладов, двух культур: христианизированной местной и исламской арабской.

Ко времени завоевания Пиренейского полуострова Арабский халифат являлся огромной могущественной империей, размерами превосходившей Римскую. В его состав, помимо Аравийского полуострова, входили обширные территории в Средней Азии и Северной Африке, а также ряд областей в Южной Европе. И все они подвергались интенсивной арабизации и исламизации. Языком тогдашней блестящей арабской культуры, науки, литературы был классический арабский литературный язык.

В арабской художественной литературе тех времен главную роль играла поэзия. Развившаяся на основе доисламского песенного творчества бедуинов, эта поэзия впоследствии, при дворах халифов и крупных феодалов, стала утонченной и изысканной; она поражала богатством и причудливой выразительностью метафор.

В Кордовском халифате, образованном в Андалусии (так называлась занятая арабами южная часть Пиренейского полуострова), арабоязычная поэзия приобрела своеобразный колорит и даже новые стихотворные формы — видимо, под влиянием какой-то древней местной поэтической традиции. Эта традиция была особенно сильна на северо-западе Пиренейского полуострова, на территории Галисии.

Первым вновь образованным христианским государством, начавшим уже в конце второго десятилетия VIII века обратное завоевание — Реконкисту, было королевство Астурия, возникшее в Западных Пиренеях, где сосредоточились остатки вестготских войск. В начале X века в процессе Реконкисты Астурия и расположенная к западу от нее Галисия влились в новое мощное христианское государство — королевство Леон. Это королевство и стало главным в борьбе с маврами на западе Пиренейского полуострова.

В XI—XII веках Реконкиста вступает в решающую победоносную фазу. Под ударами дружин реконкистаторов, а также вторгавшихся из Северной Африки полчищ фанатичных исламских сектантов — Альморавидов и Альмохадов — некогда могущественный Кордовский халифат прекратил свое существование и распался на множество феодальных владений. В христианской части Пиренейского полуострова также возникают новые королевства — Кастилия и Португалия, ранее бывшие зависимыми от Леона графствами.

В X—XI веках было предпринято несколько попыток официально сделать Галисию независимым королевством. Но все они не увенчались успехом, и в 1073 году Галисия была окончательно присоединена к Кастилии. Однако в эпоху Высокого Средневековья «Галисия фактически являлась королевством».³ Впоследствии в течение многих столетий галисийцы именовали свою родину «Королевство Галисия» (*Reino de Galicia*). Это название встречается в официальных документах даже в начале XIX века, во времена Наполеоновских войн.

На заре Реконкисты Галисии суждено было сыграть особую роль в истории Пиренейского полуострова. Согласно преданию, в начале IX века в пустынной местности, называемой Компостела, были обретены мощи святого апостола Иакова (Сантьяго). Вскоре здесь появилась маленькая часовня. Весть о чудесной святине

---

³ *Historia de Galicia* / Coordinador Francisco Carballo. Vigo, 1993. P. 83.

разнеслась по всему христианскому миру, и началось паломничество в Компостелу. Паломники шли по знаменитой в ту пору Французской дороге — Пути Сантьяго. В дальнейшем часовню сменил огромный монументальный собор, вокруг которого вскоре вырос город Сантьяго-де-Компостела, ставший столицей епископства и главным религиозным, политическим и духовным центром христианских государств, созданных в северо-западной части Пиренейского полуострова. А святой Иаков стал считаться вдохновителем Реконкисты и покровителем христианской Испании.

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

В начале XII столетия епископом, а затем архиепископом Компостелы становится крупнейший религиозный и политический деятель Диего Шельмирес. С его именем связывают самый славный период в истории средневековой Галисии, продлившийся более века и отмеченный политическим могуществом, экономическим процветанием и небывалым культурным подъемом.

Город-собор Сантьяго-де-Компостела являлся в эту эпоху одним из крупнейших духовных центров, чуть ли не соперником Рима. Международные культурные контакты, которые возникали благодаря устремлявшимся сюда паломникам из многих стран тогдашнего католического мира, способствовали обогащению местной культуры. Поэтому не случайно именно здесь, на северо-западе Пиренейского полуострова, возникла и развивалась в эпоху Высокого Средневековья знаменитая поэзия трубадуров, составившая «один из самых значительных корпусов лирической поэзии в истории европейской литературы».⁴

Как известно, в эпоху Средневековья международным языком образованных людей являлась латынь. Но в то же время на Пиренейском полуострове «вне области латинской культуры существовала светская аристокра-

⁴ *Fernández del Riego F. Historia da literatura. Vigo, 1984. P. 5.*

тия, обладавшая собственной литературой, в какой-то мере подобной той литературе на народном языке, которая расцвела в Окситании в XII веке и которую мы называем трубадурской».⁵

Языком этой придворной поэзии в западной и центральной части Пиренейского полуострова был народный романский — старогаалисийский или, как его еще называют, гаалисийско-португальский — язык. Дело в том, что обратное завоевание территории будущей Португалии шло с севера, из Галисии, и гаалисийский язык, вступая во взаимодействие с местными арабизированными (мосарабскими) романскими говорами, приобретал некоторые своеобразные черты. Гаалисийский и португальский еще и сегодня являются достаточно близкими языками.

Дошедшая до нас в рукописях гаалисийско-португальская средневековая лирика была создана в XIII—первой половине XIV века. Классическим периодом этой поэзии считается эпоха двух королей: дон Альфонса X Мудрого, короля Кастилии и Леона (правил в 1252—1284 годах) и дон Дениса, короля Португалии (правил в 1279—1325 годах). При дворе этих королей, талантливых поэтов и щедрых меценатов, собирались трубадуры из многих областей Пиренейского полуострова (главным образом из Галисии, Португалии и Кастилии) и из Прованса. Трубадурские песни исполнялись на пышных придворных праздниках и представляли собой небольшие спектакли, сопровождавшиеся музыкой и танцами. Все это можно увидеть на красочных миниатюрах, украшающих рукописи поэтических сборников.

Главной фигурой в придворных поэтических кругах являлся рыцарь-трубадур (*trobador, troveiro*), человек высокого происхождения, сочинявший песни-стихотворения для собственного удовольствия и славы. Среди трубадуров мы встречаем королей (дон Альфонс X,

⁵ Alfonso X, o Sábio. Cantigas de amor, de escárnio e de louvor / Ed. Ricardo Carballo Calero, Carmen García Rodríguez. A Coruña, 1983. P. 10—11.

дон Денис), королевских сыновей, знатных могущественных сеньоров, отважных рыцарей, духовных лиц и даже некоторых выходцев из третьего сословия. Исполнителем и аккомпаниатором трубадурских песен обычно являлся простолюдин-жонглер (*jogral, jogar*). Впрочем, некоторые жонглеры также оказывались талантливыми поэтами. Наряду с трубадурами и жонглерами иногда упоминается и сегрель (*segrel*). Видимо, в отличие от трубадуров сегрели были профессиональными стихотворцами, получавшими за свое искусство денежное вознаграждение.

Дошедшие до нас песни галисийско-португальских трубадуров распределяются по нескольким основным жанрам: «песни о любви» (*cantigas de amor*), «песни о друге» (*cantigas de amigo*), «песни хулы и злословия» (*cantigas de escarnio e maldizer*); особое место занимают «песни о Святой Марии» (*cantigas de Santa Maria*).

Трубадурская галисийско-португальская лирика испытала значительное влияние провансальской поэзии. Зародившаяся в Провансе куртуазная рыцарская поэзия достигла наивысшего расцвета в XII веке. Песни трубадуров, восхвалявших в изящных стихах любовь к Прекрасной Даме, завоевали славу далеко за пределами Прованса. Провансальские трубадуры бывали частыми гостями в соседних странах, где блистали своим искусством при дворах королей и знатных сеньоров. Их творчество оказало заметное влияние на развитие всей западноевропейской поэзии — особенно в XIII веке, когда после разгрома Прованса северо-французскими войсками под предлогом уничтожения распротравившихся там ересей многие поэты стали искать спасения за рубежом (в частности, и на Пиренейском полуострове).

В галисийско-португальской трубадурской лирике провансальское влияние наиболее заметно проявилось в так называемых песнях о любви, унаследовавших — в специфических условиях Пиренейского полуострова — традиции куртуазных провансальских песен о Прекрас-

ной Даме. Трубадуры Галисии и Португалии иногда прямо говорят о своем желании слагать песни «на провансальский лад»:

Хотел бы я на провансальский лад
провозгласить любви благую весть
и госпоже моей хвалу вознести...

(Дон Денис, король Португалии)

В песнях этого жанра трубадур повествует о своей беззаветной любви к прекрасной и неприступной даме, равнодушной и даже жестокой к нему. Страдания влюбленного поэта поистине ужасны:

Жизнь видится без вас мне в черном цвете;
всё счастье жизни — только в вас одной.
Что делать мне? Нуждаюсь я в совете.
Что делать мне? О, сжальтесь надо мной!
Но и совет вы не хотите дать.
Что делать мне? Покуда жив — страдать!
О госпожа — прекрасней всех на свете!

(Мартин Соарес)

Знатный сеньор, губернатор Галисии и адмирал Пай Гомес Чариньо утверждал, что страдания любви намного страшнее тех, которые испытывает моряк в бурном море:

Но я и смерть в глуби морской
с любовной не сравню тоской...

При этом имя дамы должно сохраняться в строжайшей тайне:

Любил, люблю и буду век любить
ту, что не любит, не любила, нет,
и не полюбит. Кто она — секрет,
который я не смею вам открыть.

(Дон Денис, король Португалии)

Любой намек на внешность красавицы, по которому ее можно было бы узнать, считался неслыханной дерзостью. Подобное безрассудство мог позволить себе разве

что такой известный насмешник, как Жоан Гарсиа де Гильяде:

И вот — безрассудно признаюсь пред вами,
поскольку рассудок совсем потерял:
мне сердце пленили зеленые очи
и отняли разум, и жить нету мочи.

Обращаясь к даме в «песнях о любви», трубадур называет ее «сеньор» (*senhor*). В XIII веке имена существительные и прилагательные в галисийско-португальском языке с окончанием «-ог» не имели еще особой формы женского рода и обращение «*senhor*» могло относиться как к мужчине, так и к женщине. Но оно, вероятно, было также и знаком феодальной зависимости. «Галисийско-португальские поэты переняли у провансальских трубадуров концепцию любви как феодального служения, в котором дама воспринимается как „сеньор“».⁶

«Песни о любви» состоят из нескольких строф, характеризующихся достаточно сложным синтаксическим построением и имеющих обычно три рифмы. Строфа может заканчиваться рефреном; однако в песнях этого жанра он не является обязательным.

В «песнях о друге», как и в «песнях о любви», речь идет о любовных страданиях. Тем не менее между данными песнями имеются существенные различия. В «песнях о любви» рыцарь-трубадур обращается к знатной даме от своего имени, а «песни о друге» создавались галисийско-португальскими поэтами как бы от лица влюбленной женщины, простой девушки, тоскующей вдали от покинувшего ее милого. Песни этого типа не имеют аналогов в провансальской поэзии.

«Песни о друге» характеризуются своеобразной формой построения. Чаще всего они состоят из строф-двустихий, перемежающихся рефреном, единым для всей песни. При этом каждая последующая строфа представляет собой близкий вариант предыдущей строфы, но с новыми рифмами:

---

⁶ Antología de la poesía gallego-portuguesa / Selección, estudio e notas de Carlos Alvar y Vicente Beltrán. Madrid, 1989. P. 29.

Матушка, видишь: в лазури морской
барки плывут, возвращаясь домой?!

Я от любви умираю.

Матушка, скоро они будут тут.
Барки, домой возвращаясь, идут!

Я от любви умираю.

Барки плывут, возвращаясь домой;
дни напролет мы их ждали с тобой.

Я от любви умираю.

Барки, домой возвращаясь, идут!
На берегу с нетерпением их ждут.

Я от любви умираю.

(Нуно Фернандес Торнеол)

Действие «песен о друге» разворачивается обычно в сельской местности, на фоне природы. Влюбленная девушка ждет друга вдали от селения, у ручья, воду в котором замутили лесные олени; она слушает пение птиц, стирает белье или моет волосы в реке, созывает подруг, чтобы купаться в море или танцевать под сенью деревьев. Часто свидание с другом назначается в каком-либо святом месте: в часовне, монастыре, соборе, куда собираются на богомолье паломники.

Многие «песни о друге» построены в форме диалога девушки с матерью, с подругой либо с одухотворенной природой:

Ах, цветики-цветы средь зелена луга,
мне весточки нет ли от милого друга?

(Дон Денис, король Португалии)

«Песни о друге», уходящие корнями, видимо, в древний местный фольклор, содержат иносказания и символы, нам не всегда понятные. Так, образ ветра, волн, бури символизировал, скорее всего, бурную любовь, страсть — как в знаменитой песне жонглера Мендиньо, повествующей о девушке, ждущей друга в часовне на острове и застигнутой бурей:

Грести я не умею, нет проку от челна:
знать, в море мне, пригожей, гибель суждена.

Видимо, галисийские «песни о друге» можно рассматривать как продолжение той «дотрубадурской» поэтической традиции, которая сложилась на западе Пиренейского полуострова на основе местного песенного творчества. В то же время, несмотря на некоторые явно фольклорные черты, придающие им своеобразное очарование, «песни о друге» представляют собой явление придворной трубадурской поэзии, утонченную стилизацию, не избежавшую провансальского влияния. По мнению ряда исследователей, одной из причин расцвета галисийской средневековой лирики следует считать плодотворное слияние «народной, чисто галисийской поэзии с книжной аристократической поэтикой провансальского толка».⁷

Особое место занимают сатирические «песни хулы и злословия», резко противоположные по тону лирическим жанрам, нередко грубые и непристойные. В «песнях хулы» оскорбительная критика высказывается намеками, в завуалированной форме, при помощи слов с двойным смыслом, а в «песнях злословия» — прямо и откровенно, подчас в таких выражениях, которые «сегодня вогнали бы в краску даже грузчика».⁸

Объектом осмеяния и критики являются в этих песнях пороки — общечеловеческие или же присущие неугодным трубадуру личностям. Такие сатирические песни часто использовались в литературной полемике. «Песни хулы и злословия» больше, чем стихотворения лирических жанров, были связаны с конкретной жизнью эпохи, из них мы узнаем о событиях и людях той поры, о придворных нравах, любовных историях и интригах, о литературном соперничестве. Поэтому «песни хулы и злословия» представляют собой ценнейший исторический документ.

«Песни о любви», «песни о друге», «песни хулы и злословия» дошли до нас в трех больших рукописных сборниках — песенниках (*cancioneiros*). Самый старый

⁷ Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 20.

⁸ Michaelis de Vasconcelos C. Cancioneiro da Ajuda. Lisboa, 1990. Vol. 1. P. X.

из них известен как «Песенник Ажуда» («Cancioneiro da Ajuda») — по названию лиссабонской библиотеки, в которой он хранится. Рукопись этого сборника, созданная, видимо, в конце XIII века, осталась незавершенной. «Песенник Ажуда» содержит стихотворения только одного жанра — «песни о любви».

Наиболее полным является «Песенник Национальной библиотеки» («Cancioneiro da Biblioteca Nacional»), называемый также «Песенником Колоччи—Бранкути» («Cancioneiro Colocci—Brancuti»), хранящийся в Национальной библиотеке в Лиссабоне. Данный песенник был создан в Италии, видимо, в начале XVI века, по заказу известного гуманиста Анджело Колоччи, знатока и любителя провансальской и галисийско-португальской поэзии, и представляет собой выполненную итальянскими переписчиками копию какой-то ныне утраченной, более ранней рукописи. Сборник был обнаружен в конце XIX века в библиотеке графа Бранкути и после его смерти приобретен португальским правительством. Помимо песен всех жанров данный сборник включает также анонимный трактат о стихосложении.

Третьим сборником является «Ватиканский песенник» («Cancioneiro da Vaticana»), хранящийся в библиотеке Ватикана и имеющий такое же происхождение, как и предыдущий.⁹

На средневековом галисийско-португальском языке создавалась не только светская поэзия, но и духовная. До нас дошел внушительный корпус интереснейших песен, посвященных Деве Марии, возникший благодаря деятельности Альфонса X Мудрого, короля Кастилии и Леона.

«Песни о Святой Марии» представлены в четырех рукописных сборниках, богато украшенных миниатюра-

---

⁹ Дошедшие до нас рукописи, содержащие трубадурские стихотворения на галисийско-португальском языке, подробно изучил и описал известный итальянский филолог Джузеппе Тавани. Изложенные данные приведены, в частности, в его книге, переведенной на галисийский язык: *Tavani G. A poesía lírica galego-portuguesa*. Vigo, 1988. P. 51—82.

ми, изготовленных в королевских мастерских в Толедо. Сборники содержат в общей сложности более четырехсот песен и нотную запись соответствующих мелодий. В настоящее время две рукописи хранятся в Эскориале, одна — в Толедо и еще одна — в Национальной библиотеке Флоренции.

Рассказы о чудесах, совершенных Девой Марией, так же как и жития святых, созданные на народном языке, получают в эпоху расцвета средневековой европейской культуры широкое распространение. Это объясняется тем, что рост грамотности среди знати, рыцарства, горожан приводит к появлению значительного числа людей, не владевших латинским языком, но желавших читать литературу на своем родном языке. Среди литературы этого типа выделяются произведения Альфонса X Мудрого, создавшего самое большое по объему стихотворное описание чудес, совершенных Девой Марией.

Альфонс X был одним из образованнейших людей своего времени, он владел многими языками, в том числе латинским и арабским, его двор являлся крупнейшим культурным центром, куда приглашались христианские, арабские, еврейские ученые и поэты. Под его руководством и при его непосредственном участии создавались важнейшие сочинения, посвященные многим областям знания; они были написаны прозой на кастильском (испанском) языке. Но для своих стихотворных произведений король-трубадур избрал признанный всеми поэтический язык того времени — галисийско-португальский.

Большая часть «песен о Святой Марии» представляет собой стихотворные рассказы, часто весьма пространные, повествующие о чудесах, совершенных Богоматерью ради тех, кто беззаветно верит в нее и обращается к ней за помощью. «Песни о Святой Марии» представляют собой, таким образом, «единственный образец стихотворного рассказа, который мы находим в галисийско-португальской литературе».¹⁰

---

¹⁰ Antología de la poesía gallego-portuguesa. P. 57.

Был ли Альфонс Х единственным автором этого колоссального труда? Некоторые дошедшие до нас свидетельства современников и высказывания самого короля позволяют предположить, что, скорее всего, речь идет о коллективном творчестве. Видимо, король использовал сюжеты, заимствованные главным образом из устной народной традиции. Отдельные сюжеты были взяты из созданных к тому времени сборников о чудесах Богоматери, авторами которых были такие поэты, как Висент де Бове, Готье де Куанси, Гонсало де Берсео. Возможно, были использованы и латинские источники, а также утраченные впоследствии сборники, посвященные Деве Марии. Некоторые из описанных королем чудес произошли с ним самим или с людьми из его ближайшего окружения. Король придавал оказавшимся в его распоряжении сюжетам стихотворную форму, иногда, видимо, обращаясь за помощью к другим поэтам — трубадурам своего двора. Музыка создавалась придворными музыкантами, также не без участия самого короля. Но во всей этой работе главную роль играл именно Альфонс Х.

Тематика «песен о Святой Марии» чрезвычайно разнообразна. Здесь мы находим повествования о том, как один глубоко чтивший Деву Марию монах попросил ее показать ему рай еще при жизни, заслушался пения райских птиц, а вернувшись в свой монастырь, обнаружил, что прошло триста лет; о том, как Дева Мария исцелила от бешенства двух монахов, укушенных дикой собакой; о том, как в округе Херес во время страшной засухи люди вымолили у Богоматери дождь, и все, «кто до того плакали, стали смеяться»; и о чудесных исцелениях от тяжких недугов самого дона Альфонса, и о многом-многом другом. Некоторые из этих историй использовались в качестве сюжетной основы более поздними авторами — например, легенда о монахине, убежавшей из монастыря со своим возлюбленным, но потом раскаявшейся и вернувшейся:

А монахине моей
тяжко: опостылел ей
рыцарь-соблазнитель;

не могла ни есть, ни спать,
и пришла она опять
в Божию обитель.

Помимо стихотворных рассказов о чудесах в великом труде Альфонса X содержатся также короткие и очень красивые лирические песни — гимны, прославляющие Святую Деву:

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

Роза, лицом ласкающая взгляд,
цветок веселья и венец услад,
глаза, что состраданием дарят
и лечат тех, кто чахнет и томится.

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

Формальную основу «песен о Святой Марии» составила арабо-андалусская простонародная песня — так называемый заджалъ. Песни Альфонса X, «почти полностью состоящие из строф типа заджаля»,¹¹ по форме резко отличаются от остальных жанров галисийско-португальской трубадурской лирики. Песенка-заджалъ начинается обычно с запева, построенного в виде рифмованного двустипия, за которым следует строфа, содержащая три стиха на новую рифму и четвертый стих, имеющий ту же рифму, что и запев. При этом запев (припев) как бы опоясывает всю песню, перемежая строфы и являясь также концовкой песни. Такую типичную форму заджаля мы видим в отрывке из гимна Святой Марии, приведенном выше. Возможно, Альфонс X использовал эту форму стиха, чтобы подчеркнуть народный характер своих песен о чудесах, свершенных Святой Марией.

---

¹¹ Менендес Пидаль Р. Избранные произведения // Испанская литература Средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961. С. 507.

«ТЕМНЫЕ ВЕКА» И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

В середине XIV века наступает упадок галисийско-португальской трубадурской лирики; в новых исторических условиях рыцарская поэзия изжила себя, а вместе с ней ушел и язык, на котором она создавалась. Этому способствовали и события, приведшие к ослаблению связей между Галисией и Португалией. В жестокой борьбе с Кастилией, поставившей на карту само существование Португалии как независимого государства, португальцам удалось отстоять свою независимость, но «Королевство Галисия» отошло к Кастилии и стало ее дальней окраиной. В следующем XV веке испанские Католические короли Фердинанд и Изабелла, подавив попытки освободительного движения, окончательно подчинили Галисию своей власти. В странах Западной Европы занималась заря Ренессанса, а на Галисию надвигалась пора так называемых темных веков (*séculos escuros*). Их началом условно считается 23 декабря 1483 года — дата казни маршала Педро Пардо де Села, которого еще и сегодня почитают в Галисии как национального героя, борца за независимость родной земли.

Существование Галисии в составе Кастильского королевства в качестве его захолустной провинции, бесправной полукolonии привело к снижению престижа галисийского языка и галисийской литературы. В условиях интенсивной кастилизации галисийский язык вытеснялся из сферы политической, административной, церковной, образовательной, литературной в область бытового общения, преимущественно в сельской местности. В то же время росло культурное и литературное влияние Кастилии и кастильского (испанского) языка, который стали использовать, создавая свои сочинения, и многие талантливые уроженцы Галисии, внося таким образом свой вклад в блестящую культуру и литературу испанского Возрождения.

Между закатом куртуазной галисийско-португальской и окончательной победой новой кастильской поэзии во второй половине XIV—первой половине XV века имел

место переходный, так называемый галисийско-кастильский период; он отмечен появлением нескольких сборников, включавших стихотворения как на кастильском, так и на галисийском языке. Наиболее значительным из них является «Песенник Базны» («Cancionero de Baena»), созданный, видимо, в середине XV века при дворе короля Кастилии Хуана II и содержащий около шестисот стихотворений. Составителем этого песенника был придворный поэт и секретарь короля Хуан Альфонсо де Баэна.

Благодаря «Песеннику Базны» до нас дошло творчество одного из последних галисийских трубадуров — знаменитого Масиаса Влюбленного. Правда, этот поэт больше прославился не своими стихами, а трагической историей своей любви: Масиас Влюбленный был убит ревнивым мужем воспетой им дамы. (Впоследствии горестной судьбе Масиаса посвятили свои произведения многие известные авторы, в частности Лопе де Вега и Мариано Хосе де Лара.)

В эпоху «темных веков» песни галисийских трубадуров постепенно забылись. От авторской галисийской книжной поэзии тех времен сохранилось ничтожно мало. Галисийские стихотворения иногда фигурировали, наряду с кастильскими и латинскими, на поэтических конкурсах — так называемых Минервальных праздниках, которые устраивались начиная с 1536 года Университетом Сантьяго-де-Компостела. До нас дошло несколько сонетов, созданных в XVI—XVII веках на галисийском языке уже в духе ренессансной и барочной эстетики, а также децимы сельского священника Мартина Торрадо, воспевающие святого Иакова, покровителя Галисии и всей Испании.

Однако именно в самые глухие «темные и безмолвные» века, в самые застойные «времена бесплодия письменной литературы» в Галисии наступил «один из высших моментов народной поэзии»,¹² небывалый расцвет устного поэтического творчества. Анонимные авторы, часто очень талантливые, создавали песни, без которых

---

¹² *Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 46.*

не обходился ни один галисийский народный праздник. Это были произведения самых разнообразных жанров. Среди них особое место занимают стихотворные пьески, предназначенные для религиозных праздников, прежде всего Рождества (*vilancicos de Nadal*), и продолжавшие «древнюю традицию народного литургического театра».¹³

Как и в других областях Испании, в Галисии сочинялись и пелись баллады — романсы, отличавшиеся необыкновенным богатством и разнообразием тем. В них мы найдем и воспоминания об исторических событиях, и прославление национальных героев, и фантастические приключения, и легенды, и любовь во всех ее проявлениях, а также сатиру и шутку.

Особенностью именно галисийских романсов является тема паломничества в Сантьяго-де-Компостела к мощам святого Иакова:

С просветленною душою,
колокольным внемя звонам,
шла паломница-девица
под лазурным небосклоном...

Галисийца в течение всей его жизни сопровождала короткая песня-куплет «кантига» (*cantiga*) — сродни русской частушке. Под эти песенки работали и укачивали детей, их распевали на посиделках и в поле, на ярмарках и на дорогах, ведущих в места паломничества. Ни один сельский праздник не обходился без плясок под звуки бубна и гайты — галисийской волынки, а также без песен, составленных из множества куплетов, разнообразных по настрою и темам, веселых и грустных, озорных и лирических, но всегда остроумных.

Я в ответ на ваши сплетни
даже ухом не веду.
Знаю я: для сплетниц кресло
сплетено давно в аду.

Восемнадцатый век оказался последним из «темных». Новые веяния эпохи Просвещения не обошли стороной

¹³ Ibid. P. 47.

и Галисию, в которой начал пробуждаться интерес к своему историческому прошлому, к своей национальной самобытности, к своему языку. О различных сторонах галисийской действительности и о родном языке писали многие испанские просветители галисийского происхождения: крупнейший мыслитель того времени, бенедиктинец Бенито Херонимо Фейхоо (1676—1764), Диего Серпиндас-и-Кастро (1698—1777), знаменитый «священник из Фруйме», и многие другие. Среди них особое место занимает бенедиктинский монах Мартиньо Сармиенто (1695—1772), замечательный знаток Галисии, много писавший о галисийском языке и осуществивший «полевые исследования, которые еще и сегодня могут считаться весьма полезными».¹⁴ Мартиньо Сармиенто занимался, в частности, сбором местного песенного фольклора. Записанные им народные куплеты он собирался положить в основу своеобразного литературного произведения, но оно осталось, к сожалению, незавершенным.

В начале XIX века, во время вторжения на Пиренейский полуостров наполеоновских войск, в Галисии, поднявшейся на борьбу против иноземных захватчиков, произошел всплеск национального самосознания и патриотических чувств, что породило соответствующую литературную активность. На галисийском языке сочинялись, печатались и распространялись антинаполеоновские листовки, содержавшие в том числе и стихотворные произведения, рассчитанные на широкую народную аудиторию. Среди них встречались достаточно интересные сочинения — например, знаменитый романс 1808 года, обращенный к галисийским новобранцам, в котором анонимный автор призывает галисийских парней сражаться против «палача из Франции» за родину, короля и Бога:

А когда вы домой возвратитесь
с долгожданной нашей победой,
то с волынками, с бубнами выйдут
вас встречать все красивые девы.

(Перевод Е. Голубевой)

---

¹⁴ *Tarrio Varela A. Literatura galega. Vigo, 1994. P. 91.*

ГАЛИСИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

После окончания Наполеоновских войн положение Галисии продолжало оставаться тяжелым. Несмотря на попытки проведения либеральных реформ, сельское хозяйство — основа галисийской экономики — было все еще полуфеодальным, отсталым, крестьян разоряла непомерно высокая арендная плата за землю. Но национальное самосознание, разбуженное общенародной борьбой против французских захватчиков, вызвало к жизни движение, поставившее своей целью возрождение Галисии. В 40-е годы XIX века в среде либерально-патриотически настроенной галисийской интеллигенции зазвучали призывы к воссозданию галисийской культуры, к борьбе за национальную автономию.

В 1846 году в Галисии произошло восстание военных, требовавших ослабления зависимости от центральной власти. Восстание было жестоко подавлено, его организаторы казнены, но их подвиг всколыхнул патриотически настроенную часть галисийского общества и положил начало галисийскому Возрождению.

В первой половине XIX столетия галисийское Возрождение — Решурдименто (Rexurdimento) — делало еще только первые робкие шаги. При этом его поборники придавали важнейшее значение реабилитации галисийского языка, который к середине века стал восприниматься верхушкой галисийского общества как язык простонародья, «низов»; образованные люди предпочитали пользоваться языком господствующей нации — кастильским (испанским). Поэтому представлялось необходимым пробудить интерес к родному языку именно среди образованной части общества, вернуть галисийскому утраченный им престиж и статус литературного языка.

Первой публикацией, способствовавшей достижению данной цели, считается изданная в 1853 году книга «Галисийская волынка» («Gaita gallega»), автором которой был скромный чиновник и поэт Шоан Мануэль Пинтос (1811—1876). Эта книга, посвященная новой истории Галисии, содержит наряду с латинскими и кастиль-

скими довольно большое количество текстов, как прозаических, так и поэтических, на галисийском языке. Автор «Галисийской волынки» не был выдающимся поэтом, но в своих стихах он с огромной любовью и искренним состраданием говорил о родной земле и о тяжелой доле ее народа.

Из ранних галисийских романтиков наиболее интересным и талантливым был поэт Франсиско Аньон Пас (1812—1878). Большую часть своей трудной, полной лишений жизни он провел вдали от горячо любимой родины, которую воспел в образных, музыкальных стихах. Франсиско Аньон является также автором ряда изящных лирических стихотворений, особенно известен его сонет «Любовь с первого взгляда»:

Мы встретились и молча улыбнулись,
в глазах мы друг у друга отразились,
и наши души вмиг соединились —
мы к высочайшей тайне прикоснулись.
Как будто от дурмана мы очнулись;
грустили вместе мы и веселились,
и бедами и радостью делились...
Пришла любовь. Да, мы не обманулись.

Свободными мы быть с тобой старались,
как птицы, что на веточках уселись,
и бесконечным счастьем наслаждались.

О, только б наслажденья не приелись,
и годы, как мгновенье, не промчались,
и чувства наши никуда не делись!

(Перевод А. Родосского)

Через десять лет после публикации «Галисийской волынки» Пинтоса произошло событие, получившее воистину революционное значение для истории галисийской литературы: вышли в свет «Галисийские песни» («*Cantares gallegos*»), автором которых была **Росалия де Кастро**. «В мае 1863 года запел жаворонок, и с тех пор все в Галисии стало по-другому».¹⁵ Дата издания «Гали-

¹⁵ Из предисловия Шесуса Алонсо Монтеро к сборнику: *Кастро Р. де. Стихи*. С. 15.

сийских песен» считается началом «Высокого Возрождения» галисийской культуры.

К моменту выхода «Галисийских песен» Росалия де Кастро, несмотря на молодость, была уже достаточно известна в испанских литературных кругах, она успела опубликовать — на кастильском языке — два сборника стихов и два романтических романа, с интересом встреченных читающей публикой. Но сборник красивых, музыкальных стихотворений на галисийском языке, созданных на основе народной поэзии и звучащих так, что «трудно понять, где кончается народная песня и где начинается песня Росалии»,¹⁶ произвел ошеломляющее впечатление на современников — и не только в Галисии. Настал звездный час Росалии де Кастро, к ней пришла слава. Сегодня она — символ и гордость родной земли, Галисийская Муза.

По сохранившимся воспоминаниям современников, Росалия де Кастро не отличалась особенной красотой. У нее, высокой и худенькой, были «каштановые волосы, широкое лицо с выступающими скулами, темные глаза, большой рот. Крестьянский тип, обладающий несомненной силой, хотя мы знаем, какое у нее всегда было плохое здоровье».¹⁷ Судьба будущей знаменитой поэтессы с самого начала была непростой. Незаконная дочь незамужней женщины из знатного, но обедневшего галисийского рода и католического священника, нареченная при крещении Мария Росалия Рита, она провела детство в деревне, среди крестьян, в семье родственников отца. В дальнейшем жила с матерью в столичном городе Сантьяго-де-Компостела. Здесь она получила воспитание и образование, типичное для девушки из среднего класса тогдашней испанской провинции. С детских лет Росалия много читала и писала стихи.

В 1856 году Росалия де Кастро переезжает в Мадрид, где через год выходит первый сборник ее стихов, напи-

---

¹⁶ *Fernández del Riego F.* Historia da literatura. P. 69.

¹⁷ *Carballo Calero R.* Estudos rosalianos. Aspectos da vida e da obra de Rosalía de Castro. Vigo, 1979. P. 17.

сенных по-кастильски: «Цветок» («La flor») — еще подражательный, созданный в духе испанских поэтов-романтиков. Вскоре, в 1858 году, Росалия становится женой историка и журналиста Мануэля Мартинеса Мургия (1833—1923), одного из главных вдохновителей галисийского литературного Возрождения. Мануэль Мургия был неизменным почитателем таланта своей жены, высоко оценивал ее литературное творчество и старался всячески поддерживать ее в течение всей жизни.

А писала Росалия де Кастро всегда много. Будучи матерью все более многочисленного семейства и супругой активного общественного деятеля, вынужденная жить то в Мадриде, то в Галисии, то в других областях Испании, где получал работу Мургия, она трудилась не покладая рук. Она сочиняла не только стихи, но и прозу. Ее первый, типично романтический, роман «Дочь моря» («La hija del mar»), вышедший в 1859 году, написан, как и все последующие романы, по-кастильски, но посвящен Галисии, ее природе и людям. На фоне дикого, сурового ландшафта северо-западного атлантического побережья Галисии в романе разыгрываются поистине леденящие душу трагедии любви и смерти.

Действие следующего романа — «Флавио» («Flavio»), опубликованного в 1861 году, тоже происходит в Галисии, но не приморской, а внутренней — с ее мягким климатом, живописными долинами и холмами, уютными деревушками и старинными родовыми замками. В романе рассказывается история деградации Флавио, последнего отпрыска угасающего знатного рода, который в юности был беззаветно влюблен в гордую красавицу Мару, но с годами превратился в жестокого циника, готового на все ради денег. По сути дела, главной героиней этого романа является Мара; она наделена автором некоторыми автобиографическими чертами: сильным характером, независимостью, смелостью суждений и даже поэтическим даром.

Через год в печати появились сразу два стихотворных сборника Росалии де Кастро. Первым из них была книжечка грустных и нежных стихов, озаглавленная

«Моей матери» («A mi madre») и посвященная памяти недавно скончавшейся доны Марии Тересы да Крус де Кастро-и-Абадиа. Вторым сборником стали созданные на родном языке поэтессы знаменитые «Галисийские песни» — первый шедевр галисийского литературного Возрождения.

По словам Росалии де Кастро, на подготовку и публикацию «Галисийских песен» ее вдохновила «Книга песен» («El libro de los cantares») известного баскского поэта и патриота Антонио де Труэбы (1819—1889). Книга была создана на основе баскского фольклора, но написана на кастильском языке. Свою собственную книгу поэтесса решила сочинить на галисийском, который она знала и любила с самого раннего детства. В прозаическом прологе к «Галисийским песням» Росалия говорит о желании «воспеть красоты нашей земли на мелодичном и нежном наречии», которое многие несправедливо считают «варварским».¹⁸ В своих песнях поэтессе несомненно удалось показать, какими неисчерпаемыми художественными возможностями обладает галисийская речь, — созданные ею стихи поражают красотой и музыкальностью.

«Галисийские песни» Росалии де Кастро имеют законченную композиционную структуру. Сборник открывается стихотворением, в котором простая девушка, народная певица, обещает воспеть Галисию на родном языке:

Тебя воспою я
по-галисийски...

А в завершающем стихотворении та же певица просит простить ее за не слишком искусное исполнение:

Я вам пела, пела, пела,
как умела, как могла.

Как и в книге Антонио де Труэбы, каждая песнь в сборнике Росалии де Кастро построена на основе како-

---

¹⁸ Кастро Р. де. Стихи. С. 34—35.

го-либо народного куплета, отрывка или пословицы, которые обыгрываются и получают продолжение уже в авторском тексте. Включенные в сборник песни представляют собой монологи либо диалоги простых галисийцев и создают поэтический облик родного края:

Лучшее место
на целой земле —
то, где родиться
выпало мне.

Лучшее место,
прекрасный край —
это Галисия,
земной наш рай!

На страницах сборника Росалии предстает веками сложившийся уклад галисийской народной жизни, своеобразие древних обычаев, живописность веселых праздников, а главное — богатый внутренний мир галисийских крестьян, их способность искренне и поэтично выражать свои чувства:

Любимая, в тебе соединились
сияние луны и солнца свет,
и зной, и родниковых струй прохлада.
Клянусь: тебя прекрасней в мире нет!

(Перевод А. Ткаченко)

Но жизнь большинства простых галисийцев тяжела и печальна, полна лишений и горя. Многим приходится покидать любимую родину из-за голода и нужды; эмиграция всегда была бичом Галисии.

Прощай, селенье, прощай, мой дом,
прощайте, горы, ручьи и реки;
прощай и ты, свет моих очей:
прощай, наверно, уже навеки.

.....

Я оставляю друзей давнишних.
Путь предо мною далекий лег,
и землю я променял на море...
Когда бы здесь я остаться мог!

.....

Но я всех беднее на свете,
и земля моя — не моя,
не мои даже тропы эти,
по которым шагаю я...

Создание «Галисийских песен» явилось важнейшим событием не только в творчестве Росалии де Кастро. Сборник благотворно повлиял на все дальнейшее развитие галисийской литературы.

В последующие годы Росалия де Кастро много занимается прозой. В 1866 году появился ее роман «Руины», в котором много места уделено описанию быта, нравов и обычаев галисийской провинции. Основные персонажи романа — знатные, но обедневшие донья Инес, некогда блиставшая красотой, и юный мечтатель Монтенегро, а также их друг, коммерсант дон Браулио, который растратил свое огромное состояние, помогая нуждающимся, — это милые чудачки, совершенно не приспособленные к жестокому практицизму современности, «руины», живые обломки мира, безвозвратно ушедшего в прошлое.

В следующем году вышел в свет самый загадочный роман Росалии де Кастро — «Кабальеро в Синих Сапогах», одновременно и фантастический, и реалистический. Сама писательница назвала его «странная повесть». В этом романе явно ощущается влияние немецких романтиков Гофмана и Шамиссо. В нем действительно много странного, начиная с самого кабальеро, который отличался необычностью внешности и поступков и был «неизвестно кем» (некоторые дамы считали, что он — русский поэт Лермонтов, автор «Героя нашего времени», таинственным образом избежавший смерти на дуэли и перенесенный в Мадрид). Большое место в романе занимает остроумная критика жизни всех слоев тогдашнего столичного общества — включая и литераторов. Некоторыми своими чертами Кабальеро в Синих Сапогах перекликается с Рыцарем Печального Образа — Дон Кихотом. Как и герой Сервантеса, он стремится совершенствовать людей и творить добро, далеко не всегда добиваясь искомого результата.

Следующая книга Росалии де Кастро увидела свет только в 1880 году. Это — поэтический сборник «Новые листы» («Folhas novas»), написанный, как и «Галисийские песни», на галисийском языке. Однако «Новые листы» представляют собой поэтическое явление совершенно иного порядка. За годы, прошедшие после публикации «Галисийских песен», Росалия восприняла и осмыслила опыт современной ей испанской и зарубежной поэзии, по достоинству оценила творчество таких авторов, как знаменитый испанский поэт Густаво Адольфо Беккер, с которым она была лично знакома, немецкий поэт Генрих Гейне, русский поэт Михаил Лермонтов. Росалия де Кастро размышляет над общечеловеческими и чисто галисийскими духовными и социальными проблемами (о них она много говорит, в частности, и в появившихся за этот период статьях и романах). «Новые листы» — это первая попытка создать серьезную поэзию на галисийском языке. В отличие от «Галисийских песен», написанных как бы от лица простых людей Галисии, в «Новых листах» поэтесса говорит от своего собственного имени.

Ее внутренний мир трагичен:

В небе — радостная синь,
на земле — молодая зелень,
в глубине моей души —
только чернота и темень.

Росалия де Кастро пишет о неотвратимости и обманчивости счастья, о преследующем ее страшном призраке — «черной тени», о возможности обрести избавление от мук только в смерти, о тщетности попыток постичь Запредельное. В этой книге «метафорическая поэзия впервые заговорила по-галисийски».¹⁹

Сборник «Новые листы», состоящий из пяти небольших разделов — «Неясности», «Из личного», «Разное», «О земле», «Вдовы живых и вдовы мертвых», чрезвычайно разнообразен по тематике. Поэтесса с равной

---

¹⁹ Кастро Р. де. Стихи. С. 29.

страстностью и выразительностью представляет в нем и мир чувств своей лирической героини, и красоту родной земли, и страдания галисийского народа.

В разделе «Вдовы живых и вдовы мертвых» большое место занимают стихи о тяжелой жизни простых людей — крестьян и рыбаков Галисии, чей удел — непосильный труд, нужда и эмиграция. И вот уже некому возделывать родные поля, а женщины и дети становятся вдовами и сиротами живых мужей и отцов. Оценивая эти стихи Росалии, испанский писатель «Поколения 1898 года» Асорин сказал: «Невозможно страдать сильнее, чем она, глядя на бедных хлебопашцев, бредущих дорогами родной земли к побережью, чтобы навеки уплыть в дальние страны».²⁰

Судьба несчастных женщин и детей Галисии, разумеется, тоже не могла оставить Росалию де Кастро равнодушной. В предисловии к сборнику она восклицает: «...но что всегда меня трогало до глубины души, так это бесчисленные страдания наших женщин... Проводя большую часть жизни в одиночестве, вынужденные работать от рассвета до заката, не имея ни помощи, ни средств, чтобы содержать себя и детей, они словно обречены обрести покой лишь в могиле».²¹

Современники Росалии де Кастро не поняли и не смогли правильно оценить «Новые листы». Они, видимо, считали, что «деревенский» галисийский язык, уместный в народных песнях, плохо подходит для серьезной поэзии. В данном случае Росалия намного опередила свое время. «Новые листы» заняли подобающее им место в галисийской поэзии только в XX веке.

Недолгая жизнь Галисийской Музы подходила к концу, но после «Новых листов» она успела выпустить еще один роман и один сборник стихов, написанных на кастильском языке.

Роман Росалии де Кастро, появившийся в 1881 году, озаглавлен «Первый безумец». В нем, как и в большин-

---

²⁰ Асорин. Избранные произведения. М., 1989. С. 525.

²¹ Кастро Р. де. Стихи. С. 119.

стве ее предыдущих романов, действие происходит в галисийской провинции, на фоне прекрасной природы. И, как и во многих других произведениях Росалии, в нем тесно переплетаются — в духе Гофмана — естественное и сверхъестественное, реальные события и галлюцинации, нормальная жизнь и безумие. Герой романа Луис, психически неуравновешенный молодой человек, не обращая внимания на беззаветно преданную ему скромную девушку Эсмеральду, болезненно влюблен в расчетливую красавицу, легкомысленно играющую чувствами своего странного поклонника. Когда властительница его чувств выходит замуж за богатого англичанина, Луис окончательно теряет рассудок. Отвергнутая им Эсмеральда умирает от горя, а сам герой романа становится первым жильцом учрежденного им приюта для душевнобольных.

Последним крупным произведением великой галисийской поэтессы стал сборник испанских стихов «На берегах реки Сар» («En las orillas del Sar»), вышедший в 1884 году, менее чем за год до ее смерти. Его можно рассматривать как продолжение и дальнейшее развитие лирической линии «Новых листов». Основные темы сборника — это чарующий мир галисийской природы, и на ее фоне — трагедия души, обреченной на муку, познавшей неизбежность тоски, иллюзорность счастья, безнадежность и абсурдность существования. Поэтесса не ждет от судьбы ничего: ни милостей, ни даже ударов, потому что чаша счастья разбилась вдребезги, а чаша несчастья переполнена, и новым горестям в ней уже не осталось места. Как и в «Новых листах», в своем последнем сборнике Росалия, предчувствуя близкий конец, много говорит о смерти.

Росалия де Кастро скончалась от тяжелой неизлечимой болезни в расцвете творческих сил в 1885 году, в Галисии, в своем доме в воспетой ею долине Падрон. Шесть лет спустя ее прах перенесли в Сантьяго и торжественно перезахоронили внутри часовни монастыря Сан Домингос де Бонавал — в Пантеоне выдающихся галисийцев.

Среди произведений Галисийской Музы, найденных и изданных уже посмертно, есть написанный прозой на галисийском языке и озаглавленный чрезвычайно просто «Галисийский рассказ». Как известно, свои прозаические произведения Росалия де Кастро создавала, за редчайшими исключениями, на кастильском языке. Видимо, она считала, что ее родной галисийский не получил еще необходимой литературной обработки, чтобы стать языком художественной прозы. Однако и «Галисийский рассказ», и авторские предисловия к сборникам «Галисийские песни» и «Новые листы», написанные яркой, образной галисийской прозой, позволяют судить о том, что Росалия де Кастро «использовала это средство выражения в высшей степени эффективно».²²

Творчество Росалии де Кастро принадлежит двум культурам, двум литературам: галисийской и кастильской. Но даже создавая стихи и прозу на кастильском языке, Росалия всегда ощущала себя галисийкой и писала прежде всего о Галисии, ее природе и ее людях. Она, создательница «Галисийских песен», сыграла огромную роль в возрождении галисийской культуры и становлении новой литературы Галисии.

В Испании поэзию Росалии де Кастро по достоинству оценили только в новом, XX, столетии — тогда, когда писатели «Поколения 1898 года» открыли для себя свою страну и ее фольклор. Росалия для них была поистине Предтечей. Ее стихотворение «Вонзилась мне в самое сердце...» (из «Новых листов») вдохновило Антонио Мачадо (1875—1939) на создание собственного произведения — «Иду по долине вечерней...», ставшего одним из шедевров его лирики. Для новых поэтов («Поколение 1927 года») творчество Росалии де Кастро тоже не было «звучком пустым». Гарсиа Лорка посвятил ей одно из своих галисийских стихотворений. А его друг Дамасо Алонсо (1898—1990) в 1958 году писал о Галисийской Музе: «Словно сама Галисия сосредоточилась в ней всеми соками, всеми сгустками своей индивидуаль-

---

²² Carballo Calero R. Estudios rosalianos. P. 195.

ности. И благодаря такому стечению живительных соков Росалия становится самым лиричным поэтом всего XIX века, возможно, самым невероятным, самым пламенным воплощением личного во всей современной испанской лирике».²³

Выдающуюся роль в культурном и литературном возрождении Галисии сыграл также современник и почитатель Росалии, поэт **Эдуардо Пондаль** — певец героической древней истории родной земли. По мнению Пондаля, впоследствии названного соотечественниками «инициальным поэтом Галисии», вдохновить галисийцев на борьбу за достойное будущее могло бы осознание ими своего великого прошлого.

Эдуардо Пондаль родился и провел почти всю свою долгую жизнь на атлантическом северо-западе Пиренейского полуострова, в округе Бергантиньос. Дикая и величественная природа родного края: скалистое океанское побережье, вековые сосны, стонущие на холодном ветру, вольные стаи черных воронов и дополняющие суровый ландшафт развалины древних крепостных поселений и сложенные из массивных каменных глыб надгробные памятники (дольмены) — все это, несомненно, оказало огромное влияние на творчество будущего галисийского барда.

Пондаль появился на свет в обеспеченной и знатной семье, получил медицинское образование в Университете Сантьяго-де-Компостела, но отказался от карьеры врача — он решил полностью посвятить себя поэзии и делу возрождения Галисии. Близкий друг и единомышленник Мануэля Мургия и других энтузиастов галисийской идеи, «романтический демократ»²⁴ Эдуардо Пондаль принимал активное участие в патриотических мероприятиях, в частности в знаменитом среди галисийцев банкете, организованном в 1856 году в Коншо.

Вслед за Мануэлем Мургия и его сторонниками Эдуардо Пондаль считал, что сплотить галисийцев и помочь

---

²³ Цит. по: *Kacmpo P. de*. Стихи. С. 18.

²⁴ *Tarrío Varela A.* Literatura galega. P. 149.

им ощутить себя самобытной нацией могла бы идея общего великого прошлого. Но — в отличие от испанских романтиков, искавших вдохновение главным образом в рыцарской эпохе Средних веков, — идеологи галисийского Возрождения обратились к более древней, еще доримской, истории родного края и создали увлекательную (хотя и не бесспорную) концепцию, согласно которой галисийцы происходят от героических и воинственных древних кельтов, пришедших на Пиренейский полуостров и поселившихся на его северо-западе задолго до римского завоевания.

Историки Пиренейского полуострова, начиная с античных авторов, отмечают присутствие кельтов на его территории, особенно в северо-западной части, уже во второй половине первого тысячелетия до нашей эры. Мануэль Мургия, говоря в первом томе своей знаменитой «Истории Галисии» о наличии в глубокой древности на будущей галисийской территории кельтского элемента, упоминает, в частности, о существовании «морских связей между Галисией и Ирландией», сведения о которых «он почерпнул в ирландских легендарных источниках».²⁵ Мургия сообщает нам, что согласно ирландским преданиям Бреоган, вождь кельтских воинов-фениев, рожденный уже на галисийской земле, полностью покорил местное население. Он основал город Бригантия (ныне Бергантиньос) и построил башню-маяк, с которой его сын Ит однажды сияющим летним днем различил вдали очертания Ирландии. Одержимый неодолимым желанием побывать на этой неведомой земле, он в конце концов осуществил свою мечту и, совершив морское путешествие, достиг берегов прекрасного зеленого острова, но был убит местными жителями. Чтобы отомстить за Ита, фении захватили остров и подчинили его своей власти.²⁶

Литературной основой кельтской идеи, или кельтского мифа, послужило творчество Джеймса Макферсо-

²⁵ Цит. по: *Risco V. Obras completas. V. 4. Vigo, 1994. P. 462.*

²⁶ См.: *Vázquez Cuesta P. Dez clásicos da literatura galega // Nos. 1996. N 139 (janeiro—marzo). P. 9.*

на (1736—1796), опубликовавшего якобы обнаруженные им в горной Шотландии и переведенные с гэльского языка поэтические сказания о подвигах древних кельтов, совершенных ими во II—III веках нашей эры. Необычные, выразительные песни-повести²⁷ были выданы Макферсоном за создания воина-барда Оссиана, который согласно преданию, дожив до глубокой старости и ослепнув, бродил по горам, играя на арфе и воспевая деяния предков, своего отца Фингала, его дружинников-фениев и суровую красоту родного края. Песни Оссиана пользовались огромной популярностью в Европе во второй половине XVIII и в начале XIX века.

В консолидации кельтской идеи большую роль сыграли собрания в знаменитой «Кельтской пещере» («Cova celtica»),²⁸ проходившие в Региональной книжной лавке в городе Ла-Корунья в последние годы XIX—первые годы XX века. Наиболее активными и выдающимися участниками этих собраний были Мануэль Мургиа и Эдуардо Пондадь.

Кельтский миф оказал заметное влияние на развитие галисийской культуры и литературы начиная с эпохи романтизма. «Мифа, не связанного с действительностью, не бывает». Сила мифа заключается в том, что он, воспринимаясь как нечто непреходящее, вечное, способен «объяснить прошлое, воздействовать на настоящее и предсказать будущее».²⁹ Именно кельтский миф в наибольшей мере определил эстетическую эволюцию творчества Эдуардо Пондаля — от романтизма к символиз-

---

²⁷ Произведения Макферсона написаны поэтической ритмизованной прозой, но на другие языки их часто переводят стихами. См.: «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона / Исследования, перевод и примечания Е. Балбановой. СПб., 1891. С. 371.

²⁸ «Кельтской пещерой» пренебрежительно назвал эти собрания один из критиков кельтской идеи, но участникам «кличка» понравилась, и они, «нисколько не обидевшись, приняли ее, предварительно переведя название на галисийский язык» (*Fortes B. Manuel Murguía e a cultura galega. Santiago de Compostela, 2000. P. 47*).

²⁹ *Ricon Virulegio A. Estética poética de Eduardo Pondal. A Coruña, 1985. P. 37.*

му. В соответствии с эстетикой символизма поэт получает возможность слышать недоступные большинству людей «потусторонние голоса, таинственные и неясные». В данном случае речь идет о «голосе истории древних кельтов, растворенном в веках, но особая чувствительность восприятия, свойственная поэту-визионеру, позволяет ему уловить это послание».³⁰ И передать его в своих стихах при помощи слов-символов.

Поэт щедро вводит в ткань своих стихотворений странно и завораживающе звучащие древнекельтские имена воинов, бардов, красавиц, фей: Бреоган, Каирбар, Уллин, Мальвина, Балтар, Рентар, Морпегите и многие другие имена-заклинания, имена-символы, призванные воздействовать на воображение читателя, вызвать в нем определенный душевный настрой, заставить его почувствовать себя потомком древних героев. Эти удивительные имена, частично заимствованные из исторических источников и песен Оссиана, частично созданные самим автором на основе местных, пришедших из глубокой древности географических названий, и составляют — наряду с такими ключевыми словами-символами, как «сосны», «ветер», а также наименованиями некоторых птиц (воронов, чаек, ласточек) — основу поэтики Эдуардо Пондаля.

В системе символов поэзии Эдуардо Пондаля особое место занимает фигура древнего вождя галисийских фе-ниев Бреогана. Образ Бреогана — основная идеологическая составляющая знаменитого стихотворения Пондаля «Сосны», ставшего галисийским гимном. Что же слышится галисийскому барду в немолчном пении шумящих на ветру сосен, являющихся для него одним из ключевых символов Галисии? Почти каждая строфа стихотворения-гимна заканчивается призывом галисийцев к борьбе. Последнее, ударное слово строфы — имя Бреогана, звучащее как заклинание, как боевой клич, достигающий максимального эмоционального накала в концовке стихотворения:

---

³⁰ Ibid. P. 51—52.

Готовьтесь, галисийцы,
к великому походу,
за право на свободу
да встанет древний клан!
Сыны бесстрашных кельтов,
за край сражайтесь милый,
чтоб воля осенила
твой дом, о Бреоган!

Как Росалия де Кастро, как многие другие поэты галисийского Возрождения, свои ранние стихи, созданные еще в духе испанского романтизма, Эдуардо Пондаля писал на кастильском языке. Но уже его первый поэтический сборник, вышедший в 1877 году и озаглавленный по-кастильски «*Rumores de los pinos*» («Шумы сосен»), содержал стихотворения не только на кастильском, но и на галисийском языке. Через девять лет, в 1886 году, появился второй, главный сборник его стихов, озаглавленный по-галисийски «*Queixumes dos pinos*» («Стоны сосен»), значительно превышавший по объему предыдущую книгу и включавший стихотворения только на галисийском языке.

Необычная, новаторская, изысканная система образов, созданная Пондалем, требовала соответствующих средств выражения. Галисийский бард неустанно работал над поэтической формой и смог добиться чеканного звучания стиха. Без сомнения, в лице Эдуардо Пондаля «язык галисийской лирики обрел своего первого великого современного стилиста».³¹

Третьим великим поэтом галисийского Возрождения, стоящим рядом с Росалией де Кастро и Эдуардо Пондалем, является **Мануэль Куррос Энрикес**, преданный патриот Галисии и страстный борец за социальную справедливость. Поэт-бунтарь, он по праву считается родоначальником галисийской гражданской поэзии.

Куррос Энрикес происходил из провинциальной мелкобуржуазной семьи: его отец работал нотариусом в маленьком городке Селанова в области Оренсе на юге

---

³¹ *Tarrío Varela A. Literatura galega. P. 149.*

Галисии. Не выдержав деспотической власти отца-самодура, будущий поэт, также отличавшийся крутым нравом, рано покидает родной дом и уезжает в Мадрид. Здесь он поступает на юридический факультет и оказывается в самой гуще бурных политических событий, сотрясавших Испанию во второй половине XIX века. Важнейшими из них были: революция 1868 года, свергнувшая королеву Изабеллу II, провозглашение в 1873 году республики, Карлистские войны,³² восстановление монархии и возведение на престол в 1874 году сына Изабеллы II дона Альфонсо. Убежденный республиканец, борец за демократию, прогресс и возрождение родной Галисии, Куррос Энрикес сотрудничает во многих крупных испанских газетах. В качестве корреспондента газеты «Эль Импарсиаль» он выезжает на север Испании, в район наиболее активных боевых действий Второй Карлистской войны.

В Мадриде Куррос Энрикес начал писать и публиковать стихи — это были испанские стихи на животрепещущие политические темы, не отличавшиеся большими художественными достоинствами. Свои галисийские стихи он тоже начал писать в испанской столице, «затосковав по родине однажды серым мадридским вечером».³³ Его первым галисийским стихотворением стала ныне знаменитая «Песня» («Позднею ночью в саду ароматном...»), посвященная исконному галисийскому бедствию — вынужденной эмиграции, разлучающей любящие сердца:

Позднею ночью в саду ароматном,
тающем в призрачных лунных лучах,
юная девушка, брошена милым,
долго сидела в горячих слезах.

. . . . .

---

³² Так называемые Карлистские войны — Первая (1833—1840) и Вторая (1872—1876) — велись против правящих представителей династии Бурбонов наиболее реакционными силами Испании, сторонниками абсолютной монархии, поддерживавшими претендентов на испанский престол Карла Старшего (1788—1855) и его внука Карла Младшего (1848—1909).

³³ *Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 74.*

А в это время идет в океане
к американской земле пароход,
точно рабов, он везет эмигрантов,
милый той девушки с ними плывет.

Эта трогательная баллада, заканчивающаяся смертью влюбленных, впоследствии была положена на музыку и стала популярным романсом.

Серьезный литературный успех пришел к Курросу Энрикесу также благодаря лирическим стихам на галисийском языке. В 1877 году он занял первое место (и получил солидную денежную премию), приняв участие в поэтическом состязании, организованном в столице его родной провинции, городе Оренсе. Победу принесли ему три стихотворения, написанные, по условиям конкурса, «на галисийском диалекте и на галисийские темы».³⁴

Первым из этих стихотворений была небольшая поэма «Хрустальная Дева», созданная по мотивам местной легенды о двух бедных влюбленных: садовнике Мартиньо и пастушке Росинья, чье счастье разбил злостный завистник Шан. Отвергнутый прекрасной пастушкой, он оклеветал ее, обвинив в том, что она неверна своему жениху. Влюбленные поссорились. Росинья клялась, что она невинна, «чиста как хрусталь». Ночью во сне несчастной девушке явилась сияющая неземной красотой женщина и пообещала помочь. На следующий день Мартиньо попал в страшную грозу, после которой он обнаружил на земле удивительный предмет, похожий на сверкающее хрустальное яйцо, внутри которого был виден лик Богоматери. Не поняв, что это — святыня, и испугавшись, Мартиньо оставил хрустальное яйцо в горах, где его вскоре нашла Росинья. Девушка отнесла хрустальную Богоматерь священнику; весть о чудесной находке распространилась по всей округе и дошла даже до короля Филиппа IV, который повелел построить на месте ее обретения часовню. Потрясенная случившимся,

---

³⁴ *Curros Enríquez M. Aires da miña terra e outros poemas. Vigo, 1985. P. 9.*

Росинья ушла в монастырь. Мартиньо, жестоко отмстив Шану, замерз зимней ночью под окном кельи своей бывшей возлюбленной. А часовня Хрустальной Богоматери стоит до сих пор, являясь главной местной святыней.

Второе конкурсное стихотворение — «Свадьба в Эйнибо» — представляет собой красочную картину народного праздника. Третье стихотворение — «Волынщик» — было посвящено знаковой для сельской Галисии фигуре народного музыканта. Повествование ведется от лица немолодой уже крестьянки, вспоминающей о своей юности. Вместе с рассказчицей автор, несомненно, восхищается и любит волынщиком-виртуозом.

Когда он на гайте своей
играл (тут любой согласится),
казалось: поет соловей.

Но люди начинали слушать игру замечательного волынщика — радуясь, а заканчивали — плача, так как его прекрасная музыка говорила о вечных страданиях Галисии:

...доныне
услышать вы можете стоны
в горах, над полями в долине.
Измучен наш край угнетенный...

После победы на поэтическом конкурсе Куррос Энрикес, получивший не только премию, но и должность в местной администрации, переезжает с семьей в Оренсе. Он сотрудничает в провинциальной прессе, пишет на кастильском языке роман-памфлет, направленный против карлистов и духовенства, и пьесу в стихах, в которой также имелись антиклерикальные выпады, что вызвало недовольство в церковных кругах.

В 1880 году Курросу Энрикесу удалось при финансовой поддержке администрации Оренсе издать сборник своих галисийских стихотворений, озаглавленный «Напевы моей земли» («Aires da mina terra»). Этой книге суждено было стать — наряду с «Галисийскими песнями» Росалии де Кастро и «Сонами сосен» Эдуардо Понда-

ля — одним из символов галисийского Возрождения. В 1881 году появилось второе, дополненное издание «Напевов моей земли», а в 1886-м — третье, окончательное.

«Напевы моей земли» включают в себя галисийские стихи, созданные Курросом Энрикесом в 70-е—первой половине 80-х годов XIX века. Это позволяет проследить в его творчестве переход от романтизма ранних произведений — таких как «Песня», «Хрустальная Дева», «Волынщик» — к реализму периода творческой зрелости.

Куррос Энрикес, первый гражданский поэт галисийского Возрождения, всегда обличал в своих стихах социальные язвы, разъедавшие жизнь тогдашней Галисии. Социальная тема присутствует уже и в «Песне», в которой поэт оплакивает трагическую судьбу влюбленных, разлученных эмиграцией, и в стихотворении, посвященном волынщику из Перальты, слушая которого галисийцы вспоминают о своей горькой доле. Но в его поздних стихах социальная критика становится все более резкой, смелой и беспощадной.

Поэт пишет о тяжелой участи галисийских крестьян, угнетенных налогами и поборами, изнуренных непосильным трудом и голодом, роющихся, «словно кроты», в земле, которая не принадлежит им. Именно таким увидел галисийцев Бог в скандально известном в Галисии стихотворении Курроса Энрикеса «Глядя на землю». А в замечательном «Ноктюрне» старый галисийский крестьянин, потерявший все свое имущество и ставший нищим бродягой, ночью на горной тропе рассказывает о своих горестях единственному существу, слушающему его, — лягушке:

И долго у старого камня
шуршала сухая трава,
и жалобно пела лягушка
прощальную песню: — *Ква-ква!*

У Курроса Энрикеса всегда были сложные отношения с официальной Католической церковью, хотя он и не являлся атеистом. Но «для Курроса, как и для его едино-

мысленников, католицизм был синонимом абсолютизма и старорежимной нетерпимости».³⁵ Уже первый, вышедший в 1880 году сборник «Напевы моей земли» включал несколько произведений, содержавших дерзкие, опасные по тем временам антиклерикальные выпады. Это относится к уже упоминавшемуся стихотворению «Глядя на землю», а также к таким стихам, как «Пустынный храм», «В монастыре» и ряду других. Реакция местного духовенства не заставила себя ждать. Епископ Оренсе потребовал запретить крамольную книгу, а против автора возбудить судебное дело, и поэту оказалось очень непросто добиться оправдательного приговора.

В 1883 году Куррос Энрикес, уже признанный галисийский поэт, снова уезжает в Мадрид, где работает сначала в республиканской газете «Эль Порвенир», затем в газете «Эль Паис», а также изучает и переводит известных португальских поэтов того времени — прежде всего Антеру де Кентала (1842—1891) и Герра Жункейру (1850—1923).

В 1888 году выходит второе знаменитое галисийское произведение Курроса Энрикеса — небольшая пародийно-аллегорическая поэма «Божественный сайнете», написанная терцинами, как и «Божественная комедия» Данте. В поэме рассказывается о том, как ее автор в ночь под Рождество встречает в Мадриде толпу призраков, среди которых находится уже покойный к тому времени известный галисийский стихотворец Франсиско Аньон. И вот, «пародируя „Божественную комедию“, Куррос в сопровождении поэта Аньона, подобно Данте, которого сопровождал Вергилий, отправляется в паломничество в Рим на юбилей папы Льва XIII».³⁶ Ехать в Рим придется на необыкновенном поезде, в котором каждый из семи вагонов посвящен одному из семи смертных грехов. Среди пассажиров этого чуда-поезда кого только нет:

---

³⁵ Ibid. P. 18.

³⁶ Ibid. P. 27—28.

Я полагаю, что со мною вместе
поедут и аббаты, и монахи,
и пьяницы, и много прочих бестий.

На поезд развеселый мой взгляните:
в нем будут и развратники, и девки —
как зерна четок на единой нити!

В переполненных вагонах Куррос встречает многих известных, современных ему деятелей, в том числе и своего недруга — епископа Оренсе, других священников и монахов, а также литературных критиков-чревоугодников, алчно пожирающих куски лучших галисийских писателей, среди которых и Росалия, и Мургия, и Пондаль, и Валентин Ламас Карвахаль.

Лев XIII приглашает галисийского поэта на обед, во время которого в непринужденной беседе Куррос говорит папе, что несметные богатства Ватикана и собранные в нем бесценные произведения искусства заставляют его думать о несчастных, обездоленных бедняках, чьим тяжелым трудом оплачена вся эта роскошь. Автор поэмы призывает папу римского возлюбить современное демократическое общество, ибо только оно способно сделать простых людей счастливыми.

Несмотря на широкую известность и всенародное признание, Куррос Энрикес не чувствовал себя счастливым в Испании. В 1894 году поэт решил эмигрировать и оказался на Кубе, в Гаване, где прожил до конца своих дней и где сотрудничал в местных газетах, продолжая работу по возрождению галисийской культуры. Именно благодаря ему была организована инициативная группа, способствовавшая созданию Галисийской академии. В 1904 году Курросу удалось ненадолго приехать на родину, где ему были оказаны заслуженные почести.

Мануэль Куррос Энрикес скончался в 1908 году в Гаване, но был предан земле в родной Галисии. Его похороны были необыкновенно торжественны и многолюдны — казалось, будто вся обьятая скорбью Галисия прощается со своим поэтом.

Галисийское Возрождение ознаменовалось небывалым расцветом поэзии. Среди многочисленных, появив-

шихся в это время интересных поэтов были и Сальвадор Гольпе, автор напевных лирических стихотворений, некоторые из которых стали романсами, и Альберто Гарсиа Феррейро (1860—1902), поэт гражданской темы, последователь Курроса Энрикеса, и целый ряд других.

Одной из наиболее значительных фигур в галисийской культуре второй половины XIX века был журналист, прозаик и поэт **Валентин Ламас Карвахаль** — певец крестьянской Галисии, проживший почти всю свою жизнь в родном Оренсе. Несмотря на слепоту (Ламас Карвахаль потерял зрение в студенческие годы, когда изучал медицину в Университете Сантьяго-де-Компостела), он сумел стать одним из самых активных деятелей галисийского Возрождения.

Будучи талантливым журналистом, Ламас Карвахаль издавал еженедельник, ставший знаменитым и оказавший большое влияние на культурную и общественную жизнь тогдашней Галисии. Это было первое периодическое издание, целиком выходившее на галисийском языке и озаглавленное «Дядюшка Маркос Портела». В этом несколько необычном названии использовано имя литературного персонажа — народного поэта, созданного известным галисийским просветителем Мартином Сармьенто. Публикации Ламаса Карвахалья отличались смелостью, боевым задором и лукавым простонародным юмором.

Ламас Карвахаль получил широкую известность как автор популярных прозаических произведений, главное место среди которых занимает многократно переиздававшийся «Катехизис земледельца», впервые опубликованный в 1889 году. В нем галисийский крестьянин рассказывает о тяготах своей жизни.

Поэзия Ламаса Карвахалья издана в трех сборниках: «Шипы, листья и цветы» («Espinosa, follas e flores», 1875), «Галисийские томления» («Saudades gallegas», 1880) и «Деревенская муза» («A musa das aldeas», 1890). Среди его стихов, посвященных природе и людям Галисии, особенно выделяется прекрасная «Алалала», славящая этот необычный по звучанию народный напев.

Если в час умирания солнца,
озарившего горы ало,
к вам донесется песня со склона,
песня, что сразу в душу запала,
песня нежности, песня скорби,
которой столетья земля внимала, —
знайте: то лучшая песня на свете,
то — алалала.

Благодаря мощному движению за национальное Возрождение, которым был отмечен в Галисии XIX век, к началу следующего XX столетия в стране сложились чрезвычайно благоприятные условия для развития словесности на родном языке. Первые десятилетия XX века прошли в Галисии под знаком небывалого подъема во всех областях национальной жизни — политической (борьба за статус автономии в составе испанского государства), экономической и культурной.

В процессе национального возрождения Галисии огромное внимание всегда уделялось галисийскому языку. На заре XX столетия принимаются серьезные меры по организации научного изучения и описания родного языка, по расширению сферы его использования. В 1905—1906 годах создается и начинает свою деятельность Галисийская академия наук. В 1916 году в городе Ла-Корунья учреждается первое «Братство друзей языка» («Irmandade de Amigos da Fala»), за которым последовали другие братства. Печатным органом друзей галисийского языка стал журнал «Наша земля» («A Nosa Terra»), издававшийся на галисийском языке в 1916—1936 годах. Целью данного печатного органа было: защита родной речи, обеспечение развития галисийской культуры, пропаганда идеи национального суверенитета и достижение экономического процветания Галисии. Эта деятельность привела к появлению когорты энтузиастов-единомышленников, вошедших в историю под наименованием «Поколение братств языка» («Xeracion das Irmandades da Fala»). Среди них было немало литераторов.

Наиболее значительными галисийскими поэтами переломной эпохи, которые, не прерывая связей с традици-

онной поэтикой галисийского Возрождения, «открывали новые, неизведанные еще пути»,³⁷ являлись Антонио Нориега Варела и Рамон Кабанильяс.

Антонио Нориега Варела, воспевавший в изысканно простых стихах природу родной Галисии, родился в маленьком городке Мондоньедо, в горной области на северо-востоке провинции Луго. Готовясь стать священником, он получил солидное классическое образование, свободно читал в оригинале латинских поэтов — прежде всего своего любимого Вергилия. Передумав посвящать себя церкви, Нориега Варела стал школьным учителем, работал во многих местах Галисии: на севере и на юге, в горах и у моря.

В молодости Нориега Варела был близок к движению «Друзей галисийского языка», принимал активное участие в общественной жизни. Боевой задор его гражданских стихов и газетных публикаций вызвал недовольство местных властей, и поэту пришлось уехать на крайний юг Галисии, к португальской границе. Живя в непосредственной близости от Португалии, Нориега Варела заинтересовался португальской литературой и испытал определенное влияние современной ему португальской поэзии, чему немало способствовало его личное знакомство с известным поэтом Жоакином Тейшейра де Пашкоайш (1877—1952).

Позже Нориега Варела перебрался в местечко Трасальба, где находилась усадьба известного деятеля галисийской культуры Рамона Отеро Педрайо, в которой собирались многие выдающиеся писатели и мыслители Галисии. Впоследствии Нориега Варела жил и работал в горной местности родной провинции Луго; конец жизни он провел на севере Галисии, в приморском городке Вивейро.

В зрелые годы Нориега Варела отошел от общественной жизни, полностью отдавшись «буколическому созерцанию» галисийской природы. В своих изящных, безупречных по форме стихах он доносит до читателя

---

³⁷ *Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 95.*

одухотворенный образ нетронутой природы диких гор. В его поэзии светятся маленькие золотые цветы колючего дрека, столь любимого галисийцами, красавица-пастушка смотрится в зеркальную гладь маленького горного озера и грустит одинокая фея-березка.

Березка нынче... Были времена,
когда колдунья, фея, нимфа эта
красой, что ярче пламенного лета,
лишала горцев из Лабрады сна.
Но стала деревцем...

Нориега Варела покоряет читателя «интенсивным лиризмом, наблюдательностью, изяществом, ироничностью и ритмической легкостью»³⁸ своих стихов.

Свою первую книгу — сборник «Горянки» («Montañesas») — Нориега Варела опубликовал в 1904 году и сразу стал известным и любимым многими поэтом. При его жизни книга дополнялась и переиздавалась несколько раз; в 1920 году она вышла под новым, теперь уже окончательным, названием — «Из глуши» («Do stmo»).

Современники высоко оценили творчество замечательного поэта. Антонио Нориега Варела был избран в Галисийскую академию и в Академию наук Португалии. Несмотря на некоторую сентиментальность и старомодность, он до сих пор является одним из наиболее популярных поэтов Галисии.

Рамон Кабанильяс — несомненно, самый крупный галисийский поэт XX столетия. Он родился и вырос в маленьком приморском городке Камбадос в провинции Понтеведра, на юго-западе Галисии. Будущий поэт учился в семинарии в Сантьяго-де-Компостела, но, не окончив курса, вернулся в родной городок и стал мелким служащим.

В 1910 году «ветер эмиграции» занес Кабанильяс на Кубу, где он сблизился со своими патриотически настроенными земляками из местного «Галисийского цен-

---

³⁸ BUP 3 Literatura. Xesús Rábade Paredes, María Victoria Moreno Márquez, Luís Alonso Girgado. Vigo, 1991. P. 114.

тра», среди которых был и будущий основатель первого «Братства друзей языка» Вильяр Понте (1881—1936).

Первый сборник стихов Рамона Кабанильяс — «В изгнании. Галисийские видения» («No deasterro. Visións galegas») — появился в 1913 году в Гаване; за ним последовал, в 1915 году, второй сборник — «Морской ветер» («Vento mareiro»), изданный там же. После смерти Курроса Энрикеса в 1908 году в Галисии не было крупного гражданского поэта, но с выходом сборника «Морской ветер» стало ясно, что «свершилось чудо — политическая программа стала связкой прекрасных стихов».³⁹

В 1915 году, после пятилетнего пребывания на Кубе, Рамон Кабанильяс вернулся в родные края известным поэтом. В 1917 году, уже в Галисии, появляется его третий сборник — «Из угнетенной земли» («Da terra aso-ballada»). И вот что любопытно: в этот сборник автор включает свой вольный перевод стихотворения Некрасова «Забытая деревня».

Слава Кабанильяса разнеслась по всей стране, его стали называть «национальным поэтом Галисии». В 1920 году он был принят в Галисийскую королевскую академию, а в 1929-м — в Испанскую королевскую академию.

Тематика первых поэтических сборников Рамона Кабанильяс чрезвычайно разнообразна. Это и тоска по родине, и обращение к национальной истории, и любовь, но главное место занимают в них гражданские стихи. В данном случае Кабанильяс следует за своими славными предшественниками — Курросом Энрикесом и Пондалем, у которого он заимствовал образ легендарного кельтского вождя Бреогана, эффектно используя его в одном из своих знаменитых гимнов:

Снег — на седых вершинах,
а в долах — мгла, туман,
луга целует солнце,
спокоен океан,

---

³⁹ Vázquez Cuesta P. Dez clásicos da literatura galega. P. 58.

но клич, зовущий к бою,
летит, как ураган:
— Воспрянь от рабства, отчий край,
будь с нами, Бреоган!

Поэтика Рамона Кабанильяс является в определенной степени переходной, в ней ощущается влияние и романтизма и модернизма, которым, в частности, обусловлено повышенное внимание к форме стиха, введение новых размеров, своеобразный ритмический рисунок, музыкальность звучания.

Красотой и необычностью формы отмечена и гражданская лирика Рамона Кабанильяс. Его ярко образные, поражающие эмоциональным накалом и завораживающие ритмом гимны — «Галисия», «Галисийское действие», «Вставайте!», «Отчий край» — разлетелись по всей Галисии, способствуя сплочению патриотических сил на борьбу за возрождение родной земли.

В 1923 году в Испании устанавливается военно-монархическая диктатура. Кабанильяс отходит от боевой гражданской поэзии и обращается к национальной истории. Пришла пора «пробудить общественное сознание, подарив Галисии возвышающий образ прошлого как точку опоры для процветания и свободы в будущем».⁴⁰

В 1926 году Рамон Кабанильяс опубликовал красивую балладу-романс «История блаженного святого Амаро» — на тему средневековой легенды о рыцаре, убившем из ревности своего брата, раскаявшемся и ставшем святым отшельником. В том же году поэт совместно с Антоном Вилар Понте создает историческую драму в стихах «Маршал», посвященную национальному герою Галисии, маршалу Педро Пардо де Села; действие этой драмы происходит в конце XV века.

В 1926 году Кабанильяс выпускает также книгу стихов, которую позже назовут вершиной его творчества, шедевром, «достойным продолжением бардовской поэзии Пондаля».⁴¹ Эта книга, озаглавленная «Звездной

⁴⁰ BUP 3 Literatura. P. 117.

⁴¹ *Tarrio Varela A. Literatura galega.* P. 196.

ночью» («Na noite estrelicida»), была создана по мотивам кельтских народных преданий о короле бриттов Артуре (V—VI века) и его рыцарях Круглого стола, отправляющихся, согласно легенде, на поиски величайшей христианской святыни — чаши Святого Грааля. В книгу включены три небольшие поэмы (автор называет их сагами): «Меч Эскалибур», «Рыцарь Святого Грааля» и «Сон короля Артура».

Рамон Кабанильяс по-своему трактует артуровскую легенду, помещая ее основные события в Галисию. «Патриотическое чувство, одухотворявшее все предшествующее творчество этого поэта, выражено здесь более тонко и изысканно, проявляясь в том, чтобы вознести Галисию на максимальную высоту в кельтском мире... Поэтому меч Эскалибур хранится на острове Сальвора (у входа в фиорд Ароуса), сияющая чаша Святого Грааля является Галааду в горах Себрейро (в провинции Луго) и, видимо, в какой-то галисийской пещере предстоит королю Артуру спать многовековым сном, от которого он однажды проснется».⁴² Легендарный король пробудится, когда в мире кельтов настанут славные времена. А до тех пор ему суждено пребывать в таинственной пещере:

...и вход в ту пещеру незримой рукою
был плотно закрыт исполинской плитою.
И в знак утешения рода людского —
«НАДЕЙТЕСЬ!» — на камне начертано слово.

Следующая книга стихов Рамона Кабанильяса — «Столиственная роза» («A rosa de cen folhas», 1927) — посвящена любви, дарящей «сладкое отчаяние», надежду и боль.

В течение своей долгой жизни Рамону Кабанильясу довелось стать свидетелем бурных, разыгравшихся в Испании исторических событий. В 1931 году в стране была свергнута монархия и провозглашена республика, но ход демократических преобразований оказался прерванным Гражданской войной 1936—1939 годов, закончив-

---

⁴² Vázquez Cuesta P. Dez clásicos da literatura galega. P. 59.

шейся приходом к власти генерала Франко (кстати, он тоже был из Галисии). Введенный им тоталитарный режим жестоко преследовал любые проявления национальной независимости, культура и языки национальных меньшинств Испании оказались под запретом.

В годы франкистского режима Рамон Кабанильяс почти не писал стихов. Он занимался изучением и изданием галисийской народной поэзии и переводил великих европейских поэтов — Гёте, Гейне, Бодлера. Однако по многом именно благодаря ему в годы некоторого ослабления режима, в середине XX века, было создано знаменитое издательство «Галактика» («Galaxia»), возобновившее публикацию произведений галисийской литературы на галисийском языке.

Незадолго до смерти, в 1958 году, Кабанильяс был торжественно увенчан в галисийском городе Падроне лавровым венком.

Поэт и прозаик Альваро Кункейро (1911—1981), сменивший Рамона Кабанильяс на посту в Галисийской королевской академии, сказал о нем так: «Это был великий поэт. Он воспевал свой край на родном языке, неизменно свежем, как летняя трава. Он воспевал святых, героев, влюбленных, моряков, земледельцев, нищих, розы, вино, сосновые леса, море и еще человеческую надежду и мечты. Он был поэтом из старых мастеров, каких не знает наше время. Он был последним из великих галисийских поэтов, кто стремился передать в стихах священный глас, торжественные обряды и предсказания».⁴³

Известнейший испанский прозаик, драматург и поэт XX века Рамон дель Валье-Инклан был по происхождению галисийцем, потомком древнего, но обедневшего рода. Он горячо любил свою «малую родину», знал древний галисийский язык. Однако, став писателем и оказавшись перед необходимостью ответить на непростой вопрос: на каком языке он будет создавать свои произведения — галисийском или кастильском? — Валье-Инклан сделал выбор в пользу последнего. По-

---

⁴³ Цит. по: Кабанильяс Р. Стихи. СПб., 2007. С. 27.

скольку в те времена только благодаря кастильскому языку его творчество могло получить известность как во всей Испании, так и за ее пределами — прежде всего в Латинской Америке. Но писатель посвятил родной Галисии многие прекрасные страницы своих книг и сделал галисийцем главного героя своих знаменитых «Сонат» (1905) — маркиза Брадомина, наделив его некоторыми автобиографическими чертами. На галисийском же языке Рамон дель Валье-Инклан создал в молодые годы несколько эссе и стихотворений.

ЭПОХА ЖУРНАЛА «МЫ»

Огромную роль в развитии галисийской культуры и литературы сыграл основанный в 1920 году группой интеллектуалов-патриотов журнал «Мы» («Nós»), выходявший вплоть до франкистского мятежа 1936 года.

Издатели журнала ставили перед собой задачу способствовать развитию и модернизации галисийской культуры и литературы, в первую очередь прозы, а также включению Галисии в европейский и мировой литературный процесс. Наряду с произведениями художественной литературы в журнале публиковались на галисийском языке научные статьи по философии, филологии, истории, этнографии, фольклористике.

Объединившихся вокруг журнала «Мы» деятелей галисийской культуры впоследствии стали называть «Группой „Мы“» или «Поколением „Мы“», а период его издания — 20-е годы и первую половину 30-х годов XX столетия — «Эпохой „Мы“». Эту эпоху иногда называют «Вторым галисийским Возрождением».

Среди организаторов прославленного журнала были такие выдающиеся галисийские литераторы, как Виценте Риско (1884—1963) и Альфонсо Кастелао (1886—1950), являвшийся еще и талантливым художником. К «Поколению „Мы“» принадлежит также и крупнейший галисийский писатель, мыслитель, общественный и политический деятель, профессор Университета Сантьяго-де-Компостела **Рамон Отеро Педрайо**.

Он родился, вырос, провел долгие годы жизни и окончил свой земной путь в провинции Оренсе на юго-востоке Галисии, в живописной усадьбе Трасальба, в которой теперь находится посвященный ему музей. Как многие другие участники группы «Мы», дон Рамон был интеллектуалом и эстетом, человеком утонченной культуры и широких интересов, знатоком и ценителем современной ему философии и литературы. И в то же время — последовательным и преданным борцом за возрождение Галисии.

Отеро Педрайо активно включился в работу «Семинара галисийских исследований», вступил в «Братство языка», много сил и времени отдавал политической деятельности. После падения испанской монархии в 1931 году он, как один из представителей Галисии, стал депутатом Учредительных кортесов республики. В конце 1931 года Отеро Педрайо принял участие в создании патриотической Гальегистской партии, в том же году был принят в Галисийскую академию. Два года спустя вышел его знаменитый «Исторический очерк галисийской культуры».

По мысли Отеро Педрайо, галисийский народ неразрывно связан с родной природой и циклами сельской жизни, и поэтому Галисия для своего нормального существования, для сохранения своей национальной самобытности и культуры должна оставаться преимущественно патриархальной крестьянской страной.

Реформатор и модернизатор галисийской прозы, Отеро Педрайо является автором многих романов и рассказов, большая часть которых посвящена сельской Галисии. Его литературным дебютом стал рассказ о галисийском крестьянине — «Пантелас, свободный человек» (1925). Самым известным из опубликованных им романов считается «Вокруг себя» (1930) — произведение в какой-то мере автобиографическое, посвященное поискам самого себя, своего жизненного пути.

Наряду с прозой Рамон Отеро Педрайо всегда писал стихи, но публиковал их крайне неохотно и редко. При жизни вышел только один его стихотворный сборник —

«Обрыв. Стихи, чтобы прочесть и сжечь» («Vocarribeira. Poemas pra ler e queimar», 1958). Его стихотворное наследие невелико, оно не идет ни в какое сравнение с огромным объемом созданной им прозы. Однако поэзия, по мнению галисийских филологов, «занимает очень важное место в литературном творчестве Отеро Педрайо... Многие исследователи считают, что отерианская поэзия отнюдь не сводится только к тому, что он написал в стихотворной форме, ибо вся его проза носит поэтический характер».⁴⁴

С этим трудно не согласиться. Замечательный галисийский прозаик XX века Рамон Отеро Педрайо с полным правом может именоваться поэтом, ибо его яркая, образная, музыкальная проза, написанная богатым и выразительным галисийским языком, проникнута высокой поэзией.

«Эпоха „Мы“», ознаменовавшаяся обновлением галисийской культуры и включением Галисии в европейский литературный процесс, сыграла большую роль в модернизации не только галисийской прозы, но и поэзии. Новые галисийские поэты испытали несомненное влияние европейского авангарда, проявившееся как в построении системы поэтических образов, так и в форме стиха, — именно в это время в галисийскую поэзию входит верлибр, предполагающий отказ от традиционных размеров и рифм.

Среди галисийских поэтов нового поколения особое место занимает **Луис Пиментель**, обладатель «оригинального и глубокого поэтического голоса»,⁴⁵ врач по образованию, проживший почти всю свою жизнь в древнем городе Луго.

Изящные, безупречные по форме, окрашенные грустным лиризмом стихи этого поэта посвящены скромным людям, жизнь и страдания которых он хорошо знал как врач, а также родному призрачно-старинному городу, где зимней ночью

---

⁴⁴ *Rodríguez Fer C.* Poesía gallega. Vigo, 1989. P. 397.

⁴⁵ *Tarrío Varela A.* Literatura galega. P. 263.

Взойдет луна,
как ломтик дыни —
холодный, сладкий.

Луис Пиментель писал по-галисийски и по-кастильски. Большая часть его галисийских стихотворений была опубликована уже после его смерти, в 1959 году, в сборнике, названном «Тень воздуха на траве» («*Sombra do aire na herba*»).

Огромную роль в развитии новой галисийской поэзии сыграло творчество талантливого моряка-поэта, подписывавшего свои стихотворения только именем — Мануэль Антонио.

Мануэль Антонио Перес Санчес родился в Рианшо, маленьком приморском городе на севере Галисии. Семья готовила его для карьеры священника, но бунтарский дух и страстная любовь к свободе и приключениям побудили Мануэля Антонио избрать иной жизненный путь. Получив степень бакалавра в Университете Сантьяго-де-Компостела, он окончил мореходное училище в портовом городе Виго, намереваясь стать штурманом торгового флота, и провел всю свою короткую жизнь, «странствуя из порта в порт на парусных судах».⁴⁶ И сочиняя стихи.

В годы, проведенные в Сантьяго, Мануэль Антонио сблизился с «Братством языка» и стал убежденным гальегистом. Непрестанный творческий поиск и жажда нового заставили молодого моряка-поэта отдать дань «всем новым ориентирам поэтической революционности того времени»⁴⁷ и начать борьбу за обновление галисийской поэзии.

Вместе с художником Альваро Себрейро Мануэль Антонио издал в 1922 году дерзкий манифест «Дальше!» («*Mais ala!*»). По мнению некоторых литературоведов, «высказанная в нем агрессивность в адрес предшествующей галисийской поэзии сравнима, например, с той, какую выразил Маяковский в своем манифесте

---

⁴⁶ *Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 130.*

⁴⁷ *Ibid. P. 131.*

1912 года, озаглавленном „Пощечина общественному вкусу“».⁴⁸

Провозглашенный в манифесте «Дальше!» разрыв с традиционным искусством Мануэль Антонио подтвердил своим собственным поэтическим творчеством. В 1928 году вышел единственный опубликованный при жизни автора сборник стихов «От вахты до вахты» («De catro a catro»), снабженный подзаголовком «Листы без даты из бортового журнала». Сборник посвящен морю. Будучи профессиональным моряком, «поэт из Рианшо ощущает зов мира природы, прежде всего необъятных морских и небесных просторов, и устанавливает с ними непрекращающийся диалог». Однако «его целью является не воспроизведение наблюдаемой реальности, но создание, отталкиваясь от нее, новой реальности».⁴⁹

Новаторской поэтике морских стихотворений Мануэля Антонио — необычности и порой кажущейся бессвязности построения образов — соответствует и не знакомая прежней галисийской поэзии форма стиха (верлибр), и своеобразный язык, расцвеченный морскими терминами. Все это позволяет автору достичь высочайшего эмоционального напряжения, создать неповторимый поэтический мир, в котором «океан отшвартовался от побережья», «время остановилось на циферблате созвездий» и

Судовой колокол
звонит над Морем,
когда рубят рангоут
в пространстве отчаяния.

Большое влияние на новую галисийскую поэзию оказал и другой безвременно ушедший из жизни поэт — **Луис Амадо Карбальо**. Этот наделенный ярким своеобразным талантом и необычным видением мира скромный и болезненный учитель начальной школы родился и провел почти весь отпущенный ему срок земного существования в приморском городе Понтеведра в юго-за-

⁴⁸ *Tarrio Varela A. Literatura galega*. P. 247.

⁴⁹ *BUP 3 Literatura*. P. 151—152.

подной части Галисии. Амадо Карбальо писал и стихи и прозу, печатался в престижных галисийских изданиях, был связан с прославленным журналом «Мы».

Первый сборник его стихов вышел в 1927 году, еще при жизни автора. Сборник был символически озаглавлен «Впередсмотрящий» («Proel»), — впередсмотрящим называют во флоте вахтенного матроса, наблюдающего, стоя на носу корабля, за обстановкой на море. Второй сборник Амадо Карбальо — «Петух» («O galo») — появился уже после смерти автора, в 1928 году.

Стихи Амадо Карбальо — это чеканно краткие красочные зарисовки, поражающие эмоциональным накалом мгновенного впечатления. Поэту удалось счастливо соединить в своем творчестве «авангардную образность с народными ритмами и размерами», самые передовые «лирические течения своего времени с формальным традиционализмом галисийской поэзии».⁵⁰ Например:

Свист куликов раздирает
морскую гладь, как шелка.
Буря, впряженная в тучи,
мчится издалека.

.....

Небо оделось в траур
по тем, кто пойдет на дно.
Искрами, как хлыстами,
море иссечено.

Поэтическое творчество Амадо Карбальо получило высокую оценку у современников, им восхищались и ему подражали многие галисийские поэты последующих десятилетий.

В XX столетии в Галисии возрождается интерес к поэзии средневековых галисийско-португальских трубадуров. В творчестве многих новых галисийских поэтов соединились современные и средневековые поэтические приемы и формы. Элементы поэтической эстетики трубадуров использовал, например, такой интересный автор, как **Эдуардо Бланко Амор**, — прозаик и поэт, пи-

⁵⁰ *Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 132—133.*

савший и по-галисийски и по-кастильски, журналист, театральный деятель, неутомимый пропагандист галисийской культуры, друг Федерико Гарсиа Лорки.

Эдуардо Бланко Амор — «умнейший, сохранивший до самой смерти внешнюю привлекательность, всегда державшийся с благородством, не дававший покоя злым языкам, обаятельный и незаслуженно обойденный вниманием критики» — родился в 1897 году, «а не в 1900-м, как он сам утверждал, и отнюдь не для того, чтобы сбросить каких-то три жалких года, но чтобы никто не смел оспаривать его право считаться полноценным представителем двадцатого века». ⁵¹

Выросший в семье, которую бросил отец, Эдуардо рано был вынужден искать работу и в 1919 году решил эмигрировать в Латинскую Америку — в Аргентину. В Буэнос-Айресе он сближается с галисийской эмиграцией, сотрудничает в периодических изданиях местного Галисийского центра и в аргентинской прессе, ведет большую работу по пропаганде родной литературы в Латинской Америке. Много пишет — как на кастильском, так и на галисийском языке.

В 1928 году Эдуардо Бланко Амор совершает поездку в Испанию в качестве корреспондента аргентинской газеты «Ла Насьон». В том же году выходит первый сборник его галисийских стихов — «Галисийские романсы» («*Romances galegos*»), включающий выразительные произведения в народном духе и изысканные поэтические миниатюры, посвященные природе и людям родной Галисии.

Открыли диких гор вершины
тебе, красавица, витрины.
Скажи: в какой из лавок мира
и у какого ювелира
найдешь ты вереска рубины?

Свой следующий сборник галисийских стихов Бланко Амор выпустил в 1931 году. Этот небольшой сборник, который, по мнению исследователей галисийской

⁵¹ *Vázquez Cuesta P. Dez clásicos da literatura galega. P. 104.*

литературы, «считается самым совершенным и законченным бланкоаморианским поэтическим произведением»,⁵² написан верлибром, озаглавлен «Поэма в четырех темпах» и построен в форме сонаты. Его темой является трагическая судьба рыбаков. Первая, вводная, часть носит название «Адажио состенуто»; во второй — «Скерцо адажио» — представлен выход баркаса в море и ход рыбной ловли; в третьей — «Престо» — дается впечатляющая картина бури: «Демоны вырвались на свободу!» Последняя, четвертая, часть — «Анданте марсезозо» — это траурный марш, посвященный погибшему моряку.

...Беспозвоночные морские гиганты,
сменяясь, вздымают тебя к Богу, словно трофей.
— Длинные гиганты глубоких вод,
чья ноги — в бездне, а пальцы — на твоём теле.

Волны — девственницы
в уборах из белой пены —
прощаются с тобой, целуя тебя в губы.

В соборе ночи
гремит отходная по тебе...

(Перевод Е. Голубевой)

В 1956 году Бланко Амор выпускает свой третий, и последний, сборник галисийских стихов — «Песенник» («Cancioneiro»). В него вошли лирические произведения, созданные в традиционной форме — в том числе и в старинном (трубадурском) стиле.

Эдуардо Бланко Амор внес также существенный вклад в развитие галисийской прозы, «став одним из самых ценимых и почитаемых писателей в истории Галисии и ее литературы».⁵³ Особенно славится его роман «Гулянка» — история нелепой гибели изгоев общества, маргиналов, участников беспробудной трехдневной

⁵² Tarrío Varela A. Literatura galega. P. 269.

⁵³ Ibid. P. 315.

пьянки. Роман построен в виде допроса в полиции единственного уцелевшего участника гулянки (которому вскоре тоже суждено погибнуть), рассказывающего о трагических событиях выразительным простонародным галисийским языком.

Во время одного из своих приездов в Испанию Бланко Амор познакомился и подружился с Гарсиа Лоркой.

Федерико Гарсиа Лорка, замечательный испанский поэт и драматург XX века, выросший в Гранаде, красивейшем городе Андалусии, до сих пор сохраняющем неповторимое очарование мавританской архитектуры, впервые посетил Галисию в 1916 году, будучи еще студентом. Галисия произвела на юного Лорку неизгладимое впечатление; впоследствии, в одном из интервью 1933 года, он говорил: «Когда я приехал в Галисию, Компостела и галисийская земля завладели моей душой, и я почувствовал себя поэтом этих высоких трав, этих светлых неспешных дождей. Я почувствовал себя галисийским поэтом и ощутил властное желание писать — поэзия этой земли заставила меня выучить галисийский язык...

Изучая галисийский язык, галисийскую литературу и музыку, я обнаружил поразительное совпадение с поэзией и музыкой андалусской...

Карта Испании похожа на шкуру быка, не правда ли? И мне кажется, что когда-то — и долго — она была сложена вдвое, и тогда астурийцы, галисийцы, анадалусийцы и валенсийцы абсолютно перемешались. Когда же в один прекрасный день шкуру развернули, моим предкам выпала обожженная солнцем земля, мать олив и виноградных лоз, а вашим — благословенный нескончаемый дождь, который красит поля зеленой глазурью и покрывает камни бархатным мхом».⁵⁴

Гарсиа Лорка создал на галисийском языке цикл «Шесть стихотворений по-галисийски» («Seis poemas galegos»), впервые опубликованный в Сантьяго-де-Ком-

---

⁵⁴ *Гарсиа Лорка Ф.* Самая печальная радость... М., 1987. С. 113—114.

постела в конце декабря 1935 года. Предисловие к этой публикации написал Эдуардо Бланко Амор.

Тематика цикла достаточно разнообразна. Гарсиа Лорка отдает дань памяти великой галисийской поэтессе Росалии де Кастро, описывает народный праздник, затрагивает наиболее важную тему галисийской эмиграции в Латинскую Америку. Многие прекрасные строки своих галисийских стихотворений Лорка посвятил древней столице Галисии — городу Сантьяго-де-Компостела.

Поэт, выросший в солнечной Гранаде, был поражен торжественным величием осененного облачным небом Галисии средневекового города-собора, где почти всегда идет дождь, где

...улица в дождь —
из хрусталя и камня.

А по ночам над площадью Кинтана, ранее бывшей кладбищем, танцует луна:

Да, это луна, луна,
в короне из листьев дрока,
танцует луна, танцует
луна над Кинтаной мертвых!

По своим художественным достоинствам «галисийские песни» Гарсиа Лорки представляют собой «стихи столь же естественные, искренние и вдохновенные, как и те, что он писал на своем привычном языке».⁵⁵

Маленький сборник «Шесть стихотворений по-галисийски» стал последней книгой Гарсиа Лорки, вышедшей при его жизни. В июле 1936 года реакционные силы подняли против Испанской республики мятеж, который возглавил генерал Франко. А в августе того же года, в обстановке охватившей страну Гражданской войны, поэт Федерико Гарсиа Лорка был убит франкистами недалеко от своей прекрасной Гранады.

Гражданская война в Испании закончилась в 1939 году поражением демократических сил и установлением

---

⁵⁵ *Fernández del Riego F. Historia da literatura. P. 162.*

тоталитарного франкистского режима. В стране настали трудные времена. Любая оппозиция безжалостно преследовалась. Особенно тяжело пришлось представителям национальных меньшинств. Согласно идеологии франкизма, в Испании существовала только одна нация, все ее население было испанцами. Любые проявления самобытности национальных меньшинств: культура, литература, язык — подвергались гонениям. В Галисии «многие яркие деятели второго возрождения галисийской культуры... были расстреляны или ушли в подполье, или оказались в долгом заточении». ⁵⁶ Многим пришлось эмигрировать.

Галисийская муза смолкла на несколько десятилетий. Но, как и в «темные века», предшествовавшие галисийскому Возрождению, поэзия на запрещенном галисийском языке продолжала жить и в глубоком подполье. С течением времени диктаторский режим начал смягчаться. «Уже в конце сороковых и в пятидесятые годы... запрет был частично снят, что положило начало робкой культурной и издательской деятельности». ⁵⁷

Галисийские поэты, не прекращавшие в мрачные франкистские времена писать стихи на родном языке, оказались провозвестниками новой зари. После смерти Франсиско Франко в 1975 году в Испании были восстановлены демократические свободы. Галисия получила статус автономного образования в составе Испанского конституционного королевства. И в ней вновь начался подъем национальной культуры.

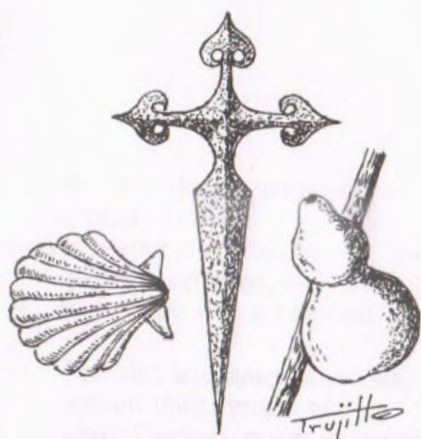
Елена Голубева

---

⁵⁶ См. предисловие Аншо Таррио Варелы к сборнику: Новые голоса. СПб., 1997. С. 7.

⁵⁷ Там же. С. 9.

Поэзия трубадуров

ПАЙ СОАРЕС де ТАВЕЙРОС (первая половина XIII века)

---

* * *

Как тот, кто умер, отстрадав,
кто истинно любил,
кого измучил и сгубил
сеньоры гордый нрав, —
так здесь умру и я, о госпожа моя!

Как тот, кто даму полюбил,
душой предавшись ей,
кому Господь все тьмы скорбей
и горестей открыл, —
так здесь умру и я, о госпожа моя!

Как тот, кто жил, любви служа,
и был лишен сполна
рассудка, радости и сна,
и жизни, госпожа, —
так здесь умру и я, о госпожа моя!

Как умер тот, кто ждать не смел,
кто — милостей лишен —
был недостойным побежден
и проклял свой удел, —
так здесь умру и я, о госпожа моя!

* * *

Любимый мой назвал меня постылой;
уехал — но теперь вернулся милый!
Подруги, он со мной!

Тот, кто грозил забыть ко мне дорогу,
вернулся вновь — благодаренье Богу!
Подруги, он со мной!

Хоть рассердился на меня мой милый
за то, что я ему не уступила, —
подруги, он со мной!

На милость гнев сменил он, слава Богу!
Подруги, он со мной!

ФЕРНАН РОДРИГЕС де КАЛЬЕЙРОС (первая половина XIII века)

---

* * *

Ах, матушка, рыцаря я увидала,
и сердце любовью к нему вспылало!
Любовь в мое девичье сердце вошла!

Любовь я звала,
вот она и вошла
в сердце мое, как стрела!
Любовь в мое девичье сердце вошла!

Ах, матушка, юный фидальго прекрасный
мне сердце наполнил любовью страстной!
Любовь в мое девичье сердце вошла!

Любовь я звала,
вот она и вошла
в сердце мое, как стрела!
Любовь в мое девичье сердце вошла!

Ах, матушка, сердце страдает нещадно;
но сердцу такое страданье — отраднo!
Любовь в мое девичье сердце вошла!

Любовь я звала,
вот она и вошла
в сердце мое, как стрела!
Любовь в мое девичье сердце вошла!

АФОНСО ЭАНЕС де КОТОН
(первая половина XIII века)

---

* * *

Решил я о старухе песнь сложить,
о том разнесся по Толедо слух.
Оррака принялась меня молить:
— Не сочиняйте песен про старух!
Коль сочините — не пройдет и дня,
как скажут все, что это про меня.

МАРТИН СОАРЕС
(первая половина XIII века)

---

* * *

Вы, госпожа, поверить не хотите
в мою любовь, смеетесь вы над ней,
о горе мне! Вы — солнца лик в зените,
и я избрал вас госпожой своей,
себе на горе я увидел вас;
от ваших глаз не отводящий глаз,
я в горе — всех вы красотой затмите.

Вы, госпожа, прекрасней всех на свете,
но вы опять смеетесь надо мной,
о горе мне! Попал любви я в сети,
и в горе мне пройти весь путь земной,
для горя жизнь Господь мне даровал.
Зачем меня к себе Он не призвал,
коль вы не слышите стенанья эти?!

Меня опутав, держите все нити
в своей руке, что мне всего милей.
Что делать мне? — о Господи, скажите!
Что делать мне с любовью своей?
Что делать мне? Я — пленник ваш навек;
хотя бы взор единый ваш привлек,
но и взглянуть вы даже не хотите!

Жизнь видится без вас мне в черном цвете;
всё счастье жизни — только в вас одной.

Что делать мне? Нуждаюсь я в совете.
Что делать мне? О, сжальтесь надо мной!
Но и совет вы не хотите дать.
Что делать мне? Покуда жив — страдать!
О госпожа — прекрасней всех на свете!

НА БРОДЯЧЕГО АКТЕРА ЛОПО

Лопо, мерзостный жограл,
раз у рыцаря играл.
Что же тот в награду дал?
Трижды дал ему по шее.
Этот дар для Лопо мал:
в мире нет певца сквернее.

Рыцарь явно скуповат:
не жалеть бы надо трат
и не три — сто раз подряд
дать негоднику по шее,
ибо знает стар и млад:
в мире нет певца сквернее.

ЛОПО
(первая половина XIII века)

---

* * *

— Дочка, тайну мне открой:
что произошло с тобой?

— От любви я умираю.

— Дочка, дочка, сделай милость:
расскажи мне, что случилось?

— От любви я умираю.

— Дочка, плачешь почему?
Я причины не пойму.

— От любви я умираю.

Ночью думаю и днем
о возлюбленном моем.
От любви я умираю.

АЙРАС КАРПАНШО (первая половина XIII века)

---

* * *

Меня в Сантьяго отпустить я мать просила:
там помолюсь, и там меня ждать будет милый —
в Сантьяго с милым встречусь я.

Коль мать со мною не пойдет, то мне приволье:
с веселым сердцем поспешу на богомолье —
в Сантьяго с милым встречусь я.

Пораньше выйду, чтобы час приблизить встречи,
а до того перед святым зажгу я свечи.
В Сантьяго с милым встречусь я.

БЕРНАЛ де БОНАВАЛ
(первая половина XIII века)

---

* * *

Ту, кому верности клятву я дал,
Боже, позволь, чтобы я увидал, —
или пошли мне погибель.

Ту, по ком плачу, кто светоч очей,
дай мне, о Боже, увидеть скорей —
или пошли мне погибель.

Ту, кого Ты наделил красотой,
дай мне увидеть, о Боже святой, —
или пошли мне погибель.

Ту, кого Ты мне велел полюбить,
дай мне увидеть, дай с ней говорить —
или пошли мне погибель.

* * *

— Ах, красавица, правду скажи:
кого ты ждешь у дальней межи?

— Моего любимого друга.

— Ах, красавица, будь так мила:
кого ты ждешь вдали от села?

— Моего любимого друга.

— Кого ты ждешь у дальней межи?

— Скажу по правде, а не по лжи:
моего любимого друга.

— Кого ты ждешь вдали от села?

— Скажу по правде, я не лгала:
моего любимого друга.

* * *

Сказала красотка, придя в Бонавал:
— Где друг ненаглядный, что здесь меня ждал,
в Бонавале?

Поверив ему, я спозналась с бедой,
неужто на празднике быть мне одной
в Бонавале?

Ни весточки мне не прислал, ни словца,
и празднику я уж не чаю конца —
в Бонавале.

Хороших вестей не оставил мне друг;
веселой пришла, но заплакала вдруг
в Бонавале.

АФОНСО ЛОПЕС де БАЙАН
(середина XIII века)

---

* * *

Надо мне, родная, — ты не обессудь —
вместе с богомольцами отправляться в путь
к Деве Марии в Лейрас,
ведь и милый мой там.

Только он уехал — стало всё чужим,
и спешу, родная, я на встречу с ним
к Деве Марии в Лейрас,
ведь и милый мой там.

Друга не увижу — дня мне не прожить,
потому, родная, надо мне спешить
к Деве Марии в Лейрас,
ведь и милый мой там.

Дон АЛЬФОНС X МУДРЫЙ (1221—1284)

---

* * *

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

Роза, лицом ласкающая взгляд,
цветок веселья и венец услад,
глаза, что состраданием дарят
и лечат тех, кто чахнет и томится.

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

Такую даму можно ль не любить?
Она от зла сумеет оградить,
спасти нас, грешных, и грехи простить,
ее рукой лишь доброе творится.

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

Пусть будет каждый ей служить готов,
и нас спасет любви высокий зов,
и отвратит от грешных дел и слов,
от коих нам бы ввек не отмолиться.

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

Она царит, а скромный мой удел —
ей быть певцом; но если бы посмел
надеяться и взгляд любви узрел, —
всем, что люблю, сумел бы поступиться.

*Роза из роз, из зарниц зарница,
гроза из гроз, из цариц царица.*

*От бесчестья, от стыда,
от Господня гнева,
от беды хранит всегда
Пресвятая Дева.*

И хранит она нас всех,
чтобы мы не впали в грех
или в искушение;
если грешен кто из нас,
пусть покается тотчас —
вот ее веленье.
Раз в обители одной
чудо нам явила
Та, чей промысел святой —
наш покров и сила.

Там монахиня жила,
что красавицей слыла,
и ее подруги
говорили мне о ней,
что вовек ее умней
не было в округе.
Пользы для монастыря
от нее немало —
ведь монахиня моя
казначеей стала.

Но лукавый не дремал —
взял да рыцаря послал
гнусный искуситель;
в предвкушении утех
казначея, впавши в грех,
бросила обитель.
Только прежде чем уйти

ночью темной, мгlistой,
ключ решила отнести
к алтарю Пречистой.

*От бесчестья, от стыда,
от Господня гнева,
от беды хранит всегда
Пресвятая Дева.*

— Матерь Божия! — Тогда,
вся сгорая от стыда,
грешница взмолилась:
— Знаю, хоть виновна я,
благость велика твоя!
Так! — И удалилась
с тем, кто ею был любим, —
страсть сильнее долга!
И не разлучалась с ним
очень, очень долго.

Годы шли; уже у ней
сыновей и дочерей
много, много было, —
но Владычица небес
после множества чудес
чудо вновь явила
и заставила ее
от греха очнуться,
бросить блудное житье,
в монастырь вернуться.

Но пока она жила
во грехе, ключи блюла
Дева Пресвятая,
все ларцы и сундуки,
все засовы и замки
крепко затворяя;
монастырская казна

строго сохранялась —
не убавилась она
даже ни на малость.

*От бесчестья, от стыда,
от Господня гнева,
от беды хранит всегда
Пресвятая Дева.*

А монахине моей
тяжко: опостылел ей
рыцарь-соблазнитель;
не могла ни есть, ни спать,
и пришла она опять
в Божию обитель.
Глубоко уязвлена
угрызеньем острым,
задала вопрос она:
как живетсЯ сестрам.

Ей ответили тотчас:
мол, прекрасная у нас
нынче казначея;
мол, она по целым дням
трудится на благо нам,
силы не жалея.
Как беглянка от сестер
это услышала —
опустила сразу взор,
вся затрепетала.

*От бесчестья, от стыда,
от Господня гнева,
от беды хранит всегда
Пресвятая Дева.*

Обуял бедняжку страх,
и тотчас она в слезах
в церковь устремилась;

хоть боялась неспроста —
Матерь Господа Христа
ей явила милость,
и ключи она нашла
там, где положила,
и одежды забрала,
что всегда носила.

И созвав монахинь всех,
казначая им свой грех,
не стыдясь, открыла;
рассказала им о том,
как Пречистая потом
чудо ей явила;
а затем, чтоб доказать,
что не лжет нимало,
за дружкой своим послать
тотчас приказала.

*От бесчестья, от стыда,
от Господня гнева,
от беды хранит всегда
Пресвятая Дева.*

Монастырь тогда признал,
что никто и не слышал
о подобном чуде,
что чудесней ничего
даже в ночь под Рождество
не слышали люди.
Все запели, Пресвятой
Деве гимн слагая:
Радуйся, Господь с тобой!
Славься, Всеблагая!

*От бесчестья, от стыда,
от Господня гнева,
от беды хранит всегда
Пресвятая Дева.*

ЖУАН ВААСКИЗ де ТАЛАВЕЙРА
(середина XIII века)

СОКРУШЕНИЕ МАРИИ ЛЕВ

Один пред исповедником припев
стократно повторит Мария Лев:
— Ах, старюсь я, святой отец!

Грешней меня нет в мире никого,
но то мне огорчительней всего,
что старюсь я, святой отец!

Грешила я пять, десять раз и сто,
но все-таки всего ужасней то,
что старюсь я, святой отец!

ПЕРО ГОНСАЛВЕС де ПОРТО КАРРЕЙРО
(середина XIII века)

---

* * *

Перстенок, что подарил мне милый мой,
обронила под зеленою сосной.

Плакать мне, девице!

Перстенок, что в дар оставил милый мне,
обронила во зеленой мураве.

Плакать мне, девице!

Обронила под зеленою сосной.

Горько плакать знатной деве молодой.

Плакать мне, девице!

Обронила во зеленой мураве.

Горько плакать мне, красавице, в беде.

Плакать мне, девице!

* * *

За какие прегрешенья,
Господи, ты шлешь мученья —
ночь за ночью, день за днем?!
Для чего мне украшенья?
Опустел без друга дом.

От врага погиб он злого
иль в темницу брошен снова
он кастильским королем?
Ленты не коснись шелковой,
уберу браслет с кольцом.

Как сердечную скрыть рану?!
Лишь страдать я не устану —
ночь за ночью, день за днем.
В зеркало смотреть не стану.
Мне постыло все кругом.

Нет, не рада я нарядам,
жизнь мне стала сущим адом,
мне отрады нет ни в чем.
С милым другом быть бы рядом,
быть бы с ним вдвоем!

ВАСКО ЖИЛ

(середина XIII века)

---

* * *

Когда бы я, о госпожа, посмел
вам наконец поведать в разговоре
всю боль свою, тоску свою и горе,
которые от вас я претерпел, —
тогда и вы страдали бы со мной.

О, если бы вы знали, что глаза
мои на дне одни печали прячут,
когда не видят вас, они лишь плачут,
и за слезою катится слеза, —
тогда и вы страдали бы со мной.

Но вас щадя, я вас уберегу
от боли той, какою сердце ранит
любовь, вам больно никогда не станет,
вам нанести удар я не могу, —
тогда и вы страдали бы со мной.

ПЕРО да ПОНТЕ
(середина XIII века)

---

* * *

Мой друг уехал далеко,
на службе королевской он,
с тех пор я потеряла сон,
хоть рассудить могу легко:
если так медлит милый мой,
значит король не пускает его домой.

И велика моя печаль,
со мною нет его давно,
душе покоя не дано;
одно лишь знаю: как ни жаль —
если так медлит милый мой,
значит король не пускает его домой.

И клятв он позабыть не мог,
ведь в срок вернуться клятву дал,
когда подругу покидал,
но, дамы, помните зарок:
если так медлит милый мой,
значит король не пускает его домой.

— Матушка, вы мне советовать стали,
чтобы неправду я другу сказала.
Но для чего мне обманывать друга?
Удивлена я, признаться, немало.

Матушка, я полюбила его.

Матушка, да, влюблена я в него.

Матушка, я полюбила его.

— Для твоего это делаю блага;
доченька, знаю: во время свиданья
будет настойчиво он добиваться,
чтоб ты его утолила желанья.

— Матушка, я полюбила его.

Матушка, да, влюблена я в него.

Матушка, я полюбила его.

— Миг наслажденья хоть сладок, но краток;
много приносит любовь огорчений.
Доченька, я бы всем сердцем хотела,
чтобы не знала ты в жизни мучений.

— Матушка, я полюбила его.

Матушка, да, влюблена я в него.

Матушка, я полюбила его.

ПЕДРО ЭАНЕС СОЛАЗ (середина XIII века)

---

* * *

Я ухожу на службу к королю,
прекрасная! Но душу жжет мою
любовь, любовь, любовь, любовь,
к вам, госпожа, любовь.

Мне суждено вдали от вас служить,
но не смогу, страдая, позабыть
любовь, любовь, любовь, любовь,
к вам, госпожа, любовь.

Что делать мне? Тоска меня гнетет,
вдали от ваших глаз меня убьет
любовь, любовь, любовь, любовь,
к вам, госпожа, любовь.

Так Господь распорядился —
чтобы встретились мы с ней,
и навеки я пленился
красотой ее очей.
Я однажды ее увидал
и покой навсегда потерял.

Так Господь распорядился —
чтобы встретились мы раз,
и навеки я пленился
красотою дивных глаз.
Я однажды ее увидал
и покой навсегда потерял.

Коль не встретился бы с нею,
я бы не горюя жил;
только Господу виднее,
что я в жизни заслужил.
Я однажды ее увидал
и покой навсегда потерял.

Коль не встретился бы с нею,
я бы и не горевал;
только Господу виднее:
Он любовь мне даровал.
Я однажды ее увидал
и покой навсегда потерял.

ПЕРО ГАРСИА БУРГАЛЕС (середина XIII века)

---

* * *

О, я, злосчастный, и зачем узрел
я даму ту, — знать, на беду узрел!
Свидетель Бог, лишь я ее узрел,
все радости земные вмиг презрел.
Господь хотел, чтоб я душой прозрел.
И то меж дам, которых лицезрел,
прекрасней дамы я бы не узрел.

Она достойней всех и так мила;
клянусь душой, во всем она мила.
И, Боже, как со мной была мила!
Не потому, что мне она мила;
клянусь душой, была ко мне мила,
а мне еще желанней, и мила,
сама не зная, как она мила.

Молчал я, чтобы только лицезреть,
хоть не дано мне и лица узреть.
Но Господа, что дал душе прозреть,
молю о том, чтоб вновь ее узреть;
ведь если впредь ее мне не узреть,
я знаю сам, что не дано прозреть
мне от любви и счастье впредь узреть.

Ее любить я всей душой посмел,
она и знать не знает, что посмел,
что на беду узреть ее посмел.

Никто не знает — я еще ума
не потерял; когда сойду с ума,
все скажут, что лишился я ума.

Но я уже осмелился воспеть
ту, кого разум не дерзнет воспеть,
безумец, коль осмелился воспеть.

ЖОАН БАВЕКА
(середина XIII века)

---

* * *

Те, кто живет, не ведая любви,
для любящих — причина всех утрат;
смотрите-ка: когда они стоят
пред дамой и клянутся ей в любви,
то знает дама: их слова — обман;
а я и все, кого любовь томит,
в убытке мы, так разум мне гласит.

Ведь дамы с состраданием глядят
на мучеников истинной любви,
ты взгляд такой с надеждою лови;
но столько тех, кто всеу клясться рад,
что мнится даме: все мы таковы;
а я и все, кого любовь томит,
в убытке мы, так разум мне гласит.

И тот, кто всеу восторгаться рад,
кто не изведal горестей любви,
не хуже речи поведет свои,
чем тот, кто страстью истинной объят;
не знает дама, верить или нет;
а я и все, кого любовь томит,
в убытке мы, так разум мне гласит.

И те, кто чужд страданиям любви,
клянутся, что их жизнь есть сущий ад.

И всякий ложью забавляться рад;
когда ж приходит мученик любви,
то мнится даме, что и этот лжет;
а я и все, кого любовь томит,
в убытке мы, так разум мне гласит.

ПАЙ ГОМЕС ЧАРИНЬО (1225—1295)

---

* * *

О, святой Иаков, услышь моление:
пусть скорей свиданья придет мгновенье!
Плывет по лазури вод тот, кто песню любви поет.
Меня в Хаэне любовь моя ждет!

О, святой Иаков, услышь стенанья:
пусть скорей приблизится миг свиданья!
Плывет по лазури вод тот, кто песню любви поет.
Меня в Хаэне любовь моя ждет!

Те, кто встречался с бурей в море,
твердят: беды страшнее нет
из всех известных в мире бед,
чем смерть в пучине, с бурей в споре.
Но я и смерть в глуби морской
с любовной не сравню тоской, —

ужаснейшим из всех страданий,
что посылает нам Творец;
любовь ужасней, чем конец
от грозной бури в океане.
Нет, я и смерть в глуби морской
с любовной не сравню тоской, —

ужаснейшей из всех напастей,
что были, есть и будут впредь.
Лишь те, кому ее терпеть
не довелось, мнят из несчастий
страшнейшим — смерть в глуби морской.
Сравню ль с любовною тоской —
страшнейшей карою людской —
я смерть, что сердцу даст покой?!

ЖОАН АЙРАС
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Всё в мире изменениям подвластно;
сменяет дружбу добрую вражда,
и льдом и паром может стать вода,
но измененьям (нет сомненья в том)
вовсе сердце друга не подвластно —
любовь ко мне не угасает в нём.

Тот, кто любил свою подругу страстно,
теперь, увы, стал равнодушен к ней,
кто был счастливым, стал вдовца грустней,
но в сердце друга (нет сомненья в том)
всё тот же огонь любви пылает страстно —
любовь ко мне не угасает в нём.

Всё в мире изменяется всечасно,
меняются течения и ветра,
жару сменяет холодная пора,
но сердце друга (нет сомненья в том),
как ранее, мне предано всечасно —
любовь ко мне не угасает в нём.

РОЙ ФЕРНАНДЕС
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Я думал, что проклятую любовь
я победил, настало избавленье.
Но нет! Неисцелимое мученье
моей душою овладело вновь:
я охладел к возлюбленной, но вскоре
любовью воспылал к другой сеньоре.

Казалось, что я вновь обрел покой,
мой сладкий сон не омрачался бредом,
был в развлеченьях мне отказ неведом, —
но снова мука овладела мной:
я охладел к возлюбленной, но вскоре
любовью воспылал к другой сеньоре.

Когда любовь проклятая прошла,
как радовался я такому счастью!
Но одержим я новою напастью,
не удалось мне вновь избежать зла:
я охладел к возлюбленной, но вскоре
любовью воспылал к другой сеньоре.

Я знаю: неразумно хвастовство,
хвалиться тем, что есть у нас, не надо;
я думал: жизнь моя — одна улада,
и вот лишился счастья своего!
Я охладел к возлюбленной, но вскоре
любовью воспылал к другой сеньоре.

Любовь мне причинила только горе,
но Бог да будет милостив к сеньоре,
чье имя в тайне сохраню — иль вскоре
паду со смертью беспощадной в споре.

Ан

***

* * *

Когда гляжу на волны
и берега крутые,
напоминают волны
мне о подруге милой:
будь проклято ты, море, —
ты принесло мне горе!

Когда гляжу на волны
и на крутые скалы,
напоминают волны
мне о моей прекрасной:
будь проклято ты, море, —
ты принесло мне горе!

Когда гляжу на волны
и на песчаный берег,
напоминают волны
мне о подруге нежной:
будь проклято ты, море, —
ты принесло мне горе!

ЖОАН ГАРСИЯ де ГИЛЬЯДЕ
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Вы это, друзья мои, видите сами:
мне сердце любовный недуг истерзал.
И вот — безрассудно признаюсь пред вами,
поскольку рассудок совсем потерял:
мне сердце пленили зеленые очи
и отняли разум, и жить нету мочи.

А нынче любой догадается, право,
чьи дивные очи — души моей свет,
кому-то придется мой стих не по нраву,
но мне все равно — умереть или нет:
мне сердце пленили зеленые очи
и отняли разум, и жить нету мочи.

Чего же бояться, о добрые люди,
тому, кто рассудок успел потерять,
и кто безрассудно и рядит и судит?
Итак, безрассудно скажу вам опять:
мне сердце пленили зеленые очи
и отняли разум, и жить нету мочи.

* * *

Мой друг от любви умирает,
но что-то не верится мне.
— По вашей умру я вине, —
твердит он и тяжело вздыхает. —
Не терпится знать мне ответ:
умрет ли он или же нет?

Он так и велел передать:
— Имейте ко мне снисхождение,
взгляните на эти мученья,
ведь к вам я приду умирать. —
Не терпится знать мне ответ:
умрет ли он или же нет?

О дамы, как вам не понять:
цена — грош таким увереньям,
и вздохам, и смертным томленьям;
решил — так изволь умирать.
Не терпится знать мне ответ:
умрет ли он или же нет?

* * *

Сеньора, слышу ваш упрек опять,
что не хочу я песен вам слагать;
ну что же, хоть сейчас готов начать —
хвала пусть вашего коснется слуха,
песнь эта будет вам вполне под стать:
уродливая, злобная старуха!

Сеньора, я не знаю, видит Бог,
кто от любви когда-нибудь к вам сох;
вот песнь, которую сложить вам смог, —
хвала пусть вашего коснется слуха,
припев сей песни, кажется, неплох:
уродливая, злобная старуха!

Сеньора, слушайте же песнь мою!
Я ваши все достоинства хвалю
чистосердечно, слово вам даю!
Хвала пусть вашего коснется слуха,
и вот какую песнь я вам спою:
уродливая, злобная старуха!

ЛОУРЕНСО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

С тех пор, как друга я, подруги, знаю,
он гибнет от любви, я умираю —
я так люблю.

С тех пор, когда я с ним заговорила,
он гибнет без меня, мне всё немило —
я так люблю.

С тех пор, как любим мы, всё изменилось,
он гибнет от любви, я истомилась —
я так люблю.

С тех пор, как встретились впервые, Боже,
он умирает от любви, я тоже —
я так люблю.

ЖОАН ПЕРЕС де АВОИН
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Французской дорогой в час ранний
недавно я ехал верхом
и вижу: сидят на поляне
четыре пастушки кружком.
О друге любимом своем,
о долгой разлуке, о ране
сердечной, неведомой ране,
одна из них пела с тоской:
— Уехал мой друг, не простившись со мной,
и горько рыдаю я в чаще лесной.

Сказала пастушка другая:
— Не надо скорбеть и страдать,
покинул он вас, дорогая,
но он возвратится опять
и станет любовь расточать,
добиться прощенья желая;
Вы, милого друга прощая,
порадуйте песней иной:
«О, счастье! Сегодня, мой друг, вы со мной,
любовь подарю я вам в чаще лесной».

ЖОАН СОАРЕС КОЭЛЬО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Ах, милый друг, чтобы всегда в уладу
всё, что вам любо в жизни, видеть взгляду,
возьмите меня с собой.

Чтобы не жить и мне, столь ненаглядной,
без вас отныне жизнью безотрадной,
возьмите меня с собой.

Не будьте, ради Бога, так жестоки,
нам лучше быть вдвоем, чем одиноким,
возьмите меня с собой.

ЖУЛИАН БОЛСЕЙРО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Мой милый далёко в море на новом ушел корабле.
К причалу бегу, завидев парус в туманной мгле:
матушка, мой любимый!

В сердце своем неизменно я образ его берегу.
Лишь только парус увижу — на берег я бегу:
матушка, мой любимый!

Не загасить разлуке в любящем сердце огня,
я знаю: долго не может прожить вдали от меня,
матушка, мой любимый!

МЕНДИНЬО

(вторая половина XIII века)

---

* * *

В часовне Симеона стояла я одна,
и вот вокруг взыграла высокая волна.

Я друга жду. Дождусь ли?

В часовне я укрылась, нет никого со мной,
вокруг прилив играет высокою волной.

Я друга жду. Дождусь ли?

Вокруг меня играет высокая волна,
грести я не умею, нет проку от челна.

Я друга жду. Дождусь ли?

Вокруг прилив играет высокою волной,
грести я не умею, и нет гребца со мной.

Я друга жду. Дождусь ли?

Грести я не умею, нет проку от челна:
знать, в море мне, пригожей, гибель суждена.

Я друга жду. Дождусь ли?

Грести я не умею, и нет гребца со мной:
знать, в море мне, пригожей, погибнуть под волной.

Я друга жду. Дождусь ли?

МАРТИН КОДАКС
(вторая половина XIII века)

---

* * *

О волна, бегущая на брег,
ты ответь мне, замедляя бег:
почему мой милый друг ко мне
не спешит?

О бегущая на брег волна,
от меня скрывать ты не должна:
почему мой милый друг ко мне
не спешит?

* * *

Кто познал любовь — пойдем со мной,
в Виге выйдем на берег морской
там, где волны пенятся и стонут.

Кто познал любовь — со мной пойдем,
будем ждать на берегу морском
там, где волны пенятся и стонут.

В Виге выйдем на берег морской,
станем ждать мы друга день-деньской
там, где волны пенятся и стонут.

Будем ждать на берегу морском
встречи с моим милым день за днем
там, где волны пенятся и стонут.

ЖОАН ЗОРРО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

В Лиссабоне, в синее море,
корабли мои выйдут вскоре.
О моя ненаглядная дама!

В Лиссабоне на берегу
корабли мои сберегу.
О моя ненаглядная дама!

Корабли мои выйдут вскоре,
паруса мелькнут на просторе.
О моя ненаглядная дама!

Корабли мои сберегу,
в море синее выйти смогу.
О моя ненаглядная дама!

АЙРАС НУНЕС
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Кружим мы втроем часами
под цветущими ветвями,
и должна кружиться с нами
та, что влюблена,
под цветущими ветвями
в круг войдет она.

Три подруги, мы — в кружение,
под орешником в цветенье
ждем в волненье, в нетерпенье
ту, что влюблена,
под орешником в цветенье
в круг войдет она.

Кружим над землею вешней,
под цветущей кроной нежной,
станет нам сестрой, конечно,
та, что влюблена,
под цветущей кроной нежной
в круг войдет она.

ПЕРО МЕОГО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Скажите мне, лани под сенью ветвей, —
мой милый ушел и не шлет мне вестей,
что делать мне, бедной?

Скажите мне, лани у вспененных вод, —
мой милый ушел и вестей мне не шлет,
что делать мне, бедной?

* * *

Красавица горной
сбегает тропую
и волосы моет
озерной водою,
в любовном томленье,
в томленье любовном.

Красавица тропкой
спускается горной
и волосы моет
водою озерной,
в любовном томленье,
в томленье любовном.

И волосы моет
озерной водою,
спешит к ней любимый
долиной речною,
в любовном томленье,
в томленье любовном.

И волосы моет
водою озерной,
спешит к ней любимый
долиной просторной,
в любовном томленье,
в томленье любовном.

Спешит к ней любимый
долиной речною,
олень горной тропкой
бежит к водою,
в любовном томленье,
в томленье любовном.

Спешит к ней любимый
долиной просторной,
олень пробегает
тропинкою горной,
в любовном томленьи,
в томленьи любовном.

НУНО ФЕРНАНДЕС ТОРНЕОЛ (вторая половина XIII века)

---

* * *

Вставайте, друг, вы в час рассветный спали,
любовь все птицы мира воспевали.

Так чудно мне.

Вставайте, друг, в прохладный час рассвета,
все птицы мира пели песнь привета.

Так чудно мне.

Любовь все птицы мира воспевали:
мою любовь и вашу прославляли.

Так чудно мне.

Все птицы мира песнь привета пели,
мою любовь и вашу разумели.

Так чудно мне.

Мою любовь и вашу прославляли;
Вы ветки, где они сидели, смяли.

Так чудно мне.

Мою любовь и вашу разумели;
Вы смяли ветки, где они сидели.

Так чудно мне.

Вы ветки, где они сидели, смяли,
засыпав ключ, где жажду утоляли.

Так чудно мне.

Вы смяли ветки, где они сидели,
ключи засыпав — певчих птиц купели.
Так чудно мне.

121

* * *

Матушка, видишь: в лазури морской
барки плывут, возвращаясь домой?!

Я от любви умираю.

Матушка, скоро они будут тут.
Барки, домой возвращаясь, идут!

Я от любви умираю.

Барки плывут, возвращаясь домой;
дни напролет мы их ждали с тобой.

Я от любви умираю.

Барки, домой возвращаясь, идут!
На берегу с нетерпением их ждут.

Я от любви умираю.

Дни напролет мы их ждали с тобой.
Где же он, где же возлюбленный мой?!

Я от любви умираю.

На берегу с нетерпением их ждут.
Очи мне слезы горячие жгут.

Я от любви умираю.

Где же он, где же любимый мой друг?!
Тьма застилает глаза мои вдруг.

Я от любви умираю.

* * *

Тяжеле страдания не отыскать:
любить и любимого не увидеть!
Положите меня в лещине.

Страдания не отыскать тяжелей:
любить и молчать о любви своей!
Положите меня в лещине.

Любить и любимого не увидеть,
таиться и тайно все время страдать!
Положите меня в лещине.

Любить и молчать о любви своей
и молча страдать до скончания дней!
Положите меня в лещине.

Таиться и тайно все время страдать.
Ответной любви не познать благодать!
Положите меня в лещине.

И молча страдать до скончания дней;
покоя не знать мне и в царстве теней!
Положите меня в лещине.

ЖОАН СЕРВАНДО (вторая половина XIII века)

---

* * *

Матушка родная, только не невольте —
пойду в Сан-Сервандо; если не позволите,
я умру от горя.

Только не невольте и не запрещайте —
пойду в Сан-Сервандо; если нет, прощайте,
я умру от горя.

Только не невольте, пустите в дорогу —
пойду в Сан-Сервандо помолиться Богу;
я умру от горя.

Только не невольте, не длите страданий —
пойду в Сан-Сервандо к другу на свиданье;
я умру от горя.

Не могу я, подруги, веселой казаться,
ведь с любимым моим не велят мне встречаться.
Пусть меня хоть в тюрьму заточат,
но с любимым моим меня не разлучат.

От угроз и запретов всегда толку мало;
в Сан-Сервандо я видеться с ним убегала.
Пусть меня хоть в тюрьму заточат,
но с любимым моим меня не разлучат.

Пусть любое меня будет ждать наказание,
все равно я к нему убегу на свиданье;
Пусть меня хоть в тюрьму заточат,
но с любимым моим меня не разлучат.

Пусть грозят, пусть в темницу меня заточат.
Но с любимым вовеки не разлучат.

МАРТИН де ШИНЗО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

В отчем доме сейчас я — в темнице точь-в-точь;
сторожишь меня, матушка, ты день и ночь,
чтоб не быть мне с любимым.

Словно ты мне — тюремщик, а вовсе не мать;
всё следишь, не даешь и письма написать.
Я в разлуке с любимым.

Сторожишь меня, матушка, ты день и ночь,
и готова уже умереть твоя дочь
от разлуки с любимым.

Всё следишь, не даешь и письма написать;
лучше, матушка, Господу душу отдать,
чем разлука с любимым.

Да, готова уже умереть твоя дочь,
и одно лишь лекарство мне может помочь:
если буду с любимым.

Исстрадавшись, готова и смерть я принять.
Но тотчас же воспряну я к жизни опять,
если буду с любимым.

ПЕРО АМИГО де СЕВИЛЬЯ (вторая половина XIII века)

---

* * *

Средь многих богомольцев в Компостеле
одна пастушка взор пленила мой,
я в целом мире никогда доселе,
клянусь, не видел красоты такой
и с пасторалью к деве молодой
не мог не обратиться в самом деле.

И я сказал: — Всецело завладели,
прекраснейшая, вы моей душой.
Вот — чепчик, кои делают в Эстеле,
рокамадорский пояс расшивной,
коль этот не по вкусу — вот другой.
Всё подарю, чего б ни захотели!

Она сказала: — Вас прервать должна я.
Так поступая, искренне ли вы?
Подарков щедрых, вас совсем не зная,
принять я не могу никак, увы;
отнюдь я не страшусь худой молвы,
но их, возможно, ждет от вас другая.

И не хочу, чтоб, горестно рыдая,
другая мне сказала: «Это вы
повинны в том, что я живу, страдая».
И эта мысль нейдет из головы;
слова мои, не хмурьтесь, таковы.
Будь иначе — была бы речь иная.

И я сказал: — Берет меня досада,
свое поставил чувство под удар.
Я полюбил вас с первого же взгляда;
для вас одной храня сердечный жар,
свою любовь я предлагаю в дар,
а ваша — мне желанная награда.

Тогда сказала мне моя отрада:
— Огонь любви неукротим и яр.
Паломничество завершить мне надо,
затем к себе домой пойду я в Сар;
когда любви вы сохраните дар —
пойти я вместе с вами буду рада.

ОЗОИР ЭАНЕС
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Ах, сердце, сладу нет с тобой;
я думал, потеряв терпенье,
расставшись с прежнею тюрьмой,
ты не вернешься в заточенье.
Но, кажется, повергнут скоро
любовь да новая сеньора
меня и в горшее мученье.

Терпел от дамы я презренье,
с тех пор стал дорог мне покой, —
не удавалось ни одной
поймать меня хоть на мгновенье.
Сгубил неосторожный взгляд,
и красота, и редкий лад
в речах ее, и сладость пенья.

Она пленила слух и зренье,
когда с распущенной косой
той песней тешилась простой, —
прости мне, Боже, прегрешенье!
Зачем от сладостного взора
не умер я? Не снести позора,
коль покажу свое томленье.

МЕН РОДРИГЕС ТЕНОЙРО (вторая половина XIII века)

---

* * *

— Возлюбленный, скажите мне:
зачем вам ехать так далёко?

Иль вам не будет одиноко
там, без меня, в чужой стране?

— Поверьте, милая сеньора:
погибну иль вернусь я скоро.

— Но если — Господи прости! —
Вы здесь влачите дни в печали,
зачем изведать пожелали
Вы тягость долгого пути?

— Поверьте, милая сеньора:
погибну иль вернусь я скоро.

ЭСТЕБАН ПЕРЕС ФРОЙАН (вторая половина XIII века)

---

* * *

— Сеньора, видите: навек лишен покоя,
всей силою души, всем сердцем вас люблю.
Неужто вы в любовь не верите мою?

— Нет, милый друг, я вам скажу иное:
навряд меня вы любите сильнее,
чем вас люблю я, свет моих очей.

— Не вижу вас — не мил мне белый свет,
я сам себе не мил, прости мне Боже.
Вы скажете: на правду не похоже?

— Нет, милый друг, иной вам дам ответ:
навряд меня вы любите сильнее,
чем вас люблю я, свет моих очей.

— Я так люблю вас, что не знаю сам:
возможно ль жить с любовью такою?!
Вы скажете: я покривил душою?

— Нет, милый друг, скажу иное вам:
навряд меня вы любите сильнее,
чем вас люблю я, свет моих очей.

РОЙ ПАЭЗ де РИБЕЛА
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Скупец богат, а пищи в рот,
клянусь, почти что не берет.
Что проку в этом?

Ведь голод гложет все сильнее
и шепчет: «Ближнего убей!»
Что проку в этом?

Голодных жизнь роднит со злом.
Так пусть ответит скопидом,
что проку в этом?

НУНО ЭАНЕС СЕРЗЕО
(вторая половина XIII века)

---

* * *

Моя сеньора, вот что я открою вам:
вы — смерть моя и ад, и вы — мой светлый храм!
И более того... Что вам сказать могу?..
Моя вы смерть, я из-за вас умру!

Вы — смерть моя и ад, и вы — моя любовь,
о счастье вспоминать я буду вновь и вновь!
И более того... Что вам сказать могу?..
Моя вы смерть, я из-за вас умру!

Вы — смерть моя и скорбь, я осознал сполна,
блаженство и тоску испытать успев до дна!
И более того... Что вам сказать могу?..
Моя вы смерть, я из-за вас умру!

Сеньора, ваших глаз я чары испытал,
пока смотрели вы, как молча я страдал.
И более того... Что вам сказать могу?..
Моя вы смерть, я из-за вас умру!

Дон ДЕНИС, король Португалии (1261—1325)

---

* * *

Стройная пастушка тосковала,
думая о вероломном друге,
и — я видел сам — в горчайшей муке
слезы непрестанно изливала.
Всё твердила: «С самого начала
доверять любимому не стоит, —
разве я, любя, страдала мало?!
Кто теперь мне сердце успокоит?»

Птица на руке ее сидела —
попугай с красивым опереньем,
душу радовал сладчайшим пеньем,
ибо летняя пора приспела.
«Милый, — дева молвила несмело, —
что с любовью делать мне моей,
если ваше сердце охладело?»
И упала полотнона белей.

Так лежала, грустная, немая,
от зари чуть не до самой ночи,
то на миг приоткрывая очи,
то от смертной муки обмирая;
спрашивала: «Дева Пресвятая,
ждать чего мне? Знать, погибну скоро...»
А в ответ ей — песня попугая:
«Не печальтесь, о моя сеньора!» —

«Если сердце хочешь отогреть, —
молвила пастушка, — то не ложно
отвечай мне, ибо невозможна
жизнь такая. Лучше умереть!»
Попугай ей: «Не тоскуйте впредь,
милая сеньора: тот пред вами,
кто вам служит мыслью и делами, —
лишь глаза поднять и поглядеть».

Под сенью цветущих крон
любви я услышал напев
и был весьма удивлен,
в саду пастушку узрев;
прекрасен был ее лик,
и я сказал напрямик:
— Сеньора, я в вас влюблен.

Но гневен стал ее взор,
и в ответ услышал я вдруг:
— Подите-ка прочь, сеньор!
Зачем вы бродили вокруг?
Нелишне б вам стыд иметь;
дайте же песню допеть,
что сложил мой любезный друг.

— Коль меня усылаете прочь,
уйду, — я сказал ей, — что ж;
но вас мне забыть невмочь.
Как забудешь то, чем живешь?!
Лишь о вас я буду тужить,
вам одной я буду служить,
и, быть может, я стану пригож.

А она: — Слова ни к чему;
то, что вы мне сказали, — вздор,
и слуху не льстит моему,
и в душе вызывает отпор,
ибо сердце мое давно
лишь тому одному отдано,
кто всех мыслей моих сеньор.

— А мое, — я ответил ей, —
сохранит и на склоне дней
красоты вашей дивной свет.
— Моему же, — сказала она, —
лишь одна любовь суждена,
а до вас мне и дела нет.

* * *

Хотел бы я на провансальский лад
провозгласить любви благую весть
и госпоже моей хвалу вознести,
что чистою красой ласкает взгляд;
да, стольким наделил ее Творец,
что этот добродетели венец
ни с кем на свете не поставишь в ряд.

Ей Бог сулил бесчисленно наград,
когда на свет задумал произвести;
ее достоинств нам не перечесть,
ее беседа — лучше всех отрад,
ее уста — всеведенья ларец;
кого другого создал Бог-отец,
кто был бы столь же мудростью богат?!

Не дал ей Бог грехов, что дух томят,
но дал ей прелесть скромную и честь;
позволил красноречье приобрести,
дал смех, что уху слаще всех услад;
найдется ли достойный, наконец,
воспеть сей дивных качеств образец,
что прочих совершеннее стократ?!

* * *

Любил, люблю и буду век любить
ту, что не любит, не любила, нет,
и не полюбит. Кто она — секрет,
который я не смею вам открыть.

Скажу одно: любя, любовь отдам
не любящей меня, прекраснейшей из дам.

Любил, люблю, готов любовь отдать
красавице, которая меня
не ждет, не любит, не любила дня
ни одного. Страшусь ее назвать.

Скажу одно: любя, любовь отдам
не любящей меня, прекраснейшей из дам.

Любил, люблю, не разлюблю вовек
ту, что не любит, ту, что холодна
всегда ко мне. Дознаться, кто она,
не сможет ни единый человек!

Скажу одно: любя, любовь отдам
не любящей меня, прекраснейшей из дам.

* * *

Ах, цветики-цветы средь зелена луга,
мне весточки нет ли от милого друга?

Ах, Боже мой, где он?

Ах, цветики-цветы в зеленом лесочке,
мне весточки нет ли о милом дружочке?

Ах, Боже мой, где он?

Не знаете ль, где он, друг мой желанный,
меня заманивший клятвой обманной?

Ах, Боже мой, где он?

Не знаете ль, где он, друг мой сердечный,
меня обманувший клятвой беспечной?

Ах, Боже мой, где он?

— Ты знать хотела, где твой любимый?
Живет он — целый и невредимый.

— Ах, Боже мой, где он?

— О милом друге ты знать хотела?
Твой друг далёко, но жив и цел он.

— Ах, Боже мой, где он?

— Живой-здоровый к тебе примчится,
и клятвы срок не успеет сбыться.

— Ах, Боже мой, где он?

— Живой-здоровый придет издалека,
придет и станет твоим до срока.

— Ах, Боже мой, где он?

* * *

Ах, мама, любимый ко мне не мчится,
а сроку клятвы сегодня сбыться!

Ах, мама, умру от любви я!

Ах, мама, вернуться он не желает,
а срок назначенный истекает!

Ах, мама, умру от любви я!

Срок истекает неумолимый,
зачем же лгал мне друг мой любимый?

Ах, мама, умру от любви я!

Срок истекает, а друг далеко,
зачем же лгал мне он так жестоко?

Ах, мама, умру от любви я!

Зачем жестоко шутил со мною?
Ведь я терзаюсь чужой виною.

Ах, мама, умру от любви я!

И пуще плачу о том весь день я,
что он солгал мне без принужденья.

Ах, мама, умру от любви я!

* * *

— Что с тобой, доченька? Не понимаю.

— Матушка, я от любви умираю.

Померкни, заря!

— Что с тобой, доченька? Мне не понятно.

— Матушка, смерть от любви — мне отраднa.

Померкни, заря!

— Матушка, я от любви умираю;

пояс, подаренный мне, надеваю.

Померкни, заря!

— Матушка, смерть от любви — мне отраднa;

пояс впивается в тело нещадно...

Померкни, заря!

ЖОАН де РЕКЕЙШО

(конец XIII века)

---

* * *

Ах, матушка! Пойти решила
я в странствие к святым местам.
Мне в Фаро встретился любимый,
в любви мне объяснился там.
Он клялся мне, что любит так,
что для него и смерть — пустяк!

Счастливой я вошла в часовню,
счастливой и домой пришла,
ведь те слова сказал мне милый,
каких я от него ждала.
Он клялся мне, что любит так,
что для него и смерть — пустяк!

Зашлось от счастья мое сердце,
когда мы объяснились с ним.
Пусть будет счастлив мой избранник,
пусть будет Господом храним!
Он клялся мне, что любит так,
что для него и смерть — пустяк!

РОЙ МАРТИНС до КАЗАЛ
(конец XIII—начало XIV века)

---

* * *

Молю тебя, Любовь, со мною вместе будь,
пока любимый мой в Гранаду держит путь,
в Гранаду.

Молю тебя, Любовь, живи, меня храня,
пока любимый мой далёко от меня,
в Гранаде.

Не оставляй меня, пока любимый мой
в Гранаде с маврами ведет жестокий бой,
в Гранаде.

Не оставляй меня, пока в той битве он
всех мавров не сразит иль не возьмет в полон,
в Гранаде.

АФОНСО САНЧЕС
(первая половина XIV века)

---

* * *

Всё вздыхала красotka:
ах, Боже мой!
как любовь ко мне жестока,
ах, Боже мой!

Всё вздыхала красавица:
ах, Боже мой!
мне с любовью не справиться,
ах, Боже мой!

Как любовь ко мне жестока!
Ах, Боже мой!
Тот, кто мной любим, далёко!
Ах, Боже мой!

Мне с любовью не справиться!
Ах, Боже мой!
Далеко тот, кто нравится!
Ах, Боже мой!

ФЕРНАН ФРОЙАЗ
(первая половина XIV века)

---

* * *

— О чем задумался, друг милый,
сидящий в позе столь унылой
и с затуманенным лицом?

— Да вот, любовь пришла, терзая,
и хватка у нее такая,
что есть задуматься о чем.

МАСИАС ВЛЮБЛЕННЫЙ (?—1434)

---

* * *

Сеньора, я верил вначале,
что сжалитесь вы надо мной,
но страсть мою вы посчитали
безумьем, причудой, игрой.
Ко мне вы, как прежде, жестоки;
и я повторяю с тоской
рожденные скорбию строки:
— Сердцу дано страдать,
одну лишь печаль узнать.

Из смертных сравнится едва ли
хоть кто-нибудь с вами красой,
и я понижаю в печали,
пронзенный Амура стрелой.
Мне участь дарована злая,
и я повторяю с мольбой,
на Господа лишь уповая:
— Боже, милость яви:
дай счастье мне в любви.

Я пел эти строки, влюбленный,
пленный сиянием глаз,
надеясь, что взор благосклонный
ко мне обратит хоть раз.
Но тщетны надежды доныне,
и я повторяю сейчас,

несчастный, в тоске и в унынье:
— Сердцу без вас — страдать,
а вижу вас — умирать.

В душе моей испепеленной
страданья огонь не угас;
надежды на счастье лишенный,
я скорбно взираю на вас.
Печальней все боле и боле
в тиши раздается мой глас,
исполнен страданья и боли:
— Боже, муки прерви,
дай счастья мне в любви.

Народная поэзия

ПРИПЕВКИ, ПЕСНИ, ЧАСТУШКИ, ШУТКИ

---

* * *

Галисийские припевки —
без конца и без начала:
запеваем: лайлалила,
допеваем: лайлалала.

* * *

Стал считать я звезды в небе,
скинул шляпу, чтоб не сбиться;
кабы мне да столько денег,
мы могли бы пожениться.

* * *

Волны прилива,
волны отлива
несут печали
с водой бурливой.
Колосья дремлют,
а маки спят;
задует ветер —
запляшут в лад.

* * *

Петь-то пела я неплохо,
только толку было мало;
знать, удачу я на речке
в постирушках застирала.

* * *

Я пою не от безделья,
не для похвальбы пою,
а затем, что сердцу легче
в песне боль избыть свою.

* * *

А ну-ка, спой: каштанов получишь!
А ну-ка, спой: дам тех, что получше!
А ну-ка, спой, а ну-ка, спой:
каштанами я поделюсь с тобой.

ВОЛЫНЩИК ПО ИМЕНИ КРИСТОВО

Вышел раз в горах Себрейро
случай редкий, право слово:
в жены славную девчонку
взял волынщик наш Крислово,

а волынку продал парень,
так-таки спустил на рынке.
Тут девчонка как взовьется —
нет ей жизни без волынки!

— Ты гляди-ка, что наделал
с голоса нечистой силы!

Вон из дому! Без волынки
ты не милый, а постылый!

— Тихо, женка, не бушуй,
завтра же куплю другую,
хоть заложим дом и пашню,
горю милой помогу я. —

Вот ушел он спозаранок,
а пришел, глядит с дороги,
видит: вышла молодая,
поджидает на пороге.

Как заметила волынку,
подбежала, ручкой гладит:
— Тиро-лиро, мой волынщик,
погуди-ка, бога ради.

— Тихо, женка, не спеши,
вот уж за ужин сядем,
поиграем — глядь и вместе
нового святого сладим!

* * *

Когда увижу тебя над рекою,
озноб мне всё тело обдаст тоскою.
В горах увижу над крутояром,
всё мое тело окатит жаром.

* * *

Не хочу я быть румяной,
и на то причина есть:
коли яблочко румяно,
всяк его захочет съесть!

* * *

Уж на мельнице девчонок
столько, что стоишь — дивишься:
есть такие — не глядел бы,
есть — глядишь не нагладишься.

* * *

Маманя на мельню
меня не пускает,
потому как мельник
меня завлекает;
меня завлекает,
в постель к себе манит;
меня не пускает
на мельню маманя.

* * *

Не ходи за кузнеца,
не отмоешь, эко горе!
Выходи за рыбака:
дочиста намылся в море!

* * *

Рыбачок по воскресеньям:
блеск — ботинки, шик — носочки!
В понедельник у бедняги
ноги босы, да в песочке.

* * *

То зовешь меня братаном,
то братишкой, то братком;
наливай вина, трактирщик,
брат расплатится потом.

* * *

В рощице кричит кукушка,
на дубу орет угод,
а в таверне не пичужка,
а пьянчужка наш поет.

* * *

Заречные девки
как выгонят стадо,
ткнут в землю стрекала
и запляшут танго,
и запляшут танго
и мунейру тоже.
Заречные девки
в хозяйстве не гожи!

* * *

О девчонках из Кардейро
кто ж худое слово скажет:
и споют они, и спляшут,
и в труде себя покажут.

* * *

— Матушка, пошла б я замуж,
матушка, худа одежка!

— Иди, дочка, иди замуж,
прикрывает ножку ножка!

* * *

Меня матушка учила
обручем от решета.
Матушка, да постыдитесь,
улица-то не пуста.

* * *

И отец и мать — в могиле,
я — как ниоткуда родом:
дочка я плакучим травам,
внучка я текучим водам.

* * *

Был бы крестный у меня,
пусть из северного края,
чтоб увез меня, беднягу, —
здесь в нужде я помираю.

* * *

У меня есть песик,
у мамани — шесть;
все же, худо-бедно,
живность в доме есть.

* * *

На лугу паслась хозяйка,
псина в доме прибирала,
стряпала на всех корова,
а метла белье стирала!

* * *

Ты б видал, что я видал,
ты б удрал, как я удрал:
сидел котик на окошке
и на скрипочке играл!

* * *

Манолиньо, Манолин,
купил вино, разбил кувшин.
Жаль вина и жаль кувшина,
жаль и попки Манолина.

* * *

Идет Мануэль,
поперечь не стой:
идет к своей милой
на берег морской.
На берег морской,
на берег морской
идет Мануэль,
поперечь не стой.

Идет Мануэль,
не стой поперечь,
идет по дрова,
ему завтра печь,

ему завтра печь,
сажать хлебы в печь.
Идет Мануэль,
ему не перечь!

* * *

Тирб-лирб, Пепиньо,
пойдем да погуляем,
есть у меня моточек,
споем да размотаем.

Споем да размотаем
моточек шерсти черной,
мне шерсть подружки дали
расшить платок узорный.

Расшить платок узорный,
корзиночку с каймою.
Мне шерсть подружки дали,
ох, прошлую зимою...

* * *

Туго мне пришлось, Маруша,
туго мне пришлось, ей-ей,
туго мне пришлось, Маруша,
во дворе семьи твоей.

Во дворе семьи твоей
на меня спустили псину,
вышла тещенька из дому,
а в руках несет тесину.

А в руках несет тесину,
а башмак у ней пудовый,
а с чего меня не любит —
объясненья никакого.

Марушинья из Портело,
батя твой со мной лютует,
да и с мамкой плохо дело!

СВЯТАЯ ЛИЛАЙНА

Вечно ты ко мне с вопросом,
где я был на поклоненье?
Был я у святой Лилайны,
там я был на поклоненье.

Дай на бубне я сыграю,
бубен твой — тугой и новый.
Дай на нем сыграю, светик,
в нашей рощице дубовой.

У священника есть птичка,
я не знаю, как зовется.
Как пойдет за полночь время,
птичка вскочит, встрепенется.

Не задень мое ты брюхо:
мука в нем и беспокойство
там, где *плотничий* мой ящик,
плотничье мое устройство.

* * *

Прощай, прощай, Оренсе,
прощайте, оренсанки,
меня в родном краю
ждут девушки-крестьянки.

* * *

У нас в Коркубоне, друг мой,
красивых женщин не счесть,
а честных нет ни одной.

* * *

Решили устроить выставку
сапожники и портные,
и выставили на выставке
башмак и одну штанину.

* * *

Одна девчонка брюхата,
другая вчера родила,
третья со мной в постели, —
вот такие дела.

* * *

Нет уж листьев у каштанов
и в дубовой поросли;
у теперешних девчонок —
ни стыда, ни совести.

* * *

Не хочу, не хочу, не хочу,
я давно на тебя сердита,
не хочу, не хочу, не хочу,
чтоб любил ты меня, Бенито!

* * *

— Петухи зарю пропели,
время, милый, собираться!..
— Как же я уйду, родная,
как могу с тобой расстаться?!

* * *

Я бы на тебя глядел
каждый месяц тридцать раз,
на неделе — все семь дней,
каждый день — хотя бы час.

* * *

Что в глазах твоих — не знаю,
взглядом жизни ты лишаешь,
улыбнешься — умираю,
слово молвишь — убиваешь.

* * *

Ты меня уже бранишь,
хоть твоей еще не стала,
а коль стану я твоей,
мне, боюсь, влетит немало.

* * *

Полюбив, люблю всем сердцем,
так люблю, что хоть беда,
а забуду — так навеки
и не вспомню никогда!

* * *

Прощай, я завтра уйду
на службу к королю;
не забывай меня, а я
тебя не разлюблю.

* * *

У меня есть серебро,
есть посуда медная,
даже золота полно,
а в любви я — бедная.

* * *

Раньше делал крюк нарочно,
чтоб тебя мне повидать.
А теперь, чтобы не видеть,
деньги все готов отдать.

* * *

Словно птица, ветер мчится,
ветер мчится, ветер мчится.
Так и мысль летит по свету,
словно ветер, словно птица.

* * *

В тринадцать женщин влюблялся,
двенадцать меня разлюбили,
а та, что осталась со мною,
«Не знаю, — твердит, — это ты ли?»

* * *

Что было, девушка, то было,
теперь тоску гони ты прочь.
Что было, девушка, то было,
теперь проси у Бога дочь.

* * *

Вы, сударушки, судачьте,
не мешаю вам болтать:
хоть вы лопнете от злости —
буду петь и хохотать.

* * *

На сосне высокой шишки
хороши, да только вот
снизу к ним не дотянуться,
сверху — их никто не рвет.

* * *

Что за черная кошка такая
пробежала тогда между нами?
Отчего, если любим друг друга,
то молчим теперь целыми днями?

* * *

Женился я и овдовел —
всё в год один и тот же.
Я ошалел от этих дел —
бывает же, везет же!

* * *

Да, я помню, было дело:
клялся замуж взять, увы!
Как же это вылетело
у меня из головы?

* * *

Я зеленой атласной лентой
завязала свое посланье.
Не хочу ни письма, ни ленты,
приходи скорей на свиданье.

* * *

Много листьев у ольхи
и у дуба — целый ворох;
у соседки-поварихи
еще больше ухажеров!

* * *

Ты, девица-чаровница,
угораздило ж родиться!
Ты — как спелая черешня,
всяк сорвать тебя стремится.

* * *

Зря мое письмо Кармела
получить мечтает вновь —
в склянке кончились чернила,
в сердце кончилась любовь.

* * *

Глянь-ка, Марушинья,
я тут на дороге —
так я нализался,
что не держат ноги.
Глянь-ка, глянь-ка, глянь-ка —
я тут на дороге.

* * *

Ждет девица день-деньской
в Апенеле у ограды:
ты, рыбак любимый мой,
скоро ль с пойманной звездой
приплывешь из Койтелады?

* * *

Песнь поет — пусть песнь поет,
слезы льет — пусть слезы льет,
крепко любит — пусть уж любит,
а предаст — пусть предаст.

* * *

Поступаешь ты, как вор;
не монету медную,
не тугой кошель украл —
мое сердце бедное.

* * *

Во дворе сидишь под дубом,
а под дубом — тень.
Целый день сидишь, мечтаешь,
а работать — лень.

* * *

Фаррукинью, мой дружок,
Фаррукинью, мой дружок,
стань священником — узнаешь
самый тайный мой грешок.

* * *

— Мой студентик, где проходит
всё учение твое?

— У реки, куда девицы
ходят постирать белье.

* * *

Говорят, что я женюсь,
дразнят женихом;
говорят, что я женюсь,
но молчат — на ком.

* * *

Подай мне, белошвейка,
иглу из серебра,
чтоб вытащить из сердца
занозу, что остра.

* * *

Два ножа — глаза твои.
Как тебя любить?
Жизнь хотят отдать мои,
а твои — убить.

* * *

Есть четыре самые,
самые упрямые:
козы, овцы и ослицы,
но упрямее — девицы!

* * *

Твоя мать — колдунья,
отец — волшебник злой;
чтоб ты в огне сгорела
со всей своей семьей!

* * *

Тебя я люблю, когда вижу,
моя дорогая, мой свет,
тебя я люблю, когда вижу,
а если не вижу — нет.

* * *

Спешит он к харчевне ежевечерне —
быть может, за-ради стакана вина,
быть может, за-ради хозяйки харчевни.

* * *

Я в ответ на ваши сплетни
даже ухом не веду.
Знаю я: для сплетниц кресло
сплетено давно в аду.

* * *

Волосы твои черны,
нрав твой — до чего же крут!
Очи черные твои
лишь страдания мне несут.

* * *

Мария, моя Мария,
Мария, моя жена,
ты — не моя Мария,
в другого ты влюблена.

* * *

У меня богатый ухажер,
лучше и красивей всех на свете,
недостаток же всего один:
у него, увы, жена и дети.

* * *

Ты не пришла вчера на танцы,
и я так сильно тосковал,
что с доброй сотнею красоток,
чтоб не грустилось, танцевал.

* * *

Коль твои отец и мать
нас не станут проклинять,
то, Маруша, я, твой друг,
излечил бы твой недуг.

* * *

Я гайтою своей
могу пленить глупышек,
а те, кто поумней,
ее, увы, не слышат.

* * *

Ночь грустна, коль нет луны,
день — коль солнца нету,
но всего грустней, когда
любишь безответно.

* * *

У твоих ворот, девчонка,
у твоих ворот,
всякий, кто тебя увидел,
раскрывает рот.

* * *

Я приду сегодня поздно —
потерялся мой осел.
Коль шаги осла слышишь —
это значит: я пришел.

* * *

— Скажите, сеньор ученый,
вы всех на свете умней:
четырнадцать дюжин кошек —
сколько же это когтей?

— Сеньора, я вам отвечу,
ответа не сыщешь точней:
четырнадцать дюжин кошек —
триста тысяч когтей.

* * *

Не хочу, чтоб ты остался,
не хочу, чтоб ты ушел,
чтоб меня одну оставил,
чтоб меня с собой увел.

* * *

Девушки из Вилановы
ключ снаружи оставляют.
Юноши из Вилановы
что с ним надо делать — знают.

* * *

На меня ты смотришь, словно
хочешь ты меня купить,
но фальшивую монетой
ты намерен заплатить.

* * *

Тот, кто сирота, — бедняга
и бедняга — кто бедняк.
А кто Галисии не видел,
тот — бедняга из бедняг.

* * *

Кто зовется галисийцем,
тот подобен ветру,
тот подобен птице.

БЕРНАЛДИНО И САБЕЛИНА

Та, кого любил он страстно,
холодна к нему была,
и пустился Берналдино
в чужедальние края.
Сабелина спохватилась
и искать его пошла,
семь искала лет и как-то
забрела в дворцовый сад.
— Рыцарь с родинкой на шее
не захаживал сюда?
— Рыцарь с родинкой на шее
здесь в саду поет сейчас. —
Вдруг он сам предстал пред нею
и, смутившись, молвил так:
— Привело тебя из дому
что за горе, за беда?
— Ах, любовь к тебе, Берналдо,
привела меня сюда.
— Но когда к тебе взывал я,
отвергала ты меня.
Знай, что в свите королевы
находиться должен я.
— Должен ты или не должен,
не уйду я от тебя:
первую любовь, мой милый,
позабыть вовек нельзя. —
Королева, слыша это,
их казнить приказ дала.

Ей могилою стал клирос,
а ему — святой алтарь.
Дева превратилась в розу,
рыцарь — в королевский лавр,
постепенно крона розы
с кроной лавра обнялась.
Королева в храм спешила,
шлейф запутался в шипах,
и она кусты велела
изничтожить в пух и прах.
Но выросли на этом месте
хмель и гибкая лоза,
и лоза приникла к хмелю,
хмель с лозою обнялся.
Королева извести их
повелела. Но тогда
молоком — лоза, а кровью
брызнул хмель, и сей же час
родились из крови речка
и ручей из молока,
и слились они, и чудом
стала светлою река.
Королева, что на службу
в тот запаздывала час,
при народе белы ноги
промочила в тех водах
и засыпать русло глиной
повелела. Но тогда
дева — став голубкой, рыцарь —
обратившись в голубка,
оба взмыли над водою.
Высь небес так глубока!
Клюв летят они ко клюву —
целоваться в небесах,
и летят все выше, выше.
Вот их скрыли облака.

ТКАЧИХА

— Нынче об заклад побился,
что до песни петушиной
пересплю с Лаурианой,
до сих пор еще невинной.
— Ох, напрасно, мой сыночек.
Это же — Лауриана.
А она не из таковских,
чтоб не чуяла обмана.
— Ну-ка, юбку дайте, мама.
Обману я в ней голубку. —
Сбросил он штаны мужские,
женскую напялил юбку,
взял коралловые четки,
чепчик натянул он лихо,
сунул пряслице за пояс,
словно он и впрямь ткачиха,
встал к дверям Лаурианы,
затянул с молитвой ровной:
— Вознесем Ave Maria!
Слава Деве безгреховной!
— Кто вы, милая девица,
что, как я, боится Бога?
— Я ткачиха-португалка.
Дайте ткани мне немного.
— Для ткачихи богомольной
в доме полотно найдется,
заходите в дом, ткачиха,
нам сложить его придется.
— Плохо на дороге ночью
и темно, как в бездне ада.
— Что же, оставайтесь на ночь,
я принять вас буду рада.
— Слуг я ваших опасаюсь.
Не лишиться бы мне чести.

— Будем спать в моей постели,
положу с собою вместе. —
Петухи еще молчали,
но кричит Лауриана:
— Ой, меня лишают чести!
Не ждала никак обмана!
— Не кричи, Лауриана,
не казни себя виною,
забеременеешь скоро —
назову тебя женою. —
Так вот, парни, так и вышло:
я до песни петушиной
переспал с Лаурианой,
что вчера была невинной.

ГРАФ ГЕРМАНСКИЙ

Солнце в стекла ударяет,
день к дворцу приходит ясный,
спит под утро Граф Германский
с королевою прекрасной.

Но никто не знал об этом,
и король не встал так рано,
только знала дочь-инфанта,
лишь инфанта Хулиана.

— Промолчи, о Хулиана,
ибо страшное случится! —

В эту самую минуту
сам король в покой стучится.

— Что с тобою, Хулиана,
что ты словно помертвела?

— Ах, сеньор-отец, войдите,
я поведаю в чем дело.

Я ткала свои узоры
ниточками золотыми,
Граф Германский тут ворвался
с поцелуями своими.

— Он шутник, он просто мальчик.
Может, думал, подольститься?

— Будь он проклят, этот мальчик,
честь я могла лишиться.

— Ладно, дочь моя родная,
я казню его за это. —

Вот и колокол протяжный
слышен во дворце с рассвета.

— Что за колокол тревожный?
Так и ежишься со страху!

— То Германский Граф под стражей,
то ведут его на плаху.

— Проклята будь, Хулиана,
и та грудь, что ты сосала!

Граф Германский был красавец,
ты ж на смерть его послала.
— Тихо, мать моя, молчите!
Должно вам молчать, поверьте,
ибо вы, как Граф Германский,
заслужили тоже смерти.

* * *

— Ты открой мне двери,
двери мне открой,
ранен я, хозяйка,
дай платок мне свой.

— Даже если ранен,
зря пришел сюда,
я закрыла двери
раз и навсегда.

— Хоть закрыла двери,
ты их мне открой,
так как я, хозяйка,
нищий и слепой.

— Пусть возьмет он хлеба
и вина возьмет,
пусть возьмет он хлеба
и скорей уйдет.

— Не возьму ни хлеба,
ни вина. Но пусть
дочь твоя, хозяйка,
мне укажет путь.

— Покажи дорогу,
дочка, так и быть,
но не смей и шагу
от ворот ступить.

— Навсегда прощайте,
мать и дом родной!
Мой любимый, вместе
мы уйдем с тобой.

ШУЛИАНА

— Ты едва ли не рыдаешь,
Шулиана, что с тобой?
— Матушка, виной дон Шорше,
женится он на другой.
Ах, я слышу конский цокот!
Ах, подъехал верховой!
...Утро доброе, дон Шорше,
вы — наездник хоть куда!
— С добрым утром, Шулиана.
Ты мила как никогда!
— Правда ли, что скоро будут
свадьбу праздновать у вас?
— Правда. И тебя на свадьбу
пригласить хочу как раз.
— Что ж, стакан вина примите
вы, дон Шорше, от меня...
— Чем, скажи мне, Шулиана,
напоила ты меня?
У меня в глазах темнеет,
ночь настала вместо дня.
Мать моя в минуты эти
думает, что я — живой.
— Думала моя мать тоже:
буду я твоей женой.

РОМАНС О ДОНЕ САНЧО

Едет на коне дон Санчо
вдоль лугов-полей зеленых,
едет он освободить
девиц, маврами плененных.

Ранним утром у ручья,
у ручья с водой студеной,
увидал дон Санчо деву —
мыла лён она беленый.

Дальше держит путь дон Санчо,
красотою побежденный;
душу он свою оставил
у ручья навек плененной.

ПАЛОМНИЦА

С просветленною душою,
колокольным внемля звонам,
шла паломница-девица
под лазурным небосклоном,
в юбке длинной и зеленой,
по лугам-полям зеленым.
За колючки ежевики
зацепилась юбкой дева
и глядит она с испугом
то направо, то налево.
Кабальеро к ней подходит,
хочет девой насладиться;
но от рыцаря-злодея
убежать смогла девица.
Разъяренный, распаленный,
он вослед за ней стремится.
— Ради Бога, кабальеро,
не лишайте меня чести;
дайте свой обет исполнить
Иисусовой невесте. —
Под зеленою оливой
не на жизнь, на смерть схватились,
по густой траве немятой
оба-двое покатались.
О пощаде она молит,
но лишь похоть им владеет,
все сильнее его объятья,
дева стонет все слабее.
Вдруг кинжал его схватила
и вонзила в грудь злодея.
Что есть сил кинжал вонзила,
так, что острие оружия
грудь его насквозь проткнуло,
вышло из спины наружу.

— Ради Бога, умоляю,
ибо смерть моя настала,
чтоб в моем, в твоём селенье
ни одна душа не знала,
что ты рыцаря убила
его собственным кинжалом.
— Нет, клянусь, в твоём селенье
и в моем селе узнают,
что я рыцаря убила,
честь девичью защищая. —
На коня (стоял он рядом)
тело мертвое взвалила,
на гору, где на вершине
жил отшельник, поспешила.
Рыцарским мечом на склоне
вырыта была могила.
— Старец, я прошу вас: если
мимо вам идти случится,
ради Бога и Пречистой
не забудьте помолиться.

* * *

В чулочках и сапожках
сидел сеньор Дон Кот
на золоченом стуле
и кушал антрекот.
Ему письмо приносят
от кошечки одной:
мол, вы, сеньор, не против
назвать меня женой?
От радости он прыгнул
со стула на карниз.
Но — в бок блоха лягнула
и кот скатился вниз.
Со сломанною лапой
и не при всех когтях
священника зовет он —
покаяться к грехам.
Оливковое масло
украл он как-то раз,
чтоб легче было слопать
две дюжины колбас.

Галисийское Возрождение

РОСАЛИЯ де КАСТРО
(1837—1885)

ИЗ КНИГИ
«ГАЛИСИЙСКИЕ ПЕСНИ»
(1863)

* * *

*Девушка, спой
для меня, ради Бога!
За это тебе
дам каштанов я много.*

I

«Девушка, спой —
ведь поёшь ты искусно;
спой, потому что
уж больно мне грустно.

Девушка, спой,
где источник журчит;
дам я тебе
пирожков из печи.

Девушка, спой!
Спой, моя крошка!
Горячую дам
тебе я лепешку.

Молочная каша
тебя еще ждет,
супчик с вином,
гренки и мед.

Картошечки с солью
тебе я поджарю,
а после орешков
каленных подбавлю.

Какой будет праздник,
когда мы споем!
Пойдут веселиться
и площадь, и дом.

Так пой же, чертовка,
так пой же, плутовка, —
мантилью получишь
себе на обновку.

Родные напевы
пропой мне, голубка, —
и, кроме мантильи,
получишь ты юбку.

Под звуки волынки,
под стук барабана,
прошу тебя, спой мне,
красотка-смуглянка!

Под сладостный звук
волынки родной,
девушка, спой мне!
Прошу тебя, спой!»

II

Хотят, чтоб я спела
у берега моря,
где плещут лениво
студеные волны.

Хотят, чтоб я спела
у берега речки,
что тихо течет
через поле далече.

Запели сверчки
и проснувшийся кочет,
и ветер поет
в разбуженной роще.

Источник поет,
прохладный и чистый,
поют виноградник
и травы, и листья.

Волынка звучит.
Под родные напевы
юноши пляшут
и скромные девы.

В чепчиках белых
девицы плясали.
Какие у них
роскошные шали!

Зеленые юбки,
накидочки красные.
Их танец пестрит
разноцветными красками!

Тешат глаза мне
краски все эти,
и солнышко меркнет
пред их многоцветьем.

Девушки пляшут
среди гор и лугов, —
любой их принять
за розы готов.

III

Лучшее место
на целой земле —
то, где родиться
выпало мне.

Лучшее место,
прекрасный край —
это Галисия,
земной наш рай!

Наша Галисия,
край наш родной,
украшен цветами
да пеной морской.

Похожа на жемчуг
белая пена;
цветы у ручьев
цветут непременно.

При виде долин,
глубоких, как бездна,
зеленых, цветущих,
унынье исчезнет.

Ведь ангелы дремлют
в прекрасных долинах,
облик прияв
на себя голубиный.

IV

Край мой! Тебя
воспеть я смогу!
Просили о том
на морском берегу.

Тебя воспою я
по-галисийски —
рассеются быстро
печальные мысли.

Кручина твоя
удручает нас всех,
но радостен, ясен
веселый твой смех!

Голос чудесный
Господь тебе дал —
поёшь про любовь,
про тоску и печаль,

про краски заката,
про шорохи ночи;
тебя воспою я
там, где источник.

Петь про тебя
мне дали наказ
на том языке,
что родной для всех нас.

Наказ повторили
и просьбу свою...
Девушки, слушайте:
я вам спою.

Петь буду я вам,
а вы слушайте вволю
у берега морского,
где плещутся волны.

Уж так рассудил
милосердный Господь:
помогут вам песни
печаль побороть;

будут они вам
всем в утешенье,
ваших желаний
во исполнение.

Ранней порой
и в закатных лучах
буду вам петь
в горах и лугах.

Коль грустно — вы голос
услышите мой
хоть вечером поздним,
хоть ранней порой.

Я пеньем готова
утешить вас всех,
сменить ваши слезы
на радостный смех.

Зову молодых,
зову стариков;
готова я петь
под сенью дубов,

близ хижин убогих,
близ пышных палат —
ведь песни мои
все послушать хотят.

Пускай мне поможет
Пречистая Дева,
чтоб вас успокоили
эти напевы;

чтоб ваши страданья
навек побороть,
буду я петь —
помоги мне, Господь!

* * *

Я родилась в апреле,
в месяц цветенья земли.
Розы всюду атели,
Розой меня нарекли.
Что ж это белый свет
кажется мне могилой?
Эти шипы, мой милый,
не для тебя, о нет!

Встретились мы... и что же?
Гаснет сиянье дня.
Был ты мне всех дороже,
всем ты был для меня.

Мауро, что же снова
в сердце твоём печаль?
Мне за тебя, суровый,
жизни отдать не жаль.

Жалят меня, как змеи,
злые слова твои.
Кто еще так сумеет
клясться тебе в любви?!
Жадная до тебя,
я все отдала любя.

*Вот сердце мое — возьми!
И ключ, чтоб открыть его.
А большего не проси,
больше и нет ничего.*

Росалия де Кастро.

* * *

*Благовест из Бастабалес;
услыхала дальний звон,
и тоскливо сердце сжалось.*

I

Чуть заслышу колокольный,
колокольный этот звон,
слезы катятся невольно.

Слушаю, едва дыша,
звон как будто зов далекий,
и болит, болит душа.

Жизнь разбилась пополам:
половина здесь, со мною,
но навек вторая — там.

Жизни только половину
мне оставили, когда
умыкнули на чужбину.

Умыкнули не злодеи —
неразумная любовь,
ах, любовь, что нет глупее!

Но любовь давно ушла,
грусть-тоска пришла на смену,
всю мне душу извела.

II

Легче козочки по тропке
утречком на склон холма
поднимаюсь я торопко,

чтоб услышать благовест,
что летит из Бастабалес
и разносится окрест;

чтоб услышать в час рассветный,
как доносит ветерок
звон заутренний, приветный.

Этот ветер своевольный
в утешенье мне несет
звон печальный и раздольный.

Звук печальный и дрожащий
пролетает над рекой,
над лесной зеленой чащей.

Над долиною зеленой,
над просторами лугов
льются звоны, звоны, звоны.

III

Под вечер, забыв усталость,
я шагаю не спеша
по дороге в Бастабалес,

что в родимый дом ведет,
а потом сажу на камне,
пока солнце не зайдет.

Я сажу, гляжу одна,
как заходит тихо солнце,
появляется луна.

Солнце тихо погасает,
а луна себе плывет,
но куда — никто не знает.

Проплывает одиноко,
нас не видя и не слыша,
в небе высоко-высоко.

Кабы нас она слыхала —
столько б я сказала ей,
столько бы порассказала.

IV

Весь в алмазах небосвод,
облака белей, чем перья,
а луна себе плывет.

Проплывает, проливая
свет на доли и луга;
меркнет день, тихонько тая.

Тает день, и полог тьмы
опускается неслышно
на зеленые холмы.

На зеленый шум лесов,
где в тени ветвей струится
звонкий голос родников.

На ветвях певунии-птицы
замолкают, засыпают,
чтоб с зарею пробудиться.

Щебетуны-птицы спят,
а в вечернем полумраке
раздается хор цикад.

V

Ветер мчит, бежит река,
к моему родному дому
мчат-несутся облака.

Мой родимый дом далёко,
без подруг и без друзей
я сижу тут одиноко.

Оденешенька-одна
на дымы домов далеких
все гляжу, тоски полна.

.....

Ночь приносит тьму густую,
дальний звон колоколов
славит Деву Пресвятую.

Ан

Помолиться меня просит,
я ж не в силах, душат слезы,
но все кажется: возносит
за меня молитву он.

*Благовест из Бастабалес;
услыхала дальний звон,
и тоскливо сердце сжалось.*

* * *

Прощай, селенье, прощай, мой дом,
прощайте, горы, ручьи и реки;
прощай и ты, свет моих очей:
прощай, наверно, уже навеки.

Земля родная, моя земля,
мой край родимый, моя деревня
и сад, в котором я посадил
недавно фиговые деревья,

луга, поляны, сосновый бор,
в котором ветер все дни резвится,
мой небольшой, но уютный дом,
и шелест листьев, и щебет птицы,

и ночи — ясные, при луне,
и дни — в дождях, в пелене туманов,
церквушки, звонкие колокола,
над речкой мельница средь каштанов,

и ежевики кусты, и дрок,
и тропка узкая, полевая, —
прощайте, милые мне навек,
всех вас навеки я покидаю.

Прощайте, годы былого счастья.
Земля родная моя, прощай!
Все, что знакомо, я оставляю
и уезжаю в чужой мне край.

Я оставляю друзей давнишних.
Путь предо мною далекий лег,
и землю я променял на море...
Когда бы здесь я остаться мог!

.....

Но я всех беднее на свете,
и земля моя — не моя,
не мои даже тропы эти,
по которым шагаю я;
у меня что ни год — лихолетье.

И я должен покинуть скоро
край родимый и отчий кров,
и ручей, что бежит с косогора,
и тенистую зелень садов,
и прохладу соснового бора.

С тобой я прощаюсь, кладбище,
где спит мой отец вечным сном, —
священной земли не отыщешь;
и я покидаю свой дом —
несчастный, и сирий, и нищий.

Пречистая Дева Мария,
я в сердце тебя уношу,
ты души врачуешь людские.
Проси за меня, я прошу,
Христа, наша Дева Мария.

Слышны мне сейчас издалёка
Помарские колокола;
я больше их не услышу,
и боль мое сердце прожгла.

Слышны мне они издалёка.
«Прощай, — говорят мне, прощай!»
О горе мне! Я не увижу
тебя никогда, милый край!

Прощай и прости, дорогая!
Прощай, может быть, навсегда.
Мне слезы глаза застилают;
готовы к отплытью суда.

Ты помни меня, дорогая,
коль в дальней заморской стране
умру я, тоскуя по дому.
О, дом мой! Как тягостно мне!

* * *

*Ветер милый, легкокрылый,
ветерок земли родной,
ветер милый, легкокрылый,
унеси меня домой.*

Без родной земли не жить мне,
не могу прожить и дня;
если я иду куда-то,
накрывает тень меня.
Накрывает меня туча
и гнетет меня печаль,
так изводит, что расстаться
даже с жизнью мне не жаль.
Ветер милый, легкокрылый,
унеси меня домой,
унеси меня быстрее,
словно я — листок сухой.
Унеси меня быстрее,
ветерок земли родной!
Отчего же не уносишь,
только кружишь надо мной?
Ты узнать меня не можешь?
Плачу, как дитя, навзрыд,
лихорадка меня ломит,
сердце бедное болит.

Раньше я была румяной
и сверкала красотой.
Что ни день, я нынче таю
тонкой свечкой восковой,
словно ведьма выпивает
кровь мою во тьме ночной.
Увядаю я, подобно
розе лютою зимой.
Высохла и почернела

я без родины своей,
от печалей, от мучений
мавританки я черней.

Ветер милый, легкокрылый,
унеси быстрее меня
в край родной, где дни и ночи
ждет меня моя родня.
Там отец, и мать, и брат мой —
как же мне прожить без них?!
Там грустит, кляня разлуку,
мой любимый, мой жених.
Коль не унесешь — умру я,
изнуренная тоской.
Здесь, в краю печальном, дальнем,
мне не мил и свет дневной,
здесь всегда я одинока,
все зовут меня чужой.

Ах, мой дом, простой и славный,
среди гор земли моей!
Моя рыжая корова,
воркованье голубей.
Парни, пляшущие лихо,
песни звонкие подруг,
барабанов громыханье,
кастаньет ритмичный стук.
Гайта, гайта-галисийка —
ах, отрада для души!
Слышу зов ее манящий:
«Ты мунейру нам спляши!»
Кабы птицей легкокрылой
мне взлететь бы над землей!
Я, счастливая донельзя,
полетела бы домой,
чтобы песней встретить утро
над землей моей родной.
Я тотчас бы полетела,
полетела бы стрелой,

не страшась ни черной тучи
и ни темноты ночной,
не страшась ни ветра злого,
ни завесы дождевой, —
всё летела бы, летела
до земли своей родной.
Только птицей легкокрылой
мне, увы, вовек не стать, —
я могу лишь горько плакать,
горько плакать и вздыхать.
Галисийский ветер милый,
утешитель добрый мой,
ты поешь в листве зеленой
и над горною рекой,
над лугами и полями,
над пшеницей золотой,
и на праздниках веселых
всем и каждому ты — свой.
Унеси в мой край родимый,
словно я — листок сухой.
Умереть не дай далёко
от земли моей родной.
Здесь и после смерти буду
по родной земле грустить.
И когда, мой милый ветер,
оборвется жизни нить
и засыплют мое тело
равнодушною землей, —
прилети к моей могиле,
прошурши сухой листвой,
стороны родимой песни
ты мне в утешенье спой.
Верю, что и после смерти,
скрытая могильной мглой,
я скажу: «Мой милый ветер,
унеси меня домой!»

* * *

Ты беги, беги, река!
Еле слышно ты журчишь,
здесь цветы над берегами
берегут покой и тишь,
нежными устами с ними
ты столь нежно говоришь!

Но что к морю путь свой держишь,
им случайно не шепни;
коль цветы о том узнают,
сколько слез прольют они!

Знала б ты, какая мука,
знала б ты, какая боль, —
быть в разлуке с милым, с кем я
счастлива была дотоль!

Я в плену у ста печалей,
их ничем не утолю;
если захочу отбросить —
туже делают петлю.

Ах, что стало бы с цветами,
если б разглядеть смогли,
как вдоль берегов каррильских
ты течешь от них вдали!

Ты беги, река, безмолвно,
грусть неси мою с собой
к морю без конца и края,
к морю с горькою водой.

Унеси мои слезинки
в те далекие моря,
где сейчас мой друг бесценный,
где сейчас любовь моя.

Если б я слезинкой стала,
поплыла бы вслед за ним!..
Горе мне! Никто не знает
путь к тому, кто мной любим.

*Милый, я могла б увидеть,
как плывешь ты в Новый Свет,
если б был балкон над морем;
но его над морем нет.*

* * *

*Кто узнал любви томленье,
кто однажды был влюблен,
тот не знает исцеленья:
в сердце наве́к ранен он.*

I

Когда вечер наступает
и покой несет земле,
боль еще сильнее терзает,
чем в рассветной полумгле.

Когда вечер от ненастья
ночи траурной черней,
мучат все сильнее несчастья
и не слышен смех детей.

II

Мне известны эти тайны,
что в людских сердцах живут,
изменяясь беспрестанно
от бесчисленных причуд.

Мне известны эти муки,
когда мир огромный пуст
и заламывают руки
так, что пальцев слышен хруст.

. . . . .

Хоть я нынче не в печали
и не ведаю беды —
столько слез пролил вначале,
сколько в озере воды.

Я узнал в былую пору
силу страсти роковой;
слезы проливал — без спору
солоней воды морской.

Я узнал терзаний ковы,
тьму страданий я познал,
а они рождались снова,
словно родники средь скал.

III

И хотя теперь с отрадой
я гляжу на все вокруг,
выгоняя утром стадо
на цветущий, росный луг,

и хотя я безмятежно
сплю на берегу речном,
на траве весенней, нежной,
на холме, в лесу густом, —

*кто узнал любви томленье,
кто однажды был влюблен,
тот не знает исцеленья:
в сердце навеки ранен он.*

* * *

Я вам пела, пела, пела,
как умела, как могла.
Только жаль: красивый голос
мне природа не дала.
Я вам пела, как училась
у старух и у девиц, —
тех, кто никогда не слышал
пенья оперных певиц.
Поначалу я стеснялась,
но не в силах утерпеть —
стала петь я все смелее,
в полный голос стала петь.
Я хотела, чтобы песня
получилась хороша,
чтобы вместе с ней запела
галисийская душа,
чтобы в ней сверкало солнце,
чтобы розы расцвели,
чтобы волны омывали
берега родной земли,
чтобы всем светили звезды
по ночам издалека,
чтобы горные вершины
уходили в облака,
чтобы слышались немолчно
перезвон колоколов,
смех весны и птичьи трели
в нежной зелени садов.
Буду петь и петь, доколе
грусть-тоска гнетет людей.
Как я много бы хотела
рассказать стране своей!
Только жаль: уменя мало,
чтобы выразить смогла
все, что чувствую в душе я,

все, что я пережила, —
и поэтому терзаюсь,
когда песни вам пою.
А ведь как бы я хотела
душу высказать свою
и сказать, насколько сильно
край родимый я люблю!

Анн
Я вам пела, пела, пела,
как умела, как могла.
Ах, как жаль: красивый голос
мне природа не дала.

ИЗ КНИГИ «НОВЫЕ ЛИСТЫ» (1880)

I. НЕЯСНОСТИ

* * *

Я знаю, конечно, знаю:
не ново ничто под луною,
не новы и эти думы,
что ныне владеют мною.

Зачем же стихи пишу я?
О, времени быстротечность!
Мы, люди, схожи с часами,
что отмеряют вечность.

* * *

Что такое вокруг происходит?
Не пойму, но чего-то я жду.
Непонятно чего опасаясь —
оно рядом, хоть не на виду.
Как боюсь я предательских этих мгновений,
когда ждешь неизвестно откуда беду.

* * *

Вонзилась мне в самое сердце
заноза однажды весною,
не знаю: была та заноза
железною иль золотою,
но мучила так, что не в силах
была уже слезы сдержать я;
рыдала я, как Магдалина,
стоявшая возле распятия.
И в хор неустанных молений
свой голос вплетала я слабый:
«Дай силы мне, Господи, чтобы
я вырвать занозу могла бы».
Молилась и днем я, и ночью,
надеясь на Бога всецело,
молитву мою Он слышал,
и силы найти я сумела,
чтоб вырвать из сердца занозу;
но сердце мое омертвело.
И ныне я снова рыдаю,
по мукам недавним тоскую.
Сей прах, наделенный душою,
о Боже, понять не могу я!..

* * *

За радостью — новые радости,
за горестью — новые горести,
за сладостью — новые сладости,
за горечью — новые горечи.

Но если приводят к усталости
то взлеты, то снова падения,
чего же страшимся мы: старости
иль вечного успокоения?

* * *

Зимой холодной я всё думала:
где ты скитаешься, друг мой?
Весной я думала: о, скоро ли
ко мне войдешь ты в дом пустой?
Теперь же думаю: я, сирая,
не позабыта ли тобой?

II. ИЗ ЛИЧНОГО

* * *

Сверчки, медведки, лягушки —
под пенье телег вдали —
слагают, не умолкая,
любовные серенады
в полях родимой земли.

Лишь вспомню — понять
не могу, что со мной:
и счастьем полна,
и горькой тоской.

* * *

Просыпаюсь в тоске по ночам
и молюсь, чтобы ночь не кончалась,
чтобы утро печальным очам
никогда,
никогда не досталось,

чтобы ночи зияющий мрак
никогда не развеялся светом;
солнца луч — мой сияющий враг —
не коснулся бы ложа приветом,
чтобы ложе мое навсегда
поглотилось бы черною мглою;

темнокрылая птица-беда
не разбилась рассветной порою.
Но приходит задорный рассвет
с молодой, лучезарной зарею, —

ни тоске, ни слезам места нет,
светлый купол горит надо мною.
Темнота — лишь в души глубине,
сокровенная тайна — во мне.

ВЧЕРА — ТЫ, ЗАВТРА — Я

Так низко я пала ныне —
свет не доходит ко мне,
живу во тьме непроглядной,
не вижу звезд в вышине.

А ты, ко мне равнодушный,
усмешку не в силах скрыть.
Но я — жива и сумею
подняться и отомстить.

Бросай в упавшего камни,
бросай с усмешкою злою,
бросай... когда упадешь ты —
тебе отплатят с лихвою.

ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ

Это было страхом и болью,
и ненавистью ярой.
Это было большой любовью,
было Господней карой!
Ибо есть отравы — любовь, горькая по природе,
которая никогда не дает покоя душе и плоти,
которая душит ласкою, в глазах у которой — чума,
которая от страданий оскорбительна и черна.
Лучше замерзнуть, чем греться
у этого очага!

* * *

Море, глубь твоя бездонна!
Ты безбрежен, небосклон!
Схоронить мне помогите
призрака — так страшен он!

Он огромней вас обоих
и стократно вас сильней.
Он везде — средь звезд и в поле,
где могилу роют мне.

Злобен, яростен, насмешлив,
сон с моих он гонит век
и грозит не дать покоя
и преследовать вовек.

* * *

Ошибаюсь вновь и вновь я:
не ушла порой ночью,
ты, о тень у изголовья, —
здесь, смеешься надо мною.
Не ушла — и тьмой густою
солнце от меня закрыла,
ты горишь ночной звездою,
ветром воешь ты уныло.
Плачешь ты во мраке ночи
и звучишь во всякой речи,
и речной волной бормочешь
на рассвете и под вечер.
И во мне живешь теперь ты,
нет конца тебе, начала.
Не покинешь ты до смерти
ту, что вечно омрачала.

СЧАСТЬЕ ОБМАНЧИВО

Трепещи, когда тебе по праву
счастье достается в этом мире:
за нечеловеческую славу
платят здесь невыносимым горем.
И не думай, будто так же рада
боль пройти, как радость тихо минет.
В памяти — такие бездны ада!
А сознание — сродни равнине.
Как упрямо лезет плющ на стену,
так страдание иные души
оплетает, рушит постепенно,
как растение тяжелый камень рушит.
Да, страшись и трепещи, пожалуй,
если вдруг почувствуешь, что счастлив.
Лучше, чтобы жизнь твоя бежала
медленной рекой в широком русле.

* * *

Отведи меня к роднику, чья влага
утоляла жажду
нашей любви, а хрустальные воды
гасили жаркое пламя страсти.
Отведи меня за руку, как прежде...
Но нет, постой, мне все-таки страшно
увидеть в этом быстром потоке,
в этом чистом, в этом прозрачном,
скорбную тень, что легла между нами, —
тень разочарованья.

РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ А.

Спускался в потемневшие долины
туманный вечер, пение сверчка
сопровождало сонный скрип плотины,
мерцал неясный свет издалека.
Средь гор, в деревне темной, возвышалась
любимая усадьба, всем на диво
построенная предками. Качалась
перед окном столетняя олива.
Как будто ставни хлопали. Пустынно
на лестнице. И заросли вьюнка
покрыли отчий дом. И тени стынут
среди забытых стен особняка.
Кто бросит взор
на пепел дней былых?
Кто вспомнит мертвых,
если нет живых?

* * *

В небе — радостная синь,
на земле — молодая зелень,
в глубине моей души —
только чернота и темень.
Смех, веселие вокруг,
лица светятся от счастья!
А глаза мои, увы,
слезы горестные застыт.
Вешней зеленью поля
в солнечных лучах сверкают.
Лишь страдания и скорбь
грудь мою переполняют.

* * *

(фрагмент)

*Падрон!.. Падрон!..
Санта-Мария... Лестрове...
Прощайте — как давний сон!*

Мне как-то случилось проведать
любимых. Бреду в тоске,
зову их, и сердце трепещет,
но лишь молчанье в ответ.
В какую дверь ни стучалась —
ни слова, ни звука за ней,
как будто под крышкою гроба
разносится стук в пустоте.
В замочную щель заглянула —
о страх, о безмолвная сень! —
сновали по дому неслышно
лишь зыбкие сонмы теней,
подобно пылинкам, что пляшут
в сияющем солнца луче.
Смятение, ужас и горечь
сковали меня, словно цепь.
Их нет! Где искать, где разведать?
Что стало с родными? Их нет!
И колокол скорбный ударил
вдали, отвечая мне.
То смерть призывала их души!..

*Падрон!.. Падрон!..
Санта-Мария... Лестрове...
Прощайте — как давний сон!*

ОДИНОКАЯ!

Были дни прозрачны
и заря светла,
но черней сиротства
грусть ее была.
Как уйдет с зарею,
к ночи лишь придет:
ведь никто на свете
бедную не ждет.
Вот пошла однажды
на берег морской
и не возвратилась
с той поры домой.
Выбросило море
труп спустя пять дней.
Ворон лишь летает
на могилу к ней.

III. РАЗНОЕ

СЛАДКИЙ СОН

Ангелы спустились,
к изголовью встали,
крыльями своими
ей постель устлали,
унесли далёко
ночью непробудной,
сон ей навевая
музыкою чудной.
Зазвенели утром
жаворонка трели,
им в ответ чуть слышно
ангелы запели
в синеве спящей:
«Не будите спящей!»

* * *

Я в ужасе вижу пропасть
и все ж устремляюсь к ней...
О, сердце, как ты жестоко!
Не слажу с любовью своей.
Ничто меня не остановит,
звучит его голос в ушах;
куда меня позовет он,
туда и направлю шаг...

Я вылезу из окошка
сегодня ночной порой,
ведь ночь придает отваги...
Прости же, мой дом родной!
О, святость отчего дома
и девичья честь моя,
из-за любви безоглядной
про вас позабыла я...
Пошли мне, Господи, кару,
ведь я заслужила ее,
но только позволь с ним рядом
нести наказание Твое!

ПЕЧАЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

В жаркий полдень в далекой Кастилии
сияло без усталы солнце
среди выжженных пастбищ и пыли.

Все ярче, все жарче, наглей —
да простит меня Бог! Ведь нельзя же
так палить беззащитных людей,

иссушать с таким пылом родник,
обмелевшие реки, деревья,
горемычный, невинный цветник.

В жаркий день — ах, какая тоска
незаметно подкралась, злодейка!
Сжала сердце мне, будто в тисках.

Боже, что же мне делать, ответь! —
вопросала я, глядя в небо,
чтобы под ноги не смотреть.

Потому что цвет неба, признаться,
почти как на родине нашей,
лазоровым мог называться.

Но земля-то, Господи Боже!
Неужели Твое творенье?
Такой страх, — ни на что не похоже.

Но зачем же искать мне подвоха,
если все, что творишь Ты, Господь,
никогда не бывает плохо?!

Равнины печальные эти
Ты создал, Господь милосердный,
для кастильцев на этом свете.

Ах, птицы тянутся к югу,
кролик бежит к своей норке,
а душа — к любимому другу.

Так я себе говорила
в тот день, когда грусть-тоска
двери мне отворила.

Между тем я смотрела вдаль,
где полоска белесой земли,
где по ней струилась печаль.

Среди сосен горелым пятном
на фоне леса чернели
село и господский дом.

Облака плотной пыли носились
меж долиной и сводом небесным
и на землю устало ложились.

Верный образ пустыни — зной:
то же дыханье жаровни,
тот же пылающий бой!

Мулы вдали бродили
и быки, и больная овца
блеяла где-то уныло.

И на ветви, сухие как спицы,
укрываясь от жаркого солнца,
садились бедные птицы.

За что шлешь мне пытку такую,
Господи! Тягостно мне,
будто хоронят живую.

О, прекрасные воспоминания
о покинутой мною земле,
поддержите мой дух в изгнании!

Потому что у высохших рек
бросает то в жар, то в холод,
не найти утешенья вовек.

Вдруг ветер принес напев —
и я задохнулась от счастья,
опомниться не успев.

То, что давно забылось,
галисийский напев *а-ла-ла...*
как услышала — сердце забилося,

и так странно забилося вдруг,
так сильно, как бьется любовь,
так жестоко, как бьет недуг!

Покрытые пылью и потом,
брели с мотыгою на плече
крестьяне, окончив работу.

Позабыв о полях и посеве,
это пели они, они!
И тонула я в том напеве.

Прощайте, леса опаленные,
холмы с травой сухой
и земли опустошенные!

Я закрыла глаза: предо мной
протянулись луга и долины,
ручьи разогнали зной.

Но когда я открыла их снова,
в одиночестве горьком своем
не могла я от слез молвить слова.

Ничем было плач не унять,
пока наконец из Кастилии
я домой не вернулась опять.

Завезли меня в эти степи,
но не здесь мне судьба умирать.

* * *

Зима, время дней холодных,
отрада моей души,
время рек полноводных,
любви в домашней тиши

и непогоды жестокой,
ты — образ безжалостных бед,
что обрывают до срока
юной жизни расцвет.

Приди вслед поре осенней —
тебя призываю я, —
скрой меня темной сенью,
сном черным небытия,

чтоб солнце пролило сиянье,
когда вернется весной,
не на мои страдания,
а на мой вечный покой.

* * *

Спеши, Альваро де Анидо,
спеши за миг прожить столетья,
пришпоривай коня лихого,
оглаживай тугою плетью.
Что конь! Найдешь себе другого,
а жизнь не сыщется другая.
Живи, Альваро де Анидо,
повсюду попевая.

Мечись меж севером и югом,
в земную глубь взгляни без страха,
а после на воздушном шаре
под небеса взлетай, как птица.
В бескрайней пустоте вселенной
ты промелькнешь, как лучик света.
И все закончится, Альваро.
Ты знаешь это.

IV. О ЗЕМЛЕ

МОЛЧИТЕ!

На берегах зеленых, на берегах песчаных
и среди скал суровых, что вдоль моря встают,
живут чудесные феи со странными именами,
и только для нас понятные песни они поют.

Тут в приязненной сени наших дубрав зеленых,
в зарослях, чьим ароматом благоухает простор,
и у ручьев журчащих живут наши добрые духи,
только лишь здесь рожденным понятен их разговор.

А в горах наших грозных и в небесах бездонных
живы, пока существует край наш и нами храним,
смутные, блеклые тоны, влажно-прозрачные краски,
полные успокоенья, что в радость лишь нам одним.

Вы, для кого привычно ярких красок блистанье,
вы, на кого струится знойного солнца сиянье,
у моря иного рожденные и под небом иным, —
молчите, коль нашей отчизны вам не дано пониманье,
так же, как, не понимая вашей земли, мы молчим.

* * *

*Славный мой домик,
не надо мне злата,
я и тобой несказанно богата!*

От Сантьяго до Падрона
я, промокнув под дождем,
босоногой и голодной
добрела ненастным днем.
Торговали на дороге —
разных разностей полно;
разохотилась я было —
да нет денег все равно.
Сытный дух в харчевнях вился
и летел за мною вслед,
но, коль держишь путь без денег,
не надейся на обед.
Вот, с устатку ног не чуя,
я завидела свой дом,
только сразу спохватилась:
дома — покати шаром.
Уж на что изголодалась,
пред глазами всё темно.
Я к зажиточным соседям
прибежала под окно,
попросила корку хлеба —
пожалели в долг мне дать.
Я заплакала, от срама
некуда глаза девать!
Шла домой, а с неба месяц
светом тропку заливал;
дома всё перевернула:
кухню, двор, чердак, подвал —
может, что и завалилось?
Обыскала всё. Нашлась
горсть муки на дне корыта;

я молиться принялась!
Вот бы у печи погреться, —
только нечем растопить.
Старушонка по соседству
согласилась пособить:
вместо дров сырого дроку
предложила как назло.
Горько стало мне, досадно,
всю слезами обожгло.
Раздобыть пришлось соломы —
дернула в матрасе клок
и с молитвой оглядела
хлева каждый уголок;
вот и щепочки сухие,
да и моху набрала.
Услыхал святой Антоний —
дал мне света и тепла!
Выгребла золу из печки,
чтоб поставить котелок,
а в золе как будто тлеет
не потухший огонек.
Присмотрелась: там монетка.
Заступилась Божья Мать!
Я скорехонько пустилась
фунтик соли в лавке взять.
Вот так праздник! Я, из лавки
воротясь, пошла не в дом,
а к себе на огородик
за капустой прямиком.
Горсть муки, немного смальца —
я в кладовке про запас
оставляла — мне на ужин
получилось в самый раз.
Наварила я похлебки —
оторваться не могла;
в жаркой печке хлеб душистый
всем на зависть испекла.
И, поужинав, молитвы
снова начала творить,

а молитвы сотворила —
платье принялась сушить:
я ведь вымокла до нитки,
когда шла к себе домой.
И, покуда обсыхала,
завела припев такой,
чтоб во всей округе громко
раздавался голос мой:

*Славный мой домик,
не надо мне злата,
я и тобой несказанно богата!*

ГОРДЫНЯ (фрагмент)

— Наша рыжая корова,
матушка, дрожит у хлева.
Может, от греха какого
на нее серчает небо?

— Будь корова и безгрешна —
сам-то ты грешил немало.
У тебя грехов, конечно,
до рождения хватало.

— Разве можно за другого
звать безгрешного к ответу?

— Сам поймешь: падет корова,
ты с сумой пойдешь по свету.

В КОРНЕСЕ

Как я вас ненавижу —
поля, зеленые доли,
вас — высокие лавры,
вас — зеленые тропы,
где трепещут фиалки
и виноградные лозы!

И вас — пологие горы,
на закате, над лугом,
вас, что в ясные ночи
мерцали в сиянии лунном,
когда я была счастливой,
бродя по тропам и кручам.

И ты, чудесная речка, —
второй такой не увидишь! —
даже в воспоминаньях
отныне ты мне противна.
За то, что так вас любила,
теперь вас так ненавижу!

V. ВДОВЫ ЖИВЫХ И ВДОВЫ МЕРТВЫХ

* * *

Тебя поила б ароматом,
будь розой я в саду весною,
я б только для тебя плескалась,
когда была бы я волною,
согрела б нежным поцелуем,
будь я лучистою зарею,
а будь я Богом... Но ведь ты
и в рай не поспешишь за мною.

* * *

Вдаль, как светлая река,
торная дорога
убегает за поля
прямо от порога.
Я пройти по ней хочу,
путь во мгле сияет,
за собой меня зовет,
в дали увлекает.
О горах и городах
сладостные думы,
о селеньях, о ручьях,
о дубах угрюмых.
Побежим, дорога, вдаль
под палящим солнцем,
затеряемся вдвоем
в дымке за оконцем.
За Сантьяго уведешь,
Сан-Андрес не минешь,
от Портала убежишь,
в Сан-Сидране сгинешь.
Бросишь там меня одну.
Где ты? Что за дело!
Потерялась навсегда,
только пыль осела.
Вот и мне бы так уйти,
позабыть печали,
позабыть тоску и боль,
сгинуть в дальней дали.
От порога убежать
следом за мечтою
очень просто: улететь
золотой пыльюю.
От себя не убежишь
никакой тропею.

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

От родины вдали
мы бродим и страдаем — горе мне!
Но ты лишь об отчизне вспоминаешь,
а я — о ней и о тебе.
Мы странствуем, и силы наши тают,
и, как всегда, сердца таят печаль,
но ты покой родной земли узнаешь,
а мой покой — смерть и могильный хлад.

ИЗ КНИГИ
«НА БЕРЕГАХ РЕКИ САР»
(1884)

* * *

Сквозь кружевной узор ветвей
с немолчною листвою,
где птиц уставших ждет приют
днем и ночной порою,
в окно я снова вижу храм,
любимый раньше мною.

Когда-то мной любимый храм...
А ныне я в сомненье:
любим ли он? Моя душа
теперь полна смятенья.
Ужиться смогут ли во мне
любовь и озлобленье?

* * *

От себя убежав, что ты ищешь, душа,
что найти хочешь в душах людских?
Если высох родник сострадания в тебе —
нет воды в родниках и в других.
Ярко звезды сверкают в ночных небесах,
и цветут на равнинах цветы.
Но они ведь не те, что любили тебя,
что когда-то любила и ты.

* * *

Тебя я люблю... Почему ты меня ненавидишь?
Тебя ненавижу... Зачем же ты любишь меня?
Душу людскую с ее сокровенной печалью
сможет кто-либо понять?

Истина нас без пощады терзает.
Те, кто влюблен, слез немало прольют.
Тебя я люблю потому, что меня ненавидишь,
ты ненавидишь из-за того, что тебя я люблю.

* * *

Дремлющие в истоме оттрепетавшей плоти,
в горе немилосердном, павшие на колени, —
живы людской порукой, где на земле найдете
вы красоту такую, чтобы не знала тленья?

Атома бестелесней, высей необозримей,
тайное откровенье, вздох тишины небесной —
губы мои не смеют вымолвить твое имя,
и безутешен разум перед твоею бездной!

Не верю, что бессловесны травы, ручей и птица,
полна, что гремит на взморье, звезда, что в ночи искрится.
Зачем же на каждый шаг мой смеются они: — Чудная!
Опять со своей мечтою кочует, дорог не зная;
плутает безумной тенью, седая, кого-то молит
в нетленном цвету весеннем оставить и жизнь, и поле
под утренним ветром стынет, а луг уже белый-белый...

Луга пеленает иней... Я совсем поседела...
Блаженная безысходно, убогая, все молю я:
в нетленном цвету весеннем оставь мою жизнь былую,
в предвечную зелень с миром поля отпусти и души,
что смертным огнем пылают и никнут осенней стужей.

Не смейтесь, цветы и звезды, над бедной мечтой моею —
как я без нее любить вас, как жить без нее сумею?

* * *

Моря лазурного легкие волны
с плеском песок затопляют прибрежный,
ноги босые мои окружают,
ластятся к ним и целуют их нежно.

Лижут ступни языками своими
и покрывают их белой пеной,
чудится мне, что зовут за собою
в дальнюю даль, во дворец сокровенный.

Правда, когда я бегу вслед за ними,
то мои ноги в песке утопают,
мне не догнать их, и быстрые волны
тотчас же на смех меня поднимают.

И убегают, меня оставляя
на берегу, на равнине песчаной, —
так вот и счастье меня оставляет
на берегу моей жизни печальной.

* * *

Есть люди, чьи сердца —
как торная дорога.
Кто за тобой идет,
твои следы сотрет.
Ни взгляда ненароком,
ни доброго словца...

* * *

Ты — на ложе из розовых лепестков,
а я — на ложе терновом;
между счастьем твоим и моим злосчастьем —
пропасть. И это — верное слово.
Но я не согласна
даже на час
поменяться с тобою местами.
Розы отраву таят зачастую,
а тернии к звездам уводят нас.

* * *

Коль опоздаешь ты на пир богов,
то в амфорах лазоревой окраски
уже, душа, нектара не найдешь —
на дне остался лишь осадок вязкий.
И все-таки останутся тебе
последние твои воспоминанья,
что смогут с жизнью примирить земной
в пустыне одинокого страданья.

* * *

В одних и тех же одеждах
мы видим и правду и ложь
в этом мире, который
на фарс извечный похож;
очаровать они могут,
поскольку наряд их пригож,
как ни смотри — различий
в одежде их не найдешь,
и человек неспособен
понять, где правда, где ложь.

Мануэль Мургиа

«ДЛЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВОЕЙ СТРАНЫ...»

(фрагменты)

Увидев ее лежащей в гробу, — все мы смертны — я воскликнул: «Ты столько страдала в этом мире, теперь ты отдохнешь, бедная измученная душа!»

Эти слова, соответствующие моменту, вырвались из моей груди произвольно. Иного я и не мог сказать. Я один знаю: ничьи глаза не пролили в минуты страдания более горьких слез, чем ее, ничье сердце не испытало более жестоких ударов судьбы, чем ее. Подарив ей смерть, небо сжалилось над несчастной.

Но, наверное, скажут: неужели не было у нее дней счастья, радостных рассветов, покоя и уединения, о чем всегда просила она Бога во время молитв? Разумеется, были. Дети стали для ее сердца высшим утешением, даже несмотря на то что ее мучила мысль: быть может, настанет время, когда они будут страдать так же, как страдала она. Нет, так не должно быть! Наивная и доверчивая, вручившая свою жизнь в Божии руки, сострадавшая всему и всем, она чувствовала себя хорошо только дома. Слава не значила для нее ничего. Чуждая ей суэта мира затихала у порога ее дома, но не совсем, как она того хотела, чтобы ее не пугали превратности жизни, и ничто не пугало ее так, как неожиданное счастье. Ей чудилось: оно непременно принесет с собой новые страда-

ния. Некоторое безразличие к ее поэзии со стороны критиков я воспринимал болезненно и нередко говорил ей, что никто, кроме меня, не может дать верную оценку ее творчества. Она всегда отвечала мне: «Все проходит; мы — только тень от тени. Скоро даже и имени моего не вспомнят. Но что все это значит для нас, когда дело уже сделано?!» Несмотря на восторг, с каким читатели принимали ее книги, она старалась отстраниться от внешнего мира. Когда дают положительную, сугубо литературную оценку ее первой книги на галисийском языке, то всегда надо учитывать еще некоторые суждения, важные для правильного понимания того, что она сделала для возрождения галисийской литературы. Ведь именно она открыла миру душу своего народа, но для большинства была поначалу еще одной поэтессой, и только для очень немногих — единственной.

К триумфу она была равнодушна, любила одиночество и отрешенность, и если что-то могло дать радость ее страдающей душе, так это мысль: небеса, быть может, подарят ей краткий отдых, и она воспользуется передышкой для того, чтобы сотворить что-либо для прославления своей страны, сделать что-либо, что внушит иностранцам любовь к ее родине; и ради справедливости, надо признать: она сделала это первой.

Куррос Энрикес, ее великий друг, к сожалению недавно скончавшийся, Куррос Энрикес, позже разделивший с ней и славу, и жестокие удары судьбы, любил поэзию Росалии де Кастро — как своей предшественницы и сестры. Благородный поэт, он ставил ее творчество выше своего, но в действительности они были творческими близнецами — израненными одной и той же рукой, несущими одно и то же бремя. Конечно, она была первой во всем. Она разбила лед безмолвия, прошла дорогой побед и первая, звучными напевами, на которые ее вдохновили народные песни, доказала, что ее родной язык способен выразить все человеческие чувства; если к этому добавить, говорил Куррос Энрикес, ее страстность и искренность, то вряд ли кто-либо в Галисии превзойдет ее как поэта; наверное, будут равные ей, но ни-

кто никогда не сможет превзойти ее; при рождении она была поцелована Богом. <...>

Что можно было ожидать от женщины, слабой здоровьем и чувствительной, от женщины, которую глубоко ранило любое переживание? То, что в ее произведениях со всей искренностью и силой отразится ее душа. Так и случилось. Дитя своего времени, она вобрала в свою душу всю его боль, претерпела долгие и жестокие муки и в любом своем стихотворении смогла выразить чувство, которое она испытала. В галисийских стихах она с мастерством и достоверностью описала обычаи своего народа; и ее чувства, ее неуловимая таинственность навсегда запечатлелись в галисийской поэзии. Это была ее несомненная победа. Сыны и дочери Галисии, те, кто волею судьбы оказался под лазурным небом Кубы или на равнинах Аргентины, читали своего поэта — да, своего поэта, ибо если они и любили кого-либо неиссякаемой любовью, то именно Росалию, — ее стихи жили в их памяти и в сердце и смягчали боль разлуки с далекой родной землей. В ее стихах они видели воспроизведенную с детальной точностью свою родину, по которой они вздыхали на чужбине. И столь глубокое единение поэта со своим народом заслуженно сделало ее имя самым прославленным среди галисийцев.

Старинные барды соединяли поэзию и музыку. О Росалии такого не скажешь; но я с чистым сердцем утверждаю, что если бы она захотела, то с легкостью бы выдержала соперничество с бардами. Она была необычайно музыкальна. Получи она музыкальное образование, Росалия стала бы столь же великим композитором, как и поэтом. Без какого-либо намерения внести новшества в технику стиха она, считавшая важнейшим для себя ритм, стала в Испании первым поэтом, кто разрушил обычную для того времени метрику. Новизна ее сборника «На берегах реки Сар» была столь неожиданной, что некоторым она показалась недопустимой вольностью, а для большинства осталась загадкой. Поначалу никто не решился дать ей какую-либо оценку. Молчали и те, кто отвергал подобную новизну, и те, кто принимал ее; но

вскоре пришли другие — те, кто тоже разрушал привычную метрику, и таким образом новизна Росалии была признана всеми. <...>

Жизнь женщины, даже самой знаменитой, проста. Жизнь Росалии можно ограничить двумя датами: датой рождения и датой смерти; все остальное важно только для ее семьи. Она родилась в Сантьяго-де-Компостела 21 февраля 1837 года и умерла в Ирии (в Падроне) 15 июля 1885 года. Краткая земная жизнь! Смерть настигла ее в расцвете лет — тогда, когда она ощутила себя свободной от сладостного ярма заботы о своих детях и могла помечтать об отдыхе. «Та хорошая мать, что сумела детей воспитать» — гласит галисийская поговорка, и Росалия с полным правом могла повторить эти слова, ибо всю свою любовь, все свое время и силы она отдала воспитанию детей. Святое деяние любви!

В день ее смерти мы получили из Флоренции журнал «Rassegna Nazionale», в котором была краткая заметка о недавно вышедшей книге Росалии «На берегах реки Сар». «Vorremmo — говорилось в ней — che qualche gentil donna italiana ce ne regalasse una traduzione, per che solo una donna puo degnamente intendere e interpretare cosi pura ed eletta poesia».* И это в то время, когда на родине, в Испании, даже самый доброжелательный критик писал, что «в ее стихах, которым не хватает гармонии, есть нечто, что слишком непривычно нашему уху».

Должны были пройти двадцать лет, чтобы восторжествовала справедливость и Росалию называли *Предтечей*; именно она начала ту модификацию испанского стиха, которую в наши дни продолжают ее последователи, и наконец-то появилась статья, где было признано: книга «На берегах реки Сар» — одна из самых оригинальных в нашей поэзии.

Дни ее последнего лета были для меня полны надежд и страхов; все в нашей семье старались не верить в неиз-

---

* «Хотелось бы, чтобы какая-либо дама-итальянка перевела эти стихи, поскольку только женщина с хорошим вкусом способна понять и передать столь чистую, столь изысканную поэзию».

бежное. Росалия понимала, что она умирает. Но мы, даже когда состояние Росалии указывало, что скоро мы ее потеряем, не верили в ее столь ранний уход. И она сама, измученная донельзя, надеялась на чудо. Она хотела верить, что небо не посмеет ее смертью так жестоко ранить тех, кто любит ее. Даже в минуты сильнейших страданий эта мужественная женщина находила в себе силы скрывать их от нас и раскрывала свою душу на встречу надежде, хотя и знала, что жить ей осталось уже считанные дни.

Незадолго до того, как слезь окончательно, она отправилась с семьей в Карриль. Ощущая приближение смерти, она пожелала увидеть море: из всех явлений Природы море всегда было ее главной любовью. Но сейчас на этих берегах, которые напомнили ей об иных, счастливых минутах жизни, Росалия чувствовала себя столь слабой и изнуренной, что, едва добравшись до побережья, тотчас присела на камень; вдыхая соленый воздух, она смотрела, как закатное солнце лета погружается в воду. Воспоминания, словно порывы ветра, проходили перед ее глазами, а невольная грусть исчезала, когда она смотрела на своих дочерей. Росалия рано вышла замуж, и Господь даровал ей утешение увидеть дочерей выросшими — словно блеснул для нее последний луч юности...

ЭДУАРДО ПОНДАЛЬ
(1835—1917)

ИЗ КНИГИ
«СТОНЫ СОСЕН»
(1886)

СОСНЫ

О чем поют немолчно
игольчатые кроны
над муравой зеленой
земли моей родной?
О чем поют всечасно
размеренно и вольно
семьей высокоствольной
под ясною луной?

«Покровом изумрудным
одетый первозданно
и звездами венчанный
героев древних стан,
не забывай обиды,
пусть гневом сердце бьется,
пусть наконец проснется
очаг твой, Бреоган!

Внимает нам с восторгом,
кто добр и благороден;
тому, кто смел, свободен,
наш хриплый внятен глас;
и лишь глупцы, невежды,

корыстолюбцы злые,
тщеславные, пустые
не понимают нас.

Встарь возвестили барды:
века невзгод, скитаний
и тяжких испытаний
растают, как туман,
и мы провозглашаем:
пришла пора отмщенья,
да примет искупленье
народ твой, Бреоган!

Сыны твои, скитальцы,
лишь чести слышат зовы,
и в бой они готовы,
им дух отважный дан.
Пусть сам освободится
от тягостной неволи,
от низкой, рабской доли
твой край, о Бреоган!

Потомок Луза славный
к нам простирает длани
в единстве упований
двух древних братских стран;
и да подвигнут сосны
своим могучим пенем
к возвышенным свершеньям
твой люд, о Бреоган!

Любовь к земле зеленой
да пьют из полной чаши
лихие внуки ваши,
Осинде и Фрошан!
Да вспыхнет это пламя
в тех нежных персях белых,
что вскармливают смелых
твоих, о Бреоган!

Да с млеко́м сын впита́ет
язы́к, зве́нящий си́лой, —
не лепе́т де́вы хи́лой,
что́ мужеству́ — в изы́ян,
но отзвук арф ста́ринных:
певу́чи, ве́чно ю́ны,
да не замо́лкнут стру́ны
тех арф, о Бреоган!

Свобо́ды не добу́дешь
в уни́женном моле́нье,
и же́дет того́ забве́нье,
кто́ гнет по́корно ста́н.
Да гря́нет хор со́гласный
на го́рных на́ших кру́чах,
как зве́н твои́х мо́гучи́х
меча́й, о Бреоган!

Гото́вьтесь, га́лисийцы,
к ве́ликому́ по́ходу,
за пра́во на сво́боду
да вста́нет дре́вний кла́н!
Сы́ны бе́сстра́шных кельто́в,
за кра́й сража́йтесь ми́лый,
что́б во́ля осени́ла
тво́й до́м, о Бреоган!»

МИЛАЯ И ЛЕГКОКРЫЛАЯ ФЕЯ

(фрагменты)

Милая и легкокрылая фея,
ты пролетаешь
воздушной стезею
в сказочно-дивном наряде,
белея
в дымке тумана над вешней землею;

милая фея,
над полем зеленым
ты на рассвете апрельском мелькаешь,
но иногда
над темнеющим склоном
мрачной горы без следа исчезаешь;

крыльев твоих, что сверкают над нами,
ног, что по травам
скользят осторожно,
вряд ли мы можем увидеть глазами —
только лишь сердцем
увидеть их можно.

В детстве, ушедшем тропой невозвратной,
в грезах и снах
о зеленом Эрине
слышал я голос твой,
мне столь отрадный,
видел наряд твой, не зримый мне ныне.

Где ты, летунья, теперь —
я не знаю,
в земли какие спешишь на рассвете,
где и когда
вновь тебя повстречаю,

Эдуардо Пондаль.

видел тебя я в каком из столетий?

.....

Да, я не знаю... Но в памяти живы
древние сказы
о странницах-феях,
в детстве любил я их слушать,
счастливый,
только забыл, кто рассказывал мне их.

Может,
ты небом мне послана, чтобы
помнил, что жил я и жизнью иною,
может,
владеешь ты даром особым:
видеть грядущее наше земное.

Нашего края прекрасного гений,
кельтов Галисии
звездная дева,
кельтов, мужавших в горниле сражений,
добрых и сильных,
как крепкое древо.

Так как мы — пленники рока слепого,
но не хотим
примириться с судьбою, —
остановись же в полете,
чтоб снова
мы увидали тебя над собою.

И окружи меня
дымкой вуали,
скрой от угрюмых, завистливых взоров, —
вместе исчезнем,
не зная печали,
в выси лазурной родимых просторов.

* * *

Вновь из земель африканских вернутся
милые ласточки
в теплые дни, —
с ласковым щебетом в небо взовьются
и о поэте
спросят они.
Только вершины
от них отвернутся,
сосны безмолвно
качая в тени, —
вести дурные
в горах остаются,
горы не скажут ни слова — немые,
как искони.

* * *

Юная, милая дева,
о роза из Коркоэсто! —
трепетная пушинка
в легком порыве ветра,
если и впрямь любовью
жив я одной твоею,
если и впрямь нежна ты,
если отзывчива сердцем,
то от тоски жестокой
вылечи душу, дева, —
жажду чего, не знаю,
в этой тоске душевной, —
сладкое есть у тебя лекарство,
о роза из Коркоэсто!

* * *

Когда бреду один я,
задумчив и рассеян,
спокоен, равнодушен
к тому, что всех волнует,
весь погружен в себя,
наедине с собою,
и мыслью непрестанно
о вечном и высоком,
когда онагром быстрым
я от людей бегу,

— Несчастный! — восклицают
ханжи и лицемеры. —
Видать, бродяга этот
в рассудке помутился.
Уж как не пожалеть
нам мать его, бедняжку, —
зачем такого сына
на свет произвела?
Родиться мертвым лучше,
чем сумасшедшим быть!

* * *

О дубы, что берег Дубры
гордым строем обступили,
что вы стонете под ветром
и о чем вы все шумите?
Что роняете со стоном
умирающие листья?
Верьте, что зима не вечна,
день настанет распусться
новой зелени на ветках,
клейким и пахучим листьям.
Да, я знаю: в наше время
кельтов подвиги забыты,
только все равно их дети —
не рабы и не рабыни!
И они в веках грядущих
славу племени увидят!

* * *

Пенье сосен, пенье сосен
на ветру в ненастный час;
пойте, сосны, пойте громче,
мне отрадно слушать вас!

Эти хриплые напевы
в хоре слаженном своем
говорят со мной о многом,
да не объяснить о чем.

* * *

Пондаль высунулся в окно;
сначала появилось одно:
нос, нос, нос... И лишь через час
завиделись лоб и пара глаз.

ОНИ!

Они — я узнаю их сразу:
на их возвышенном челе
печать великого служенья;
они — пешком, или в седле,
или на утлых каравеллах
открыли путь к неведомой земле.

Богатства дивного Востока
открыло племя лузитан;
Камознса высокий гений
народу был в награду дан.

Счастливый жребий у потомков Луза:
свершенья славные живут в веках,
их галисийская воспела муза.

* * *

Когда томительное сновиденье
во тьме ночной прервется на мгновенье
и мне придет охота отдохнуть
от странствия бесцельного — а путь
в моем тяжелом сне пролег над бездной, —
вдруг призрак мне является железный
и у постели скомканной моей
садится, Банко грозного страшней,
и говорит: «Пойдем!»
И я в ответ: «Пойдем!»

ЗАВЕЩАНИЕ

Хочу, чтобы меня похоронили
в Галисии, что я воспел стократ;
пусть на моей могиле
ветвями сосны стройные шумят;
в земле, что кельты покорили,
вкусить могильный сон я буду рад.

Пусть странник скажет,
коль мимо путь его проляжет:
*«Воспел его свободный глас
потомков Бреогана — нас».*

* * *

Да, я — галисийка
из бедной семьи,
из Шальяса, дальней-
предальной земли;
судьба мне велит
жить в Тандиле чужом,
а я — галисийка,
в Кастрисе мой дом.

Судьба малолеткой
меня увела
из дому — немало
я слез пролила...
Судьба недобра
и в краю неродном.

Домой бы, памперо,
домой прямиком:
ведь я — галисийка,
в Кастрисе мой дом.

Здесь говор — чужой мне,
он жесток и сух,
гремит, как железо,
и ранит мне слух;
и земли сухие,
чужие кругом...

Домой бы, памперо,
домой прямиком:
ведь я — галисийка,
в Кастрисе мой дом!

КУРРОСУ ЭНРИКЕСУ

Как вороны из Шальяса, что рыщут
по свету, позабыв края родные,
поэты все — скитальцы, вечно ищут
иные берега, миры иные.

Таков и этот: мысли раб упорный,
бежит он почестей и поклоненья,
и, как бесстрашный вольный сокол горный,
он цепи рвет, ища освобожденья.

Так не касайтесь крыл его, могучих,
как паруса на шхуне горделивой,
что, ветрам вопреки, под небом в тучах
пересекает океан бурливый.

ВАЛЕНТИН ЛАМАС КАРВАХАЛЬ

(1849—1906)

АЛАЛАЛА

Если в час умирания солнца,
озарившего горы ало,
к вам донесется песня со склона,
песня, что сразу в душу запала,
песня нежности, песня скорби,
которой столетья земля внимала, —
знайте: то лучшая песня на свете,
то — алаалала.

Ее напевают пастушки звонко,
ее землепашцы поют устало
и дети ее, выходя из школы,
свистят разудало...
О, сколько волшбы на родных просторах
у алаалала!

Когда галисийцы в горах от горя
с жизнью сводили счета, бывало,
они запевали — и эта песня,
как трель соловья, над листвою взлетала,
она гремела хвалой рассвету,
подобьем пламенного хорала,
она шумела ручьем тенистым
и ветром горного перевала.

Ее запевая всей силой сердца,
познавшего бед и страстей немало,

певцы ослабляли голос, покуда
эхо в горах совсем не стихало,
как стон, уносимый куда-то ветром,
как вздох, как отзвук дальнего шквала.

Нет, никогда не забыть мне вечер,
когда меня радость переполняла,
когда я впервые в жизни услышал
там, далеко в горах, алаалала...
— Что это? — я спросил у крестьянки,
хворост она в горах собирала;
щеки ее горели румянцем,
жаркое пламя в глазах сверкало,
волосы были чернее ночи,
алые губы — ярче коралла.
Мне красавица улыбнулась
и, потупив очи, сказала:
— Это до нас доносится песня,
песня дороги, песня привала,
это волшебница местных склонов,
та, что души очаровала,
утешительница в печали,
слезы не раз она утирала,
лучшая песня наших просторов,
то — алаалала!

Когда однажды лунною ночью
я у ключа кувшин наполняла
и, о любви мечтая, запела,
вторя жалобной алаалала,
суженый мой сказал мне, покуда
я вполголоса напевала:

— Бога ради, моя Мариана,
песня жалит меня, как жало,
я от нее лишаюсь рассудка,
ты не пой при мне алаалала.
Может, фея тебя пленила
или колдунья заколдовала,
если любишь меня, Мариана, —
ты не пой при мне алаалала...

Мой Господь! Разве это странно,
что любовь здесь острее кинжала,
если ты земле галисийской
дал мелодии алаалала?!
Это песня тоски, безумья,
буйство страсти, гром буревала —
о, по скольким несчастным влюбленным,
угасая, она горевала!
Надо иметь не сердце, а камень,
душу тверже любого металла,
чтоб остаться глухим, холодным
ночью, — когда вдали зазвучала
в этом краю, любимом, священном,
        песнь алаалала...

И когда запевают птицы,
и шумит вода у причала,
и когда аромат цветочный
ветер стелет, как покрывало,
и озвучено колоколами
        ночи начало, —
ты прекрасней всего на свете,
        о, алаалала!

У МОГИЛЫ МАРШАЛА ПАРДО ДЕ СЕЛА

Есть в дорогом отечестве одна
забытая, заросшая могила.
Она навек Пардо де Селу скрыла, —
упреком вечным служит нам она.

Ожесточенная была война,
но подло нам удача изменила, —
рука убийцы маршала сразила,
и вот — осталась сиротой страна.

Пардо де Села требует отмщенья!
Стучит нам в сердце прах его святой.
Предателям не может быть прощенья!

Таится до поры в могиле той
заклад грядущего освобожденья
и вольности Галисии родной.

ЦВЕТЫ И СЛЕЗЫ

Я в знак любви бессмертной на могилу
вчера тебе принес цветов букет.
Сегодня я пришел — они увяли:
ни свежести, ни аромата нет.
Заплакал я — и слезы превратились
в печальные надгробные цветы.
Они незримы для других — и только
их видят Бог да ты.
Как быстро гибнут все цветы живые,
что на могилу я кладу твою!
Но знаю: каждая моя слезинка
цветком взойдет в раю.

САЛЬВАДОР ГОЛЬПЕ
(1850—1909)

СВИДАНИЕ

Алел в жемчужных сумерках закат.
Я ей шепнул: «Голубка,
над самым острым пиком гордых гор,
смотри, звезда блеснула.

Ее зовут вечернею звездой.
Коль на нее отсюда
я улечу от непосильных дел,
то как мне будет любо,

когда на это место ты придешь
для встречи с дальним другом!
Звезда предстанет зеркалом любви
и сотворится чудо:

увидеть сможешь, как в ее лучах,
в одежде изумрудной
моя душа целуется с твоей
так далеко отсюда».

МАНУЭЛЬ КУРРОС ЭНРИКЕС
(1851—1908)

ИЗ КНИГИ
«НАПЕВЫ МОЕЙ ЗЕМЛИ»
(1880, 1886)

РОСАЛИИ

По морю тропкой тесной
приходила во мгле,
на устах ее — песня,
и звезда — на челе.
Так в ночи безграничной
была одинока она,
что стал молиться о безумице горемычной
я, за кого молитва никем не вознесена.

Наша муза, что молча
возле моря прошла...
Стая злобная волчья
ее разорвала.
Ее кости бесчестно
не сокрыть вам в земле.

Горе вовеки тем, у кого на устах песня!
Горе вовеки тем, у кого звезда на челе!

ПЕСНЯ

Позднею ночью в саду ароматном,
тающем в призрачных лунных лучах,
юная девушка, брошена милым,
долго сидела в горючих слезах.
Плача, она повторяла печально:
«Счастья мне в жизни, я знаю, не ждать:
милый уехал, и глаз его нежных
мне до могилы уже не видать».

Эхо слова ее, полные горя,
ветру на крылья легко опускало
и причитало,
жалобно вторя:

«Милого мне никогда не видать!»

А в это время идет в океане
к американской земле пароход,
точно рабов, он везет эмигрантов,
милый той девушки с ними плывет.
Шепчет он, видя, как ласточки стайкой
к берегу, что он покинул, летят:
«Ах, если б мог я лететь вместе с ними!
Ах, если б мог я вернуться назад!»

Мимо проносится быстрая стая.
Жалоб его не услышали птицы.

Ветер лишь мчится
вслед, повторяя:
«Ах, если б мог я вернуться назад!»

Благоуханные лунные ночи,
переполняете грустью глухой
вы всех, кто видел отплытие судна,
девушку знал, что убита тоской.

Ведь от любви этой верной, небесной
в память живущим судьба сохранила
только могилу,
крестик безвестный,
труп, что покоится в бездне морской.

Мануэль Куррос Энрикес.

ВОЛЫНЩИК

Он всегда входил в
селение с видом сеньора.

Росалия де Кастро

Полями, где Миньо струится,
горами, где Лерес ярится,
пройди весь отеческий край ты,
но лучше найти не случится
волынщика, чем из Перальты.

Старался держаться он чинно;
но взгляд — удальца-кавалера.
Любая вздыхала дивчина:
мужчина... ах, что за мужчина!
гайтейро... ах, что за гайтейро!

Года утекают рекою
и не побегут они вспять,
но только глаза я закрою,
я вижу его пред собою
на празднике нашем опять.

Платочек в кармане жилета,
рубашка, по икры штаны,
кушак изумрудного цвета.
И отблески дивного света
на гайте поющей видны.

Пройди по отчизне по нашей —
нигде не отыщется краше
мужчины, чем наш музыкант.
И всякий под гайту запляшет,
когда у гайтейро талант.

На праздниках перед толпой
играл он в деревне любой,

был гостем желанным повсюду,
хотя говорил он порой:
«Играть лишь мунейру я буду».

Ему неизменно была
одна лишь мунейра мила,
и он повторял, напевая:
«Мне сердце навек обожгла
мелодия отчего края».

Была я тогда молодою.
Глаза на мгновенье закрою —
вновь вижу его на тропинке
иль перед нарядной толпою.
Ах, как он играл на волынке!

Когда он, как щеголь одетый,
являлся на праздник, девицы
ему подносили букеты,
певцы посвящали куплеты,
светились улыбками лица.

За ним вереницею длинной
вприпрыжку мальчишки бежали,
под звуки волынки старинной
ребята плясали картинно
и в такт попадали едва ли.

Волынку заслышав, тотчас
пускались в селении в пляс.
Но черт виноват, не иначе:
плясать начинали смеясь,
а вот завершалось всё плачем.

В деревне у нас не забыли:
когда он, подобно сивилле,
пророчил с волынкой в руках,
крестьяне на площадь спешили.
И кто вспоминал о делах?!

Волынка звучит — так не мешкай,
пляши, ждал гайтейро не зря ты,
хоть рот и кривит он усмешкой,
и вид у него плутоватый,
и взгляд у него странноватый...

Нельзя было не удивиться,
увидев, как жадно и ловко
он крал поцелуй у девицы,
а та улыбалась, чертовка,
да и чего ей сердиться!

О, как не заслушаться песней
волынки его, в самом деле
прекрасной, волшебной, чудесной!
Так ангелы в выси небесной
веки, должно быть, не пели.

На праздниках он всякий раз
играл день-деньской неустанно.
Песнь гайты — что чистый алмаз,
и ей отзывалась тотчас
победная дробь барабана.

С волынщиком нашим сравниться
не смог бы, наверно, Орфей.
Когда он на гайте своей
играл (тут любой согласится),
казалось: поет соловей.

Он был музыкант и поэт,
рожденный для славных побед.
Наверное, добрая фея,
гармонии тайной владея,
открыла ему свой секрет.

Играл он... ах, как он играл!
С каким мастерством и талантом!
Но каждый, кто гайте внимал,

с печалью в глазах вспоминал
о горькой судьбе эмигрантов.

Казалось: волынка звучит
так, словно бы плачет навзрыд
своей ворожбою старинной.
Так в песне Альберте Камино
Галисия наша скорбит.

Галисия вечных страданий,
прозябшая в мозглом тумане,
среди скал и утесов суровых,
бессильная от истязаний —
сродни Прометею в оковах.

Сродни Прометею — доньше
услышать вы можете стоны
в горах, над полями в долине.
Измучен наш край угнетенный,
как бедный Масиас Влюбленный.

Поэтому праздник у нас
печальным бывает подчас.
Поэтому — и не иначе —
смеясь мы пускаемся в пляс,
а всё завершается плачем.

Поэтому в праздник повсюду
гайтейро с волынкой своей
(«играть лишь мунейру я буду»)
был нужен крестьянскому люду
и был всех артистов милей.

Играл от зари до зари;
и в каждом селенье округи
его ожидали подруги.
Входил он и в монастыри,
и в особняки, и в лачуги.

Полями, где Мишьо струится,
горами, где Лерес ярится,
пройди весь отеческий край ты,
но лучше найти не случится
волынщика, чем из Перальты.

НОКТЮРН

Дымятся в деревне пологие крыши,
усталые овцы почуяли дом,
и блеянье стада все тише и тише,
и клонится солнце за дальним холмом.

В горах, опираясь на посох убогий,
согбенный старик совершает свой путь.
Устал и на камень присел у дороги
подумать немного и передохнуть.

— Как грустно! — вздохнул он. — Как грустно! —
Услышав такие слова,
лягушка его пожалела
и громко сказала: — *Ква-ква!*

— Чу, звон колокольный поплыл по округе...
В такую же тихую ночь был пожар.
Лишился я дома, лишился супруги,
сгорели мой хлев, и мой скот, и амбар.

И в жизни остались мне только скитанья,
и по миру, долю лихую кляня,
хожу я с сумой и прошу подаянья,
но псами хозяева травят меня.

Так пой же, лягушка, в печали,
ты знаешь, печаль какова. —
И жалобно вторя стенаньям,
лягушка пропела: — *Ква-ква!*

— Одни мы с тобою на всем белом свете,
но ты хоть под камнем отыщешь приют,
тебе не страшны ни дожди и ни ветер,
меня же они беспощадно секут.

Живешь ты и песни свои распеваешь,
хоть солнышко светит, хоть дождичек льет.
Но я человек, а не зверь, понимаешь?
Я смерти желаю, но смерть не идет...

Помолимся... Колокол дальний...
Надежда на Бога жива... —
И вместе со странником бедным
лягушка пропела: — *Ква-ква!*

Зашло уже солнце, и небо ночное
украшилось круглой, огромной луной,
и звуки далекого волчьего воя
из темени ветер донес ледяной.

Встал с камня старик, отдохнувший немного,
свой посох поднял и, судьбою влеком,
побрел, не найдя утешенья у Бога
и небу в сердцах погрозив кулаком.

И долго у старого камня
шуршала сухая трава,
и жалобно пела лягушка
прощальную песню: — *Ква-ква!*

КАРТЫ

I

— Что-то холодная выдалась ночка.

Очаг наш едва чадит.

Скоро отец твой вернется, дочка,
пусть у огня посидит.

— Господи, хоть бы пришел скорее!

— Аминь, во спасенье души!

Подбрось-ка дров, да подуй сильнее,
уголья повороши.

— Сколько коней он повел в дорогу?

— Семь коней и пару ослов.

— Разбогатеет! Это же много:
соли девять мешков!

— Разбогатеет?.. Твоими б устами...

Особой выгоды нет.

— Что вы, мама, считайте сами:
девять по три монет!

II

Тихо мать и дочь говорили,
пепел на углях седел,
синие струйки дымаплыли,
ветер в трубе гудел.

Полуоплывшая свечка мигала,
Словно у гроба, слаба.
Мать на старых картах гадала,
какая ждет мужа судьба.

III

Дама червовая... Знаю, всегда ты
помнишь меня, дорогой!

Пики... Это идут солдаты...
Хоть бы дорогой другой!

Может, ушел он путем потаенным?..

Ох, как бьется в груди!

Благожелательны карты к влюбленным —
радость ждет впереди!

Страхи... Победа... Мыслями полон
о барышах больших,
видно, кордон с контрабандой прошел он —
ловко провел он их!

Тихо! *Четыре валета* следом
прямо за ним идут...

Дева Мария! Жребий неведом...
Карты, наверное, лгут.

Что за колода такая дрянная!
Выбросить надо ее!
Вечно пугает, смерть предвещающая...
Вечно в картах вранье!

Разве не так?.. Стучат у порога!
Дочка, открой скорей!

А я огонь раздую немного,
чтоб было отцу теплей.

. . . . .

IV

Но только дочка открыла двери —
не лгали карты, о нет!

Глядит она и глазам не верит.
И меркнет в глазах ее свет.

С грузом соли коней вереницу
домой привел наконец
встретивший стражу на самой границе
мертвый ее отец.

ПУСТЫННЫЙ ХРАМ

Как в кельях свет лампад мерцает,
так с давних дней
священный свет не угасает
в груди моей.

Хоть кажется средь жизни стылой:
почти угас;
но воскресает с новой силой
он всякий раз.

Увы, нет алтаря во храме
моей души.
Кому лампы свет ночами
горит в глуши?

Но если кто-то жаждет света,
пусть он придет
к лампаде негасимой этой,
что неизменно Бога ждет.

«БОЖЕСТВЕННЫЙ САЙНЕТЕ» (1888)

(фрагменты)

ВСТУПЛЕНИЕ

Молодежи Галисии

Меня страданья мучают такие,
что чудится все явственней, все чаще:
кусают грудь собачьи своры злые.

То угрызенья совести, конечно;
кругом я виноват — не оправдаться,
не отрицаю, что живу я грешно.

Я виноват перед тобою, Боже,
я в ереси погряз уже настолько,
что никакой хирург мне не поможет.

Не смогут вылечить меня ни воды
целебные, ни злаки и ни травы,
ни все лекарства матери-природы.

Будь я пустынным иль пилигримом —
я все равно не смог бы исцелиться;
выздоровленье будет только мнимым!

Спасти меня не смогут, право слово,
ни статуя Спасителя в Оренсе
и ни покров Иакова святого.

Какие бы ни возносил моления,
хоть день и ночь молился б неустанно, —
я знаю: мне не будет исцеленья.

От тех недугов, что мне дал Создатель,
(те, кто страдал, со мною согласятся),
на свете есть один лишь врачеватель.

Сей лекарь проживает в Вечном граде.
Возможно, излечить меня он сможет,
и примет он участие в Божьем чаде.

Однажды мне сказала моя мама:
«Ты вол, который к пахоте не годен,
и поведут тебя на бойню прямо.

Ты стал слепым от знаний и учений;
ты или проклятым умрешь, бедняга,
или вернешься к нам, в родные сени.

Да будет над тобою длань Господня!
И не откладывай, сынок, на завтра
то, что обязан сделать ты сегодня.

К любому смерть является внезапно,
так будем к ней заранее готовы
и станем о ней помнить постоянно».

Да будет так, коль так угодно Богу!
Кто сотворить сумел сей мир прекрасным,
тот указал нам верную дорогу.

В Рим, дабы мог бы укрепиться в вере,
Куррос Энрикес уезжает ныне,
и он поет всем сердцем: «Miserere!»*

---

* «Помилуй» (лат.).

В морях житейских я вслепую плавал,
был разгильдяем, Божьим наказаньем.
И кары мне не избежать? О дьявол!

Людей таких, должно быть, в мире нету,
кто за свое здоровье и спасенье
не рад отдать последнюю монету.

Всё в жизни дорого. Но вот кручина:
мне слава поэтическая стоит
не более, чем мелкая сардина.

Прославиться смогла одна особа
тем, что дала обед в честь Аристарха
и поцелуй ему дала — особо.

Один скупец в последние мгновенья
существованья своего земного
простил — за-ради славы — оскорбленья.

О время, когда подлость процветает,
когда живут безбедно критиканы,
а гений с голодухи помирает!

Я не хочу гореть в аду, в геенне,
хочу купить спасение у папы,
и я надеюсь на свое спасенье.

Кто в дальний путь отправится со мною?
Хоть Лев Тринадцатый не приглашал нас,
в его покои ввалимся толпою.

Я полагаю, что со мною вместе
поедут и аббаты, и монахи,
и пьяницы, и много прочих бестий.

На поезд развеселый мой взгляните:
в нем будут и развратники, и девки —
как зерна четок на единой нити!

*

Но, впрочем, те, кто уезжает ныне
(и я, друзья, отнюдь не исключенье),
в печали пребывают и в унынье.

В раскаянье все пассажиры плачут
и жаждут верить в истинное чудо:
увидеть Бога... и весь мир впридачу.

Оказана великая нам милость!
Но если бы не скидка на билеты,
то никакой поездки б не случилось.

Но скидка есть — и к черту все сомненья!
Ведь только самый безнадежный дурень
не пожелает своего спасенья!

Нам предстоит далекая дорога;
пока мы едем, петь я песни буду,
а песен у меня прекрасных — много.

*

Терцины мои острые, терцины,
вы — три стрелы, пропитанные ядом
(но в этом вы, конечно, неповинны).

Терцины мои храбрые, летите,
как молнии в грозу, пронзайте воздух
и, словно змеи средь травы, свистите.

Умело постарайтесь делать дело:
кто добродетелен, тех поцелуйте,
а кто порочен, тех разите смело.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Настало Рождество. Всё небо — в звездах,
сверкавших высоко в морозной мути,
свирепый ветер рвал на клочья воздух.

Безлюдной в эту ночь была столица.
Казалось, что Мадрид дрожит под ветром,
а тот все больше, все сильнее злится.

Закутавшись в свой старый плащ плотнее,
я шел по длинной улице мадридской,
и лютый холод властвовал над нею.

И думал я на улице пустынной
о тех несчастных, что морозной ночью
не могут обогреться у камина.

И вдруг во мраке ночи бесприютной,
в которой я, печальный, был затерян,
во тьме, почти могильной и безлюдной,

услышал я далекий голос слабый,
слова расслышал, от которых в пятки
душа не только у меня ушла бы.

— О горе тем, кто отыскать желает
свет истины и веры — со свечою,
которая лишь мрак усугубляет!

О горе тем, кто странствует по свету!
И тем, кто возмечтал сварить похлебку,
хотя ни овощей, ни мяса нету!

И горе тем, кто праздников страшится
и хочет, чтобы люди стали лучше,
а сам с тоской всегда их сторонится! —

Так говорил мне голос неизвестный,
и вторил ему тихий хор незримый,
звучавший, словно с высоты небесной.

И в песне хора я расслышал стоны
сосновой рощи, где бушует ветер,
восточными заливами рожденный,

услышал хвои высохшей паденье,
и хруст ветвей, что корчились от боли,
и разлученных двух сердец биенье.

Но я услышал и людей дыханье,
что вырывалось из раскрытых глоток,
и чей-то смех, похожий на рыданье.

Испуганный, смутившийся душою,
я все же поднял голову высоко
и спросил: — Кто говорит со мною?

— Коль ты за мной последуешь повсюду,
и в том клянешься, — голос мне ответил, —
то от тебя таиться я не буду.

— Когда за этим только дело стало,
то я клянусь. В тюрьму ведь не сажают
клятвопреступников, а их немало. —

Так я сказал, окрестность озирая;
и голос тотчас же воскликнул громко:
— Сюда, на землю, братия святая!

И мертвецы огромною толпою
— одни с улыбкою, другие хмуро —
прошли неторопливо предо мною.

И я услышал шарканье сандалий,
и грохот башмаков, и скрип абарков, —
хотя следов они не оставляли.

Был главным в этом многолюдье странном
тот, кто со мною говорил незримо,
а вслед за ним солдат шел с барабаном.

И в стылом воздухе над мертвецами
трататата! — отрывисто и глухо
трататата! — звучало временами.

Виденьем небывалым пораженный,
пошел я вслед за призрачной толпою,
ночным свинцовым мраком окруженной.

Шли мертвецы по ледяной пустыне,
по мерзлому песку, путем кремнистым, —
Мадрида не было уже в помине.

А вдалеке, реальные едва ли,
мерцавшие, застывшие недвижно,
два солнца светом мертвенным сверкали

на линии, должно быть, горизонта, —
похожие на два багровых глаза
чудовищных размеров мастодонта.

«Куда ведет меня толпа немая?» —
я думал и безвольно шел за нею,
во тьме с трудом дорогу различая.

«Наверно, нынче я лишусь рассудка
или меня к себе утащат ведьмы...
Святой Сильвестр! Всё это только шутка?»

А барабан погибшего вояки
трататата! — отрывисто и громко
трататата! — ответил мне во мраке.

По стронам я озирался дико.
Внезапно мертвецы остановились,
и главный сделал знак мне: подойди-ка.

Я подошел к вожатому несмело.
Измученный, стоял я в чистом поле,
в пустыне, ледяной и омертвелой.

Но я казаться храбрецом старался.
Передо мною был старик согбенный,
на посох он тяжелый опирался;

грудь покрывала борода седая,
огромными и зоркими очами
в мои глаза смотрел он, не мигая.

Он был при жизни, видимо, поэтом;
его лицо сверкало ярче солнца,
а волосы мерцали лунным светом.

Он галисийцем был, но зазвучала
в его устах *sexipedalia verba** —
как греческой трагедии начало.

— Мы, смертный, твоего прихода ждали;
теперь исполни то, в чем ты поклялся:
последуй же за мной без страха дале.

И если ты отважен в самом деле,
и столь же прозорлив, сколь и отважен,
и кровь и ум в тебе не омертвели;

и если ты исполнен состраданья
ко всем униженным и оскорбленным,
и ведомы тебе души терзанья;

---

* Шестистопный стих (лат.).

и коль тебя сомненья вечно гложут,
и ты похож на бедного святого,
который хочет верить... и не может;

и если видел Божие рожденье,
и зришь: всему, что Бог наш созидает,
грозит немедленно уничтоженье;

и если для тебя противоречье
творенья Божьего покрыто мраком,
ведь столь ничтожны знания человечьи, —

то будь готов к тому, чтобы со мною
отправиться туда, где тайны мира
не станут душу наполнять тоскою,

где ум и сердце жаждут единенья
и где рассудок твой уже не будут
терзать жестокие клыки сомненья.

*

Так молвил старец, добрый и согбенный,
и, на меня взглянув орлиным взором,
меня коснулся он рукой нетленной.

И я увидел паровоз пыхтящий,
с высокою дымящейся трубою, —
готов поклониться, был он настоящий.

Шлейф дыма по небу уже тянулся.
Вагонов было семь. Старик поднялся
в последний из вагонов, обернулся

и, протянув мне руку, по ступеням
вскарабкаться помог. И внутрь вагона
прошел он шагом, твердым и степенным.

Он сел, меня окинул властным взглядом,
и я, как пес, покорно подчинился
и со своим хозяином сел рядом.

А мертвецы за окнами вагона,
вздывая к небу руки, песнь запели,
и эхо откликалось им стозвонно.

— Да будет славен наш поэт вовеки, —
они провозглашали, — воспевавший
родной земли поля, холмы и реки!

Да будет с ним всегда Господь незримо!
Он едет в Рим, так пусть же не вернется
он стриженной овечкою из Рима!

— Аньону слава! — пели громогласно.
— Аньону слава! — возглашали снова.
— Аньону слава! — хор гремел всевластно.

Вдруг барабан загрохотал победно
трататата! — и мертвецы исчезли
трататата! — мгновенно и бесследно.

*

Всё стихло. В это самое мгновенье
наш поезд дернулся, и застучали
колеса, и состав пришел в движение;

в окно проник дым паровоза едкий,
залязгали сцепления вагонов,
как лязгают зубами тигры в клетке.

Мы начали далекий путь до Рима.
А нам вослед луна в небесной выси
захохотала неостановимо.

ИЗ СТИХОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ

ДЕВИЧЬЯ КЛЯТВА

Даниэлю Мендесу Брандону

В ночь прощания сказала
мне она: «Мой друг, клянусь:
девственной была донине —
девственной тебя дождусь».

Из окна открытого
дева при луне
поцелуй воздушный
даровала мне.

Из далеких стран вернувшись,
поспешил я со всех ног
к дому девушки любимой,
но найти ее не смог.

Лишь в окно закрытое
смог я увидеть
детские пеленки,
детскую кровать.

Вам, кто странствует по свету,
веря девичьим словам,
вам, кто странствует по свету, —
надо ль возвращаться вам?!

Ведь к истоку давнему
не бежит река, —
знает, что забыта
им наверняка.

МАДРИГАЛ

К...

Как ни прекрасна фея Лорелея —
улада взорам рейнских рыбарей, —
но у нее глаза не голубее,
но у нее ланиты не свежее,
чем у прелестной госпожи моей!

А кудри! Позавидует Аврора
ее кудрям, что так пленяют взор!
Будь я Дианою, моя сеньора,
я их ласкал бы, не страшась укора...
Простите, если говорю вам вздор!

РОДНАЯ ДЛЯ НАС ГАЛИСИЙСКАЯ РЕЧЬ

Родная для нас галисийская речь —
девица, которой пора бы и замуж;
ей песнь подавай о телесной любви,
баюкать ее колыбельной нельзя уж.

Ты весел — не станет она говорить:
увы, но сегодня я что-то не в духе.
Старушечий чепчик отнюдь не к лицу
мечтающей о женихах молодой.

Девица, боится щекотки она;
и матушка с батюшкой, перед кончиной,
сказали: их дочь себе в жены возьмет
ее приучивший к щекотке мужчина.

И если сумел ты ее рассмешить,
то можешь ты, милый мой, не сомневаться:
она наслаждаться всегда будет тем...
тем, чем она хочет всегда наслаждаться.

ХРИСТОФОРУ КОЛУМБУ

Ты против истин восставал избитых,
и правым быть, и первым быть хотел.
Америку открыть — вот твой удел —
и разбудить людей, коль разум спит их.

Картографов, в ту пору знаменитых,
ты, дерзновенный, осмеять посмел.
Величье Бога доказать сумел
величием земель, тобой открытых.

И ныне век, неведомый тебе,
приветствует тебя. Туман сомнений
ты верою своей рассеять смог.

И знаем мы, что в жизненной борьбе,
исполненной страданий и смятений,
всегда и всюду наш защитник — Бог.

РАМОН дель ВАЛЬЕ-ИНКЛАН
(1869—1936)

ИЗ РАССКАЗА
«ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ»

ПЕСЕНКА

Идите, волхвы, поспешите
вослед воссиявшей звезде.

Младенца милее,
нежнее,
умнее
на свете не сыщешь нигде.

Идите, волхвы, по дороге,
незримой для взоров людских,
ведь Ирод на прочих дорогах
расставил дозорных своих.

ИЗ РАССКАЗА «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ»

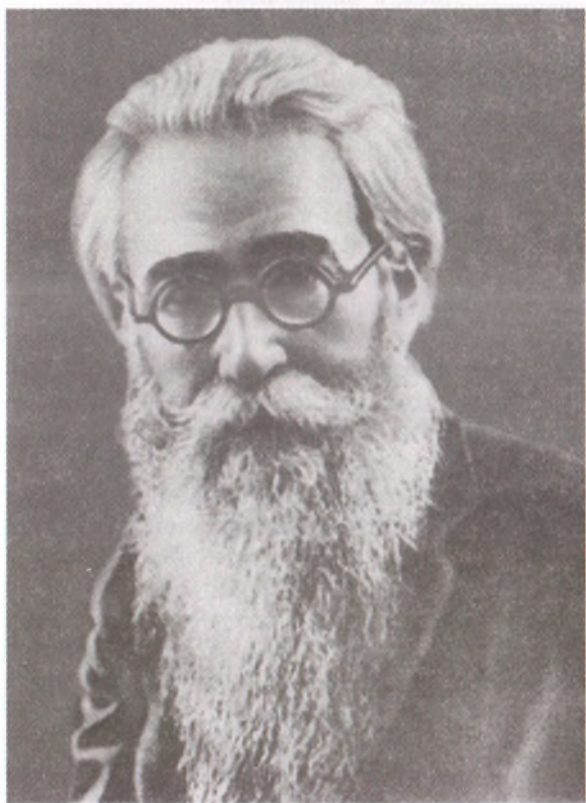
ПЕСНЯ РЯЖЕНЫХ

— Входите, но тихо,
коль можно — молчите:
уснул наш младенец,
и сон не спугните.

Уснул наш младенец
в пристанище скромном —
на старой соломе,
в хлеву полутемном.

— Младенца святого
будить мы не станем,
а издали только
на личико глянем.

Будить мы не станем
младенца святого,
петь песни уйдем мы
на улицу снова.

Рамон дель Валье-Инклан.

* * *

Днем и ночью птаха
в выси поднебесной
к младенцу Иисусу
летит с цветком и песней.

Милая пичуга,
пой на зорьке алой,
чтобы в моем сердце
рана заживала.

Милая пичуга,
пой на зорьке алой
то, что Иисусу
в яслях ты певала.

Поутру весною,
звонкий соловей,
песнь твоя сверкает
росою на траве.

Нам роса, что блещет
на траве лучисто,
дарована как милость
Девою Пречистой.

СОВРЕМЕННОКИ О ВАЛЬЕ-ИНКЛАНЕ

Валье-Инклан — на основе языка своего, галисийского народа и народов, среди которых он жил, — создал свой собственный, сугубо индивидуальный язык. И в повседневной жизни, в обычных разговорах он использовал именно свой «диалект», язык диалогов из своих романов. И монологов. На диалекте можно выразить не только нечто низкое и заурядное, как склонны думать многие земляки Валье-Инклана, и мои земляки, и каталонцы. Те, кто пользуются языком империи, делают его своей личной собственностью, а диалект становится для них только средством общения.

Валье-Инклан сотворил свой язык — и разговорный, и сугубо личный — из тех языков, которые он узнал во время поездок с театральными труппами. Он начал, конечно же, с кастильско-галисийского, вернее, просто галисийского — языка своего детства и отрочества. О, галисийская душа — не знаю: кельтская или севская, — выражающая себя на испанском! Строго говоря, на латыни; Валье-Инклан это знает. Душа этого галисийца, полностью галисийская и полностью душа, формировалась на основе своеобразного регионального эсперанто. Галисийское входит в ритм, в интонацию, в волнообразное движение и даже в синтаксис его прозы — с большим влиянием арабского, чем греческого, с большим количеством вопросов, чем ответов. И ради большей выразительности Валье-Инклан использует всё языковое богатство народов Испании и испаноязычной Америки.

Только галисийского языка ему было недостаточно. Так, например, и Росалия де Кастро смогла явить миру свою душу в стихах, написанных на берегах реки Сар по-испански, лучше, чем в галисийских песнях.

На испанском краю земли, откуда открывается океан, объединяющий и разделяющий два мира, дон Рамон дель Валье-Инклан с галисийской решительностью говорит на языке имперском и диалектном, индивидуальном и всемирном.

Мигель де Унамуну

Когда я был в Лиссабоне, мне пришлось, что естественно, говорить об искусстве и литературе. Один из журналистов спросил меня, кто из молодых, по моему мнению, лучший романист Испании. И я ответил, не колеблясь: «Пио Бароха». Я увидел удивление на лице собеседника и догадался, о чем он думает. «А Валье-Инклан?» — спросил он меня. Я ответил так: «Валье-Инклан я не числю среди романистов, ибо Валье-Инклан более чем романист: он — всё. И ограничить Валье-Инклана рамками какого-либо жанра — значит принизить его».

Его творчество, словно греческая трагедия, единение всех видов искусства: поэзии, музыки, живописи; всё искусство и вся литература.

Хасинто Бенавенте

Читая Валье-Инклана, мы всегда встречаемся с поэтом: Рамон дель Валье-Инклан — поэт, прежде всего поэт, целиком и полностью поэт. В этом его отличие от современных писателей. Если мы примем высказанное утверждение по крайней мере как гипотезу, то мы сможем понять в творчестве Валье-Инклана всё. Поэт, истинный поэт, он должен был создать свой собственный мир; реальность, в которой он живет, не является реаль-

ностью, в которой живут другие писатели. Результаты такого творения мира очевидны: у поэтической реальности — своя логика и свои взаимосвязи. Тот, кто решится войти в мир поэта, должен знать, что он будет находиться на уровне более высоком, чем остальные смертные, и что логика поэтической реальности отличается от логики нашего суетного мира.

Асорин

Его язык — пламя, молот, сердцевина и резец непонятого, всё перевернуто вверх дном, и он сам не знает, как и почему это сделано. Человек сотворен словом, и слово сотворено человеком — язык, речь, наречие. Валье-Инклан был в Испании первым факиром слов и стремился, особенно в зрелых произведениях, соединить в своем языке наречия всех, даже самых захолустных, регионов Испании (а также испанской Америки — тех стран, в которых он побывал); язык его спрессован и лаконичен, с синтетическим синтаксисом; это тот язык, который мог бы сотвориться в Галисии с ее епархией и пугающе огромным собором Сантьяго, если бы Галисия стала центром всех Испаний.

Хуан Рамон Хименес

АНТОНИО МАЧАДО

Дону Рамону дель Валье-Инклану

Мне снилось, дон Рамон: тропой кремнистой
на брег я вышел мрачный Ахерона;
бурлили воды, воздух стлался мгlistый,
а ты предстал мне в образе Харона.

Седая борода — потоком млечным.
(И кто сказал, что ты — с одной рукою?)
Языческого мифа старцем вечным
в челне ты возвышался над рекою.

Велел мне: говори. Пропеть осанну
мне твоему хотелось Дон Жуану,
но я произнести не мог ни слова.

Позволь сейчас, на берегу рассвета,
я расплачусь, речь обретая снова,
за перевоз монетою сонета.

Поэты первой половины XX века

АНТОНИО НОРИЕГА ВАРЕЛА (1869—1947)

ЦВЕТЫ ДРОКА

Ни розу, ни гвоздику я не смог
так полюбить, как неприметный дрок.

Среди колючек мне его цветы
милы, как дар небесной красоты.

В полночи чиста его краса,
когда везде алмазная роса.

И золотом цветы его горят
на пустоши, как драгоценный клад.

То истинное злато. Потому
я поклоняюсь дроку одному!

* * *

Неприязнь горных склонов
над надменной волною...
Океан и вершина
век кичатся враждою.

И глядят друг на друга,
полны спеси великой, —
мнит она: о безумство!
он рокошет: о дикость!

* * *

Возлюблены солнцем и морем
горы земли родной:
целует им головы солнце,
ноги — морской прибой.

НЫНЧЕ ОНА — БЕРЕЗКА

Давно уж стала деревцем она —
растет, в алмазы росные одета,
всегда ей любы летнего рассвета
прозрачные слезинки...

Да, одна...

Березка нынче... Были времена,
когда колдунья, фея, нимфа эта
красой, что ярче пламенного лета,
лишала горцев из Лабрады сна.

Но стала деревцем... На дне оврага
колечко потеряла... Среди мрака
звездами очи вспыхнут ввечеру.

И все же стан ее высокий строен,
наряд, белее снега, ладно скроен,
и шаль зеленая трепещет на ветру.

МУЗА ГОР

Чтоб выманить ее на свет из чащи,
напрасно страх объединял потуги
с безмолвием заснеженной округи
и зовом сосен, словно плач звучащим.

О муза гор! В любое лихолетье
в родном краю мне с ней не одиноко:
милы ей грустью желтые соцветья
и дикостью своею кущи дрока.

Что ей зари дороже? Мрак надгорный!
Кто ей щегла дороже? Ворон черный!
Поток, бурля, спешит к ее ногам...

Она скользит по зарослям колючим,
она босой девчонкою по кручам
карабкается к вековым снегам!

НЕЧИСТЫЙ ВИНОВАТ

Что ни сделаешь — неладно,
что ни скажешь — невпопад.
Что такое?

Что за притча?

Всё нечистый виноват.

Кто задул повсюду свечи?
Кто испортил всё подряд?
Кто весь дом пустил по ветру,
чтоб страдали стар и млад?
Кто завил дым коромыслом?
Всё нечистый виноват.

Насыляет на округу
мор и страх, чуму и град,
шепчет на ухо мне: пишешь,
так печатай все подряд.
А девицы — черт им пара...
Всё нечистый виноват!

* * *

Ты прав, мой друг: а много ли дверей
мир бедным открывает?
Врата во храмы и, само собой,
врата пред алтарями?

Распахивает дверь призренья дом,
что светом братства залит,
и воровской притон, где над жульем
смерть только зубоскалит.

От врат небесных бедняка влекут
в стан сатанинской власти.
Но Бог желает, чтоб он видел их
распахнутыми настежь.

РАМОН КАБАНИЛЬЯС (1876—1959)

ОТЧИЙ КРАЙ

Снег — на седых вершинах,
а в долах — мгла, туман,
луга целует солнце,
спокоен океан,
но клич, зовущий к бою,
летит, как ураган:
— Воспрянь от рабства, отчий край,
будь с нами, Бреоган!

О кельты, наши братья,
вам не грозит обман —
сердца полны отваги,
бурлит военный стан.
Летит наш клич ответный,
как ворон, гордый вран:
— Будь независим, отчий край,
будь с нами, Бреоган!

ПОЖАР ВО ДВОРЦЕ

Дворец огнем охвачен.

И заревом багровым
освещена равнина.

И колокольным звоном
наполнена.

От дыма
стал над землею воздух
тяжелым.

И повсюду —
шум, паника и гомон.

Верх занялся. Пылает
и лопается кровля.

В огне скрежещут балки,
обрушиваясь. Воя,
ползет огонь.

От страха
в хлеву ревут коровы.

Во двор спешат крестьяне,
бегут живым на помощь
и, пред огнем сгрудившись,
стоят немой толпою.
Вздымая руки к небу,
молчат, пока багровый
в глазах у них трепещет
кровавой тенью отсвет.

И лишь, бог весть откуда
явившийся, какой-то
старик, живущий чудом,
весь в рвани и лохмотьях,
давным-давно не евший,
давным-давно бездомный, —
ограбленный когда-то
здесь, во дворце, за то, что
не смог арендной платы
в срок выплатить, — хохочет
да шутит: не послать ли
за музыкантом, чтобы
тот поиграл на гайте
для здешнего народа.

ДОЛГИЙ ПУТЬ

Дорога моя, дорога,
далекий мой путь по жизни,
темна и тосклива ночью,
и днем темна и тосклива...

Моя дорога,
мой путь по жизни!

Тропинка моя, тропинка,
по скалам бесплодным вьешься,
колючим дроком увита,
скользишь над пропастью черной...

Моя тропинка,
куда ведешь ты?

Дорога моя, дорога.
Заросли, снег и ливни
тело мое истерзали,
в сердце холод вселили...

Моя дорога,
мой путь по жизни!

Тропинка моя, тропинка.
Ни капли воды в ущельях,
нет дерева, чтоб укрыться,
нет хижины, чтоб согреться...

Моя тропинка,
куда ведешь ты?

В ТАВЕРНЕ

Здесь моряки свободны от забот —
не всё же время заниматься делом!
Из кухни перцем, маслом подгорелым
и рыбой пережаренной несет.

Здесь затонул когда-то пакетбот,
ведомый капитаном неумелым, —
об этом слушателям оробелым
в который раз трактирщик речь ведет.

Пока ни дождь, ни ветер не стихает,
трактирщица матросам наливает
рукою белой белого вина.

В грозу всем завсегдатаям отрада —
очарованье девичьего взгляда
и то, как улыбается она.

ПЕСНЯ ТОГО, КТО УХОДИТ

Не одевайся в траур,
небо деревни моей!
Смени скорей зимний саван
на зелень летних ветвей.

В путь ухожу я дальний,
но в глазах моих голубой
отсвет милого неба —
всюду со мной.

Колокол говорливый
селения моего!

Не провожай меня скорбно —
пой, как на Рождество.

В путь ухожу я дальний,
но перезвон зазывной
в ушах моих не смолкает —
всюду со мной.

Дрок на крутых уступах,
долины пестрый ковер,
да не увянет в печали
ваш многоцветный убор!

В путь ухожу я дальний,
но каждой новой весной
нежное ваше дыхание —
всюду со мной.

Не плачь же, не плачь, подруга:
верность я сохраню.

Любовь голубкой вернется
на голубятню свою.

В путь ухожу я дальний,
но образ твой дорогой,
свято в сердце хранимый, —
всюду со мной.

В СТАРОМ САДУ

Розочка пурпурная,
с веточкой резной,
старый сад украсила
дивной красотой.

К ней поутру паж пришел
с просьбою одной:
— С победою вернулся
наш король домой.
Будь ему наградою
на земле родной.

Отвечает розочка:
— Не пойду с тобой!

К ней пришла красавица,
сама — как цвет весной:
— Будет целовать тебя
трубадур молодой.
Тебя в стихе прекрасном
он сравнит со мной.

Отвечает розочка:
— Не пойду с тобой!

Ей влюбленный юноша
говорит с мольбой:
— Ты открой возлюбленной
пыл сердечный мой.
Будешь на груди ее
гостьей дорогой.

Отвечает розочка:
— Не пойду с тобой!

Рамон Кабанильяс.

Вот пришла монахиня,
манит за собой:
— В церкви положу тебя
на алтарь святой.
А увянешь — на небо
путь тебе прямой.

Отвечает розочка
— Не пойду с тобой!

Девочка вся в трауре,
с поникшей головой:
— Буду я по матушке
плакать день-деньской.
Слез моих умоешься
чистою росой.

Отвечает розочка:
— Возьми меня с собой!

СОН КОРОЛЯ АРТУРА

(фрагмент)

Три дня и три ночи под небом лазурным
плыл парусник скорбный по водам безбурным.
И вот, в день четвертый, при свете Авроры
он в гавань вошел. Всюду высились горы.
Тянулась цепь горная, словно стена,
в тумане река была смутно видна.

Душа короля отлетала от тела,
от мира земного в лазурь без предела,
на крыльях последнего сна — в то пространство,
где вечности и одиночества царство.
А раны рубин на груди короля
струил аромат на земные поля.

Согласно легендам, по воле небес
пришли хоронить его девять принцесс;
они из волшебного света соткали
в тот день погребальный покров и в печали
глубокой, усопшего сняв с корабля,
накрыли святым полотном короля;
затем положили в пещере прибрежной,
где рядом ручей протекает неспешный,
на ложе, подобное вешней поляне,
в цветах, принесенных в пещеру заране.
Меч руки Артура священный сжимали.
Победные горны с небес зазвучали,
и вход в ту пещеру незримой рукою
был плотно закрыт исполинской плитой.
И в знак утешения рода людского —
«НАДЕЙТЕСЬ!» — на камне начертано слово.

**ИЗ ЦИКЛА
«СТОЛИСТВЕННАЯ РОЗА»
(МОЛИТВЕННИК ЛЮБВИ)**

* * *

О любовь — тревога и смятенье,
поднеси к моим сухим губам
свою чашу, полную томленья.

Подари небесную печаль
корабля, плывущего без курса
по морю в неведомую даль.

Подари мне тайну давних грез,
как мне песней зазвучать беззвучной,
саду розовому быть без роз.

Подари отчаянье ночей;
любит ли она меня, не знаю,
но измучен я любовью к ней.

Подари мне наслажденье ленью,
пусть же вечно ткется жизнь моя
из нетленных нитей сновиденья.

* * *

Желая прочесть эти строки,
ты мой наказ не забудь:
нужно хорошее вспомнить,
сердце вширь распахнуть,
дать мне руку, зажмуриться
и... отправиться в путь!

* * *

В груди моей, темной теснине,
раскрылся цветок и отныне
цветет, набирается сил.

Он красен от крови мучения
из ран, что тогда, при рождении,
безжалостно мне наносил!

* * *

Вечно открытая рана,
боли кровавый ручей,
тревога, горечь обмана.
Суровее нет палачей,
чем муки любовного яда.

Любовь так жестока, но в ней
живет поцелуев улада,
что всякой отравы сильнее.

* * *

Сердце, спустись на землю!
Сердце, себя пожалей!
Не страшно разбиться насмерть —
остаться калекой страшной!

РАМОН ОТЕРО ПЕДРАЙО

(1888—1976)

ВДАЛИ

Вдали...

Вдали шумит истерзанная роща
во власти крыльев северного ветра.

Вдали мерцают звезды, словно души,
страдая, испускают вспышки света,
и призрак бесприютный ропщет: где же
тот край обетованный — Компостела?

Вдали, из кроны дуба-великана
взывает дружба, что давно истлела,
и зов ее — как звуки древней речи,
она чиста, прозрачна, незабвенна...

Вдали неуловимые надежды
скользят, плывут, как облачная пена.
И всё — вдали! Любовь, удача, слава,
души молодой высокие стремленья,
что столь возвышенны и столь напрасны,
как облаков воздушные строенья.

Да, всё — вдали! И лишь тоска упрямо
всегда на том же месте — возле сердца,
и с нею всё темнее и всё глубже
та яма, что, быть может, милосердна...

НОЧЬ В КОМПОСТЕЛЕ

Сумерки, мягкие очерки дремлющих гор,
воспоминаний смутный узор, —
в стопки сложились, словно листки молитв,
возле могучих башен столетних.

Ступаю на плиты, чувствуя в сердце укор:
ни одна не молчит, все ведут разговор, —
капли дождя на них выбили легкие строки
с братскою, с милосердной любовью.

Улица — словно архив славы, обмана, мечты:
прохожий ступает по живому утку,
по нитям надежды, сплетенным туго,
по основе из лучиков робких, рассветных.

С почтеньем ступайте по древним плитам:
это — русло любви и смерти,
истории звонкий поток, застывший
серым свершеньем печальных глыб.

С любовью ступайте по серым плитам:
в каменной толще ирисы расцветают —
нежные лепестки их в былое время
поблекли, словно ланиты, от бессмертных страстей.

Когда позовут последние трубы —
плиты поднимутся, освобождая
сонмы самых печальных душ,
и вечер Господень оденется в ирисы.

ЛУИС ПИМЕНТЕЛЬ
(1895—1958)

Я СПОЮ — ПУСТЬ ВОЛЫНКА МОЛЧИТ

Я спою — пусть волынка молчит.
(Петь буду недолго,
пока обескровлено время.)
Уже лохмотья свои я сжег
в Компостеле.
Внимаю безмолвию,
с каким ваяют статую чуда,
по ту сторону леса,
по ту сторону моря.
О, моя загадочная Галисия!

Я рассеянно жду,
и меня окружает
вечная ночь.
Кому я могу сказать:
— Будь жесток и безжалостен к мертвым?

(Колокольный звон из Бастабалес,
из Анльонса... издалека:
колокольни в тумане.)

Да, да, она на балконе
своего опустелого дома.
Словно в театре теней!

Зима...
Не хотел бы я, чтоб этот вечер

засыпало пеплом моих стихов.
Лучше — потом,
когда крышки роялей закрыты.

Кого там хоронят,
за горизонтом?

ВАЛЬС БЕДНОЙ ДЕВУШКИ

Танцуй, танцуй же, танцуй.

Лохмотья твои за дверями

остались.

Ты — в драгоценной шкатулке;

так нежно и грустно поет

фортепьяно,

ведет вереница аккордов

твое совершенное тело.

Танцуй, танцуй и кружись

в бархате этом старинном.

(Ах, жемчугов восточных

в зеркале отражение!)

Как твои груди круглятся!

Прохладные твои бедра —

перламутр на теплом эбене.

Свет из глаз твоих льется,

ласковый свет.

Танцуй, танцуй и кружись,

позабудь о своих лохмотьях.

МОЕ ПРИБЕЖИЩЕ

Сколько раз я трясся от страха
при мысли, что могут захлопнуться двери
прибежища моего,
где место — лишь одному побирушке.

Я приползаю туда с жалкой своей добычей
мусора, всякого хлама,
что набираю за день.

Но время проходит,
и унылая эта тусклая куча —
то, Господи, чудо Твое! —
оборачивается сверкающими сокровищами,
россыпью драгоценных камней.

О, как же благодарить мне тебя,
поэзия, — царство мое и прибежище?!

Но опять я дрожу, как лоза на ветру,
боясь, что захлопнутся двери.

ЗИМА В МОЕМ ГОРОДЕ

Всё небо — как из тонкой паутины,
жемчужно-серое.

Поет петух,
он — словно пламя на снегу.

Ограды спят —
округлые и нежные.

Людские голоса
в душистых изголовьях
тонут.

Часы без боя.
Как белая мука —
снег.

Взойдет луна,
как ломтик дыни —
холодный, сладкий.

ПОСЛЕДНЕЕ МОЛЕНИЕ

Господи!

Я не прошу Тебя

ходить по водам.

С Тобою рядом я присяду.

Мое оружие

там, на песке, лежит.

Пусть море

стережет его...

Устал я!

Прошу Тебя

замкнуть

златые двери dalej.

Оттуда шли мои стихи.

От этой яркой птицы

чело мое устало.

Пусть только тень

останется над морем.

Устал я!

Пусть лилиями

падет

мне на ресницы сон.

И ни о чем не спрашивай меня:

не то начать

придется мне сначала.

Какая наступает тишина,

когда везут в последний путь кого-то!

И мне такая тишина нужна —

непроницаемая тишь,

какая иногда бывает

в святилище, что на мгновенье

затворено и опустело.

Безмолвно море,

и на песке

мое бессильное оружие

исчезнет вскоре.
Я грезить не хочу
загадочными далями.
Пусть улетит диковинная птица!
Какой прохладой мое чело
покров Твой овекает!
О Господи,
закрой навеки мою книгу!

ЭДУАРДО БЛАНКО АМОР

(1897—1979)

ВРЕМЕНА ГОДА

Весна

Заплеван розами опять
чахоточный рассвет Шопена.
А маргаритки белопенно
весь мир хотят околдовать.

Венок сонетов — для дубровы.
Набухло вымя у коровы.

Лето

С утра — под сорок. Ад!
Жар — как в кузнечном горне.
Семь нот-монет звучат
в перепелином горле.

В полях снопы в старинных
танцуют криолинах.

Осень

В лесу вошел художник в раж,
трудясь над блеклою листвою.

Венчать бы алый сей пейзаж
медалью надо золотою.

На солнце виноград сверкает —
в нем праздник Вакха созревает.

З и м а

Костяшками пальцев, с опаской,
стучит домовый в дверь и ставни.
Дым пишет — он выдумщик славный —
над крышами сказку за сказкой.

А ветер, ведя хоровод,
простуженным басом ревет.

Эдуардо Бланко Амор.

МЕЛЬНИЦА

Зерен смолола
мельница груду, —
вдруг с неба луна покатилась
прямо в запруду.

Спали соседи.
Боже мой, горе!
Бедняжку расколют колесные лопасти вскоре!

Послышался голос:
— Люди, вставайте!
Скорее глупышку-луну из беды выручайте!

УКРАШЕНИЕ

Открыли диких гор вершины
тебе, красавица, витрины.
Скажи: в какой из лавок мира
и у какого ювелира
найдешь ты вереска рубины?

ПЛЯСКА

Стар каштан, а веселится,
к жизни чувствуя охоту,
ввысь ветвями он стремится
и плясать готов пуститься
под волынку ветра — хоту.

БЕГСТВО

Ищи меня в море глубоком,
но крыльев своих, о любовь,
не замочи ненароком.

Теряй меня в зимних ветрах,
но не унывай, о любовь,
и свой не выказывай страх.

Иди за мной в жаркий огонь,
но зябкой рукой, о любовь,
меня, умоляю, не тронь.

Зови меня в горной теснине.
(Но не нарушай, о любовь,
мое одиночество ныне.)

АПЕЛЬСИНОВОЕ ДЕРЕВО

Любовь иль смерть в тебе таится —
в твоих цветах душистых, белых,
в плодах, где юга зной томится?

Ты к нам пришел — как соглядатай;
и мне чужой, и всем чужой,
ни друга у тебя, ни брата.

И словно рана ножевая,
пылает жаркий твой огонь;
он — не для северного края.

Нет, не со зла, помилуй Боже,
но я прошу тебя: уйди.
(О, как тебя люблю я всё же!)

МАНУЭЛЬ АНТОНИО
(1900—1930)

ИЗ КНИГИ
«ОТ ВАХТЫ ДО ВАХТЫ»
(1928)

ПОТОМ Я СМЯЛ БУМАГУ...

Потом я смял бумагу — я был унижен боле,
чем был смешон. Довольно нелепиц — отрекаюсь!
Постыдно заикаться — не повторить мне боли
пером, давно привыкшим к чернилам горьких каверз.

Потом перо сломал я — оно в стихе бессильном
завязло: время встало на этой глади белой.
Забыл я про величье, и каторжником ссыльным
перо спустилось в копи стиха... О, почерк беглый!

И вновь я смял бумагу — и вновь стихом бесчестным
я опорочил проблеск душевного огня.
И вновь я смял бумагу последним — смертным — жестом...
О, жизнь вне жизни, — что же ты хочешь от меня?

НОЧНАЯ ПОЭМА ДОЖДЯ

Дождь вошел в ночь,
запер двери на ключ
и стал сочинять Поэму.

А пока он молчит и обдумывает,
у кромки грифельной доски
семь звезд предлагают свою теорему.

Но всё стерла радиограмма
космополитической розы ветров,
в безмолвии начертавшей
кильватерный аккорд *калиграммы*.

Здесь *лейтмотив* — утомленье,
этот дождь деревенский
заблудился,
блуждая по тропкам,
и одинок из мгновенья в мгновенье.

Все та же строчка;
«Уже давным-давно Еще».

(А дождь меж тем написал подражанье
бессмертному «собачьему вальсу»
на самом краю Поэмы
строкою молчанья.)

Чухоточный рассвет, идя на поправку,
увядшее поднял чело,
устав бесконечно агонизировать.

И тут из-за сосен выступил ветер
и громогласно
(голосом виолончели)

принялся декламировать,
патетически декламировать...

А после
листки Поэмы взметнул,
и стали они тонуть

в лагунах, в болотах.

И опять — дождь,
дождь,
дождь.

ОДНИ

Постепенно остаемся одни —
Море, шхуна и мы.

Солнце украли у нас.
Глянцевый пакетбот
вышивает нитками дыма
мгновенные необрамленные картины.
Ветер украли у нас.
Вон парусник убегает
по канату провисшему горизонта.

Океан отшвартовался от побережья,
и роза ветров
ориентируется по беспамятству.

Одиночество наше
приходит из той же дали,
что и часы и минуты у нас на часах.

Но и нам известен маневр
судов, бросающих якорь
с подветренной стороны парусных кораблей.

На недостижимом циферблате созвездий
время остановилось:
труп Моря
шхуну превратил в гроб.
Дым трубки. Тоска.
Ночь. Безмолвие. Холод.
И остаемся мы —
без Моря, без шхуны —
одни.

ВАХТА С 12 ДО 4

Принайтовлена к мачте луна,
покидает нас полночь.

Судовой колокол
зашелся астральным звоном.
Поднят якорь — отчалили мы.

Заплуталось Море, шагая
по тропинкам изменника-ветра.
За судном, отдавшим швартовы,
исчезает вдаль
кильватер.

Чуть держась на плаву, выходим
в каботажи среди созвездий.

Мы выдумываем псевдоконтиненты,
что собрались открыть,
и следуем путями,
что отмечены буями звезд.

С фонарем в руке
измеряем пульс бурям,
предсказанным астральными семафорами,
не миновать кораблекрушения
при преступной отлучке солнца.

Дуй, морской ветерок,
дуй, ветерок морской,
дуй, морской ветерок,
дуй, товарищ мой.

И время с подветренной стороны
обходит нас.

Пробивающийся рассвет
пробил четыре часа.
Судовой колокол
звонит над Морем,

когда рубят рангоут
в пространстве отчаяния.

В ПОРТУ

Мы встретим на пристани
ускользающие часы
из альманаха наших мечтаний.

Всегдашние новые улицы
выставят, как на витринах,
всё тех же невестребованных невест.

Мы презрительно скурим в трубках
всякое преходящее
молчаливое недружелюбие.

Стакан, пригубленный в другом порту,
мы допьем здесь, всё в том же баре,
рядом с незнакомым матросом,
белобрысым, улыбающимся
вездесущей улыбкой.

В борделях уже знают,
что на нашей монете
орел — золотой,
а решка — нежность.

Нежданные отголоски
наших сомнамбулических песен
потушат очаги рассвета.

Завтра проснемся,
отрешившись от нынешнего дня.

Перевернут листок
судового журнала.

Нам довелось поглядеть,
как показывают фокусы
не вовремя.

ПРАЗДНОСТЬ

Чайки в клювах несут
письма влюбленных матросов.
Самодовольные пароходы
нас дымом берут на буксир.

Наши обвисшие в штиль паруса
отгоняют стаи минут и часов,
точно мух.

До Виго так далеко,
что морские карты — в полной растерянности.

Еще одну трубочку —
                                не торопясь,
а уж потом поглядеть на часы.
Свежего ветра порыв?

Отлично!

Пауза наворачивается
по спирали.

И мы неспособны
(чересчур много скобок)
добавить хотя бы виток
к тому, что уже позабыли.

НЕВЕДОМАЯ ЗВЕЗДА

Часто тебя я видел сидящей
в том окошке, —
вечно не вовремя! —
что ты отворяла в каком-то созвездии.

Горизонт каждый день отрывал
для тебя
календарный листок далекого паруса.

Но не запуталась ни единого раза
в обманной сети картографии неба
твоя белокурая девственность.

Сообщница-ночь
ловила морским секстаном
невинные запротоколированные пороки.

Вечная вдова всех двадцатилетних,
какими становятся моряки,
когда утонут,
ты их одевала саваном взора, но о том,
плывя без руля и ветрил, не узнал из них ни один.

Мы развернулись форштевнем к полуночи.
У нас по курсу с подветренной стороны
туча плывет, у которой срублены мачты.
Губкою тьмы
навек она стерла твой профиль безмолвный.

Рассвет начинался,
а я все искал средь светил
слово прощанья, что от меня ускользнуло.

ЛУИС АМАДО КАРБАЛЬО (1901—1927)

В ПРАЗДНИК ТЕЛА ХРИСТОВА

Рано утром, чуть заря,
с колоколен, как из ульев,
золотой слетает рой
колокольного трезвона.

Полные цветущих роз,
пахнут улицы садами.
В небе птицы гомонят,
точно дети после школы.

Лодки по реке плывут,
радостные, расписные.
Солнце — смирный рыжий вол —
в зелени воды пасется.

Вешней радуги цвета
в пляске огненной вскипают.
Танцы плавные текут
под удары тамбуринов.

ПЕСНЯ БУРИ

Свист куликов раздирает
морскую гладь, как шелка.
Буря, впряженная в тучи,
мчится издалека.

На пристанях и на молах
море крушит и рушит
гребни из синих молний
и светил утонувших.

Небо оделось в траур
по тем, кто пойдет на дно.
Искрами, как хлыстами,
море иссечено.

ПОРТОВЫЙ КАБАК

Всё льет и льет. И в лужах
фонарный свет сквозит.
Грязь вспыхнувшую песню
похоронить грозит.

Голландцы, немцы, шведы —
у всех душа горит...
На всех наречьях плачет
аккордеон навзрыд.

. . . . .

Свет, как по глади моря,
по лезвию скользит.

АЛАЛАЛА

То — росной зелени зарницы,
что вспыхнули в сосновой чаще,
провозглашая дня рождение
безумной песнею дрожащей;
река струится,
рыданьем тихим вторя пенью...

Душа полей среди небесной сини
в виолончельной плачет сонатине.

ПЕТУХ

Как ключом, своею песней
утру двери отвори, —
в роднике луны омылось
светлое лицо зари.

Разбросай по всей округе
крик ликующий — и тут
звезды гроздю перезрелой
с неба в море упадут.

Капли солнца, чтоб согреться,
жаждет зябнувший простор —
искрой голоса веселой
разожги ему костер.

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА
(1898—1936)

**«ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
ПО-ГАЛИСИЙСКИ»**
(1935)

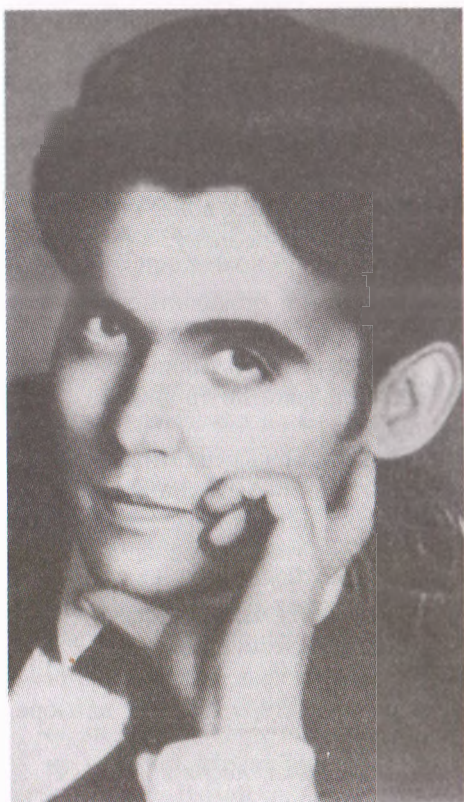
МАДРИГАЛ ГОРОДУ САНТЬЯГО

Дождь идет в Сантьяго,
возлюбленная моя.
Солнце едва коснулось
белых камелий дня.

Дождь идет в Сантьяго,
ночь темным-темна.
Травами снов укрыта
серебряная луна.

Видишь: улица в дождь —
из хрусталя и камня.
Видишь: усталый ветер
в хмурое море манит.

Хмурого моря плач
так далеко от солнца,
о Сантьяго, ненастным днем
в сердце пусть отзовется!

Федерико Гарсиа Лорка.

ПРАЗДНИК БОГОМАТЕРИ ЛОДКИ

*Ай, песенка, песня короткая
про маленькую Богоматерь
и про ее лодку!*

Маленькая Богоматерь —
в серебряной легкой короне.
Четыре рыжих вола
тащили ее повозку.

А голубки стеклянные
несли над горами дождик.
Мертвецы из тумана
проплывали по тропкам.

Матерь Божья, да отразится
лик твой в глазах коровьих,
пусть цветы похоронные
украсят твои покровы!

Рассвет на чело Галисии
росные слезы пролил.
Сквозь открытые двери дома
Божья Матерь смотрит на море.

*Ай, песенка, песня короткая
про маленькую Богоматерь
и про ее лодку!*

ПЕСНЯ О МАЛЬЧИКЕ — УБОРЩИКЕ В ЛАВКЕ

Ветром полон Буэнос-Айрес;
серым влажным ртом на закате
на волынке играет ветер
над прозрачной водой Ла-Платы.
Загрустил Рамон де Сисмунди.
Что ни день — печально вздыхая,
там, на улице Эсмеральды,
пыль с прилавков он вытирает.
Галисийцы бродят часами
по проспектам чужой столицы,
и не пампу — долину родную
видят в грезах своих галисийцы.
Загрустил Рамон де Сисмунди.
Ритм мунейры — в дыхание моря.
Семь быков луны круторогих
вспоминает с тоской во взоре.
Бродит он над водой прозрачной,
бродит он над водой Ла-Платы.
Ветви ивы, коней копыта
хлещут, бьют по зеркальной глади.
Он не слышит, как стонет волынка,
хоть она не молкнет весь вечер;
он не видит, как ртом крылатым
на волынке играет ветер.
Загрустил Рамон де Сисмунди,
над прозрачной водой Ла-Платы
видит он лишь грязную стену
умирающего заката.

НОКТЮРН О МЕРТВОМ ОТРОКЕ

*Мы идем вдоль берега, где мелкая вода,
отрока, что утонул, хотим мы увидеть.*

*Мы идем в молчании краем ветерка —
в море его может унести река.*

*Детская душа его плакала от боли
в аромате сосен, в аромате поля.*

*А с луны прозрачные струи вод пролились
на нагую гору цветом белых лилий.*

*Ветерок оставил камелии теней
на печали уст его, стылом их огне.*

*Парни белокурые, из долин придите
и на утонувшего отрока взгляните!*

*Люди смуглолицые, торопитесь с гор —
унесет река его вдаль, в морской простор!*

*В море унесет его, где луга белы,
где пасутся старые подводные волны.*

*Заиграли сосны по речной долине
на луне зеленой, как на тамбурине!*

*Парни, поспешайте, а не то вот-вот
тело его речка Силь в море унесет!*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ДЛЯ МЕРТВОЙ РОСАЛИИ ДЕ КАСТРО

*Вставай, моя дорогая,
петухи поют на рассвете!
Вставай, моя ненаглядная,
по-коровьему стонет ветер!*

Плуги поле бороздят
от Сантьяго до Белена.
Из Белена ангел в лодке
до Сантьяго доплывает.

Лодка — вся из серебра,
в лодке — скорбь Галисии,
что лежит недвижная,
травами проросшая,
ложе твое скрывшими.
Реки кос твоих черных
текут, исчезая в море,
где тучи свили гнездо, как голуби.

*Вставай, моя дорогая,
петухи поют на рассвете!
Вставай, моя ненаглядная,
по-коровьему стонет ветер!*

ТАНЕЦ ЛУНЫ В САНТЬЯГО

Смотри: как юноша бледен!
Сраженное тело бескровно!

Танцует луна! Танцует
луна над Кинтаной мертвых.

Смотри: пронзенное тело
скрывают тени и волки!

Мама: луна танцует,
луна над Кинтаной мертвых!

Кто каменного коня
сразил в смятении сонном?

Это луна, луна
над Кинтаной мертвых.

Кто в серые стекла окон
смотрит туманным взором?

Это луна, луна
над Кинтаной мертвых.

Пусть я умру в постели
в цветах золотых и грезах!

Мама! Луна танцует,
луна над Кинтаной мертвых.

Дочь! Как ты побледнела
в потоке ночного ветра!

Не ветер — в печальном танце
луна над Кинтаной мертвых.

Кто, словно бык-великан,
В смертной печали стонет?

Мама: это луна
над Кинтаной мертвых.

Да, это луна, луна
в короне из листьев дрока,
танцует луна, танцует
луна над Кинтаной мертвых!

Эдуардо Бланко Амор

«С ЕСТЕСТВЕННОЙ СИЛОЙ ПРИТЯЖЕНИЯ...»

Однажды мой друг Федерико Гарсиа Лорка принес мне горстку листков с галисийскими стихами. Неровные, перечеркнутые и переписанные заново строки еще хранили мускульное движение нервной руки, пластику вдохновения, нежность новорожденного слова, — оклеветанного ныне романтического слова, по многим причинам достойного быть воскрешенным, — хранили почти произвольное движение руки, по которой струится электрический ток, бегущий от головы к пальцам и овладевающий всем нашим телом. Федерико сказал: «Хоть я и читал в свое время Курроста и Росалию, галисийский я учил в основном по словарям, которые прилагались к книгам твоих стихов. Поэтому ты и должен привести мои стихи в порядок, издать и написать предисловие. Вот и все. И покончим с этим. И больше не будем говорить об этой книге, пока ты не преподнесешь мне ее изданной».

Не много нужно было в его стихах приводить в порядок — только аккуратно переписать их с оборота квитанций, отделить от строчек какой-то телеграммы или заставить всплыть, столкнув с отмели чье-то письма. Было ясно, что они написаны в минуты импровизации, с той же поспешностью и неудержимостью, как и другие стихи Федерико; он не растил их в цветочных горшках

тепличной и надуманной филологии, а просто снял слезу янтарной смолы в тот момент, когда ей вздумалось появиться на коре дерева. Так что это не изысканная ученая поэзия, виртуозно и самонадеянно изготовленная на чужом языке, а такие же естественные, неизбежные и вдохновенные строки, какие он пишет на языке родном.

Эту близость — именно близость, а не приближение — андалусского поэта не только морфологической структуре нашей лирики, но самой что ни на есть глубокой ее внутренней, духовной структуре, не объяснишь какими-либо многомудрыми ссылками на интуицию. И поскольку она так счастливо необъяснима, я решил, в единодушии с самим собой, признать ее чудом: ведь в конце концов это — естественная среда и единственная логика любой поэзии, незараженной академизмом, социальностью или дидактикой. То есть признать чудом подлинной поэзии.

Многое мог бы я, как придирчивый педант, с несомненным блеском исправить в том преддверии храма, где поэт оставил меня наедине со своим северным букетом, и много каменных плит я мог бы запорошить пылью своих притворно торжественных шагов. Но это означало бы заплатить за высочайшее доверие низким предательством. Так что все свои многочисленные размышления я оставляю на потом, для какого-либо более подходящего случая. Но утаю их сейчас, когда я в гостях у поэта.

Судьба даровала нам возможность увидеть, как галисийский язык, бывший поначалу питательной почвой, а затем ставший главным языком испанской лирики на протяжении нескольких веков, снова начинает, как во времена трубадуров и в эпоху романтизма, двух великих литературных извержений, разливаться по карте мира, вовлекая в свой поток людей из самых дальних захолустий; увидеть, как поэт, властитель своего языка, приходит в одежде герольда, чтобы возвестить об этом и добровольно принести чужому языку смиренную дань вассала.

Как и всегда, так и в этот раз галисийское начало побеждает не властью, а очарованием. (Когда мне говорят, что Галисия никогда не умела повелевать, я отвечаю: зато она всегда умела очаровать, и в этом ее вечное господство.) Появляются новые поэты, я знаком с ними. Не столько испанцы, сколько восхищенные галисийским языком американцы, говорящие на певучих креольских наречиях, они стремятся разгадать изысканный, но вместе с тем простой и ясный секрет этого живучего языка, который настойчиво доказывает свое бессмертие, то и дело выглядывая сквозь щели времени глазами новорожденного. То, что происходит с галисийской литературой ныне, до чрезвычайности напоминает уже происходившее у нас: всесильное, ослепляющее, как утренняя заря, пробуждение самосознания. На заре нашей эпохи блистательный, одинокий пророк Пондаль протрубил в окованный железом рог в своей пустыне, в Бригантии. Из рога вылетел орел и взмыл над серым морем, над зеленой землей, выкрикивая слова гимна: *«Пришла пора отмщенья!..»*

А голоса поэтов — это единственная достоверность, с которой согласует свою аритмию будущее, спящее внутри пока не сбывшегося, потому что только эти голоса могут вызвать к жизни не рожденную еще историю. *Пришла пора?* Испанский поэт приходит к нам из своей буйно цветущей империи, чтобы набрать скромных цветов в полях нашей земли. Во всей нашей природе! В нашей нежности он нашел «Ноктюрн о мертвом отроке»; в нашей внутренней природе, в ностальгической грусти, которую мы называем «саудаде», — «Песню о мальчике — уборщике в лавке»; в нашем прошлом, в святых городах — «Мадригал городу Сантьяго»; там, где лежат наши мертвые, — «Колыбельную песню для мертвой Росалии де Кастро», а в природе нашей первичной, «пейзажной» веры — «Праздник Богоматери Лодки». Ибо Галисия и есть только пейзаж — по своей созидательной жизненной сути, а не как нечто застывшее, общеизвестное и умирающее. Повторим еще и еще раз: Пейзаж. Пейзаж. Пейзаж. По-

чему? Потому, что благодаря пейзажу все наше остается для нас живым; он был и продолжает быть для нас необходимым ориентиром для того, чтобы мы не потеряли самих себя, обнадеживающей реальностью каждого мгновения, вечной энергией, противовесом обыденному унынию. И раз уж Гарсиа Лорка, поэт всех югов и всех южан, наших антиподов, входит к нам именно через эту дверь, через это зеленое многообразие, давайте все вместе воскликнем, как поется в гимне: *«Пришла пора!»*

В XV веке кастилец маркиз де Сантильяна писал в «Послании коннетаблю дону Педро Португальскому» по поводу галисийской литературы: «Не так давно любой поэт и трубадур из наших краев, кастилец, андалусиец или эстремадурец, все свои сочинения писал на галисийском либо португальском наречии». А в конце XVI века севилец Арготе де Молина продолжил эту тему: «Если кому-либо покажется, что Масиас — португалец, то хочу его уведомить, что до правления Генриха III все стихи писались обычно по-галисийски». В XIX веке Менендес-и-Пелайо подвел черту: «Нельзя не признать, что первым инструментом иберийской лирики был не кастильский язык и не каталонский, а галисийский, который мы с полным правом (поскольку в то время они были единым языком) можем называть либо галисийским, либо португальским». Во всех «Песенниках», от Баэны до Ресенде, содержится великое множество поэтов самого разного происхождения — король дон Альфонс, сам Сантильяна, Вильясандино, которые с любовью и настойчивостью писали на языке Галисии. С естественной силой притяжения к великим поэтам прошедших времен присоединяется теперь и Федерико Гарсиа Лорка. И здесь я оставляю его вам — для поклонения, а нам — для вдохновения.

У меня дрожала рука — и душа, когда я притрагивался к его галисийским стихам, которые становятся для нас уже реликвией, когда я переносил ударение на другую гласную или переставлял заплутавший апо-

строф на нужное место. Но сделал только это, ничего более. Вся естественность стихов Федерико бережно сохранена. Мое соучастие свелось лишь к тому, что нужно было пройти по исписанным листам с честностью каллиграфа и проверить орфографию. Да простится мне это!

Вн

КОММЕНТАРИИ

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

Ad

KOMMUNISTEN

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

ФЕРНАН РОДРИГЕС де КАЛЬЕЙРОС

«Ах, матушка, рыцаря я увидала...» — *Фидальго* — галисийская форма слова «идальго» (дворянин).

АФОНСО ЭАНЕС де КОТОН

«Решил я о старухе песнь сложить...» — *Тоledo*. — В XI—XV веках Тоledo был столицей Кастилии и Леона, затем до 1561 года, до переезда королевского двора в Мадрид, — столицей объединенной Испании.

МАРТИН СОАРЕС

На бродячего актера Лопо. — *Жограл* — в средневековой Галисии трубадур незнатного происхождения.

АЙРАС КАРПАНШО

«Меня в Сантьяго отпустить я мать просила...» — *Сантьяго* (Сантьяго-де-Компостела) — столица Галисии (в современной провинции Ла-Корунья). Начиная с IX века место паломничества европейских католиков. В городе находится кафедральный собор Сантьяго-де-Компостела (XI—XIII вв.), где, по преданию, хранятся мощи апостола Иакова (исп. *San-tiago*), покровителя Испании. В период Реконкисты (VIII—

XV вв.) святой Иаков воодушевлял христиан-испанцев на борьбу с неверными (маврами).

...перед святым зажгу я свечи. — В данном случае святой — апостол Иаков (Сантьяго).

БЕРНАЛ де БОНАВАЛ

«Сказала красотка, придя в Бонавал...» — *Бонавал* — старинный галисийский монастырь; находился неподалеку от Сантьяго-де-Компостела. Трубадур Бернал де Бонавал был, вероятно, как-либо связан с этим монастырем.

АФОНСО ЛОПЕС де БАЙАН

«Надо мне, родная, — ты не обессудь...» — *Лейрас* — монастырь в восточной части современной Испании (провинция Наварра).

Дон АЛЬФОНС X МУДРЫЙ

«От бесчестья, от стыда...» — Стихотворение создано на основе широко распространенных в средневековой Европе фольклорных преданий о чудесах Девы Марии. Эти предания и само стихотворение Альфонса X стали сюжетной канвой пьесы бельгийского драматурга, нобелевского лауреата Мориса Метерлинка (1862—1949) «Сестра Беатриса» (1900).

ПЕРО да ПОНТЕ

«Мой друг уехал далеко...» — *...на службе королевской он...* — т. е. на военной службе.

ПАЙ ГОМЕС ЧАРИНЬО

«О, святой Иаков, услышь моление...» — *Хазн* — город в южной части Испании (в настоящее время — главный город одноименной андалусской провинции). Был отвоеван у мавров (арабов) в середине XIII века.

ЖОАН ПЕРЕС де АВОИН

«Французской дорогой в час ранний...» — *Французская дорога* — так назывался путь паломников из Западной Европы в галисийский город Сантьяго-де-Компостела (через Францию).

МЕНДИНЬО

«В часовне Симеона стояла я одна...» — Часовня Святого Симеона находилась на острове неподалеку от города Виго (юго-запад Галисии).

Сохранился авторский вариант данного стихотворения:

В часовне Святого Симеона стою,
заливают волны часовню мою.

Жду я милого друга.

Жду я милого друга.

Я стою в часовне, алтарь предо мной,
заливает часовню морской волной.

Жду я милого друга.

Жду я милого друга.

Заливает часовню морской волной,
нет лодочника, и гребца нет со мной.

Жду я милого друга.

Жду я милого друга.

Заливает высокой волной пути,
нет гребца, а я не умею грести.

Жду я милого друга.

Жду я милого друга.

Не умею грести, и гребца нет со мной,
знать, погибнуть красавице в бездне морской.

Жду я милого друга.

Жду я милого друга.

Нет гребца, а я не умею грести,
в бурном море красавицу не спасти.

Жду я милого друга.

Жду я милого друга.

(Перевод Е. Голубевой)

МАРТИН КОДАКС

«Кто познал любовь — пойдем со мной...» — *Виго* — портовый город в провинции Понтеведра (юго-запад Галисии).

ЖОАН ЗОРРО

«В Лиссабоне, в синее море...» — В Средние века в Лиссабоне находилась одна из крупнейших в Европе судоверфей. В этот период Галисия была более тесно связана с Португалией, чем с Кастилией.

ПЕРО МЕОГО

«Скажите мне, лани под сенью ветвей...» — В середине XX века галисийский писатель Альваро Кункейро (1911—1981) создал стихотворение-реминисценцию «Перо Меого на зеленом лугу»:

— Скажи, что будет с тобою, лань с глубокою раной,
скажи мне, что будет с тобой, ради любви самой?

— Найду я в песне укрытье, в строчке ее чеканной,
охотник мой!

— Скажи, что будет с кудрями твоими, отроковица,
скажи мне, что будет с ними, ради любви самой?

— Зеленой шелковой лентой им суждено обвиться,
охотник мой!

— Скажи, любимая, где мы встретим зарю с тобою,
скажи мне, где встретим зарю мы, ради любви самой?

— Там, где лесной олень спускается к водопою,
охотник мой!

— Не видел я никогда лани, ничком лежащей,
не видел, чтоб по прямой вытянул ленту ветер,
не видел я никогда в нагорной чаще оленя,
клянусь любовью самой!

(Перевод А. Косс)

«Красавица горной сбегает тропую...» — *Олень* — в поэзии трубадуров и в галисийском поэтическом фольклоре символ страстной любви.

ПЕРО АМИГО де СЕВИЛЬЯ

«Средь многих богомольцев в Компостеле...» — *Эстела* — город на северо-востоке Испании (провинция Наварра).

...рокамадорский пояс расшивной... — *Рокамадор* (Рокамандур) — город в юго-западной части Франции (в современном департаменте Ло), место паломничества, связанное с культом Девы Марии.

Сар — селение в северо-западной части Галисии, на одноименной реке (современная провинция Ла-Корунья).

Дон ДЕНИС, король Португалии

«Хотел бы я на провансальский лад...» — В средневековой Европе поэзия провансальских трубадуров, достигшая наивысшего расцвета в XII веке, считалась образцовой.

ЖОАН де РЕКЕЙШО

«Ах, матушка! Пойти решила...» — *Фаро* — старинный город на юге Португалии. Близ города Фаро находится монастырь Девы Марии.

РОЙ МАРТИНС до КАЗАЛ

«Молю тебя, Любовь, со мною вместе будь...» — *...пока любимый мой в Гранаду держит путь...* — Гранада была отвоевана у мавров в 1492 году. С падением Гранадского халифата завершилась и вся Реконкиста.

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Припевки, песни, частушки, шутки

«А ну-ка, спой: каштанов получишь!...» — Один из вариантов этой песенки стал основой стихотворения Росалии де Кастро «Девушка, спой...», которым открывается ее сборник «Галисийские песни».

Волынщик по имени Крислово. — *Себрейро* — горная гряда в провинции Луго (северная часть Галисии).

...нового святого сладим! — В основе галисийского имени Крислово лежит имя Христос (Cristo).

«Заречные девки...» — *Стрекало* — здесь: заостренная палка, которой погоняют скот.

Танго. — Этот танец родился в Буэнос-Айресе в 80-х годах XIX века. В ту пору в Аргентине, и в частности в Буэнос-Айресе, было немало эмигрантов из Галисии. Те, кто вскоре вернулся на родину, привезли и известия о новом танце, благодаря чему танго в Галисии стало популярным еще в конце XIX столетия.

Мунейра (муйньейра) — галисийский народный танец-песня.

«О девчонках из Кардейро...» — *Кардейро* — округ (церковный приход) в провинции Ла-Корунья (северо-запад Галисии).

«Туго мне пришлось, Маруша...» — *Портело* — с таким названием в Галисии имеется несколько населенных пунктов.

«Прощай, прощай, Оренсе...» — *Оренсе* (Оуренсе) — город в южной части Галисии, административный центр одноименной провинции.

«У нас в Коркубьоне, друг мой...» — *Коркубьон* — галисийский портовый город (провинция Ла-Корунья).

«Прощай, я завтра ухажу...» — ...на службу к королю... — См. примеч. к стихотворению Перо да Понте «Мой друг уехал далеко...»

«Ждет девица день-деньской...» — *Койтеллада* — мыс на атлантическом побережье Галисии, в провинции Ла-Корунья.

«Подай мне, белошвейка...» — Ср. со стихотворением Росалии де Кастро «Вонзилась мне в самое сердце...»

«Я гайтою своей...» — *Гайта* — галисийская волынка.

«Девушки из Вилановы...» — *Виланова* — с таким названием есть несколько населенных пунктов и в Галисии, и в северной части Португалии.

«Кто зовется галисийцем...» — Это трехстишие является припевом фольклорной песни «Победа». Песня создана в связи с победой, которую галисийцы одержали над турецкими пиратами, напавшими в 1617 году на город Кангас-до-Моррасо (в современной провинции Понтеведра).

Романсы

Шулиана. — *Шулиана... Шорше* — в кастильском (испанском) языке этим именам соответствуют Хулиана и Хорхе.

Романс о доне Санчо. — *Санчо* — вероятно, имеется в виду Санчо II (1038—1072), король Кастилии и Леона с

1065 года. Он — герой многих народных романсов и один из персонажей испанского эпоса «Песнь о моем Сиде» (XII век).

«В чулочках и сапожках...» — Подобное шуточное стихотворение о коте есть и в кастильском фольклоре:

Лежал на крыше
сеньор дон Кот,
мурлыкал песню
и грел живот.
Увидел кошку.
Вскочил. И вот —
свалился с крыши
сеньор дон Кот.
(Перевод В. Андреева)

ГАЛИСИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РОСАЛИЯ де КАСТРО

Из книги «Галисийские песни»
(1863)

«Девушка, спой...» — Здесь и далее выделенные курсивом строки в стихах Росалии де Кастро взяты из галисийского фольклора.

«Благовест из Бастабалес...» — *Бастабалес* — округ в провинции Ла-Корунья, в котором находится знаменитая в Галисии церковь XVIII века. В детстве Росалия жила в одной из деревень округа Бастабалес.

«Прощай, селенье, прощай, мой дом...» — Первое стихотворение, написанное Росалией де Кастро на галисийском языке. Опубликовано в 1861 году. Создано на основе галисийских народных песен.

Помарские колокола... — Помар — селение в провинции Ла-Корунья.

«Ты беги, беги, река!..» — *...вдоль берегов каррильских...* — Карриль — портовое предместье города Падрон (см. примеч. к стихотворению Росалии де Кастро «Падрон!.. Падрон!..»). Река, о которой говорится в стихотворении, — река Сар. (Последний сборник Росалии де Кастро, вышедший при ее жизни, называется «На берегах реки Сар».)

«Я вам пела, пела, пела...» — Стихотворение, завершающее сборник «Галисийские песни». Ср. с первым стихотворением сборника — «Девушка, спой...»

Из книги «Новые листы»
(1880)

«Вонзилась мне в самое сердце...» — Это произведение Росалии де Кастро стало литературной основой стихотворения, написанного в 1906 году испанским поэтом Антонио Мачадо (1875—1939):

Иду по долине вечерней,
в закатном кармине холмы,
зеленое сосен свечение
в густой синеве полутьмы.

Белеет тропинка; не знаю,
куда меня тропка ведет.
Иду вдоль полей, напеваю...
Уже все темней небосвод...

«Любовь в мое сердце вонзилась
занозой — я вырвал ее,
чтоб сердце так больно не билось.
И умерло сердце мое...»

Мне чудится: вместе со мною,
задумавшись, поле грустит.
Лишь ветер в тиши над рекою
лиственной тополей шелестит.

Все больше темнеет. Долина
безлюдна, безмолвна, грустна.
Иду я дорогою длинной —
во тьме исчезает она.

Неспешно иду, повторяя
чуть слышно в ночной тишине:
«Заноза моя золотая,
дай сердцу воскреснуть во мне».

(Перевод В. Андреева)

«Сверчки, медведки, лягушки...» — *Медведки* — насекомые отряда прямокрылых, живущие в земле.

Родовое поместье А. — В стихотворении, вероятнее всего, речь идет о поместье Кастро де Ортоньо — родовом имении Хосе Мартинеса Вьохо (1798—1871), отца Росалии. В этом имении поэтесса жила в раннем детстве.

«В небе — радостная синь...» — *Лишь страдания и скорбь / грудь мою переполняют.* — По-видимому, реминис-

ценция строк испанского поэта Густаво Адольфо Беккера (1836—1870) «А мне опять и опять / только боль и скорбь пожинать» (стихотворение «Моя жизнь — это сорное поле...» из сборника «Рифмы», опубликованного в 1871 году, после смерти автора). Росалия была с Беккером в дружеских отношениях. Их творчество развивалось в одном романтическом русле: одиночество, несчастливая любовь, непонимание у окружающих, стремление к идеалу, мировая скорбь и т. п.

«Падрон!.. Падрон!..» — *Падрон* — город в провинции Ла-Корунья, в котором Росалия де Кастро жила в разные годы своей жизни и умерла.

Санта-Мария — церковь в Падроне, неподалеку от которой жила Росалия. Об этой церкви говорится в стихотворении «Сквозь кружевной узор ветвей...»

Лестрове — селение неподалеку от города Падрон. В 1871 году в Лестрове у Росалии родились близнецы — дочь Гала и сын Овидио.

«Зима, время дней холодных...» — Стихотворение по интонации и по разработке темы (смерть как избавление от мук) близко поэзии Беккера. См., например, его четверостишие:

Кладбище — наш последний приют,
печальный, безмолвный и сиротливый,
но его обитатели слез не льют...

О, быть бы таким счастливым!

(Перевод В. Андреева)

Стихотворение Росалии близко и ряду пессимистических произведений испанского поэта-романтика Хосе де Эспронседы (1808—1842). Ср., в частности, с концовкой его сонета «К ночи»:

О ночь, укрой меня навеки тьмою!
Пусть тишина мои поглотит стоны,
и Феб, встающий утром над землею,
не видит, как, страданьем изъязвленный,
я беспрестанно слезы лью рекою.

(Перевод В. Андреева)

Несомненна также и связь с творчеством португальского поэта Антеру Таркиниу ди Кентала (1842—1891). Многие его стихи полны трагизма и отчаяния; сам поэт покончил жизнь самоубийством.

«Спеши, Альваро де Анидо...» — *Альваро де Анидо* — вероятно, вымышленное имя.

«Славный мой домик...» — Росалия де Кастро родилась (в доме на улице, носящей ныне ее имя) и многие годы жила в городе Сантьяго-де-Компостела.

Антоний (250—365) — христианский отшельник, большую часть жизни проведший в Тебаидской пустыне (Египет). Рассказы о святом Антонии начиная со Средних веков получили в католической Европе широкую известность. К святому Антонию обращаются с молитвой-просьбой, чтобы он помог найти что-либо пропавшее.

В Корнесе. — *Корнес* — селение в провинции Ла-Корунья, на берегу реки Сар.

Из книги «На берегах реки Сар» (1884)

«Ты — на ложе из розовых лепестков...» — ...*тернии к звездам уводят нас.* — Отсылка к латинскому выражению «*Per aspera ad astra*» («Через тернии к звездам»). Автором этого крылатого выражения считается философ Луций Анней Сенека (4 до н. э.—65 н. э.).

«В одних и тех же одеждах...» — Стихотворение в определенной мере является реминисценцией сонета из «Дон Кихота» Сервантеса:

Святая дружба, в сей юдоли ты
среди людей недолго пребывала;
взлетев, ты в эмпирее воссияла,
твои крыла, что солнца свет, чисты.

Нам указуешь с горней высоты
путь истый, лжи пронзая покрывало;
в людских деяньях добрых — зла немало,
в тенетах мы духовной нищеты.

Сойди с небес иль воспрети вовеки
обману воплощаться в образ твой,
в твои одежды чистые рядиться,

чтоб зло не побеждало в человеке;
иначе будет мир объят враждой
и в изначальный хаос обратится.

(Перевод В. Андреева)

МАНУЭЛЬ МУРГИА

«Для прославления своей страны...»

Мануэль Мургия (1833—1923) — один из главных деятелей галисийского Возрождения, историк, публицист. С 1858 года — муж Росалии де Кастро. Благодаря стараниям Мануэля Мургия в 1912 году (в связи с 75-летием писательницы) было начато издание первого собрания сочинений Росалии де Кастро.

Эссе Мануэля Мургия было опубликовано в качестве предисловия ко второму изданию книги Росалии «На берегах реки Сар», вышедшему в Мадриде в 1909 году.

С. 252. *...восторг, с каким читатели принимали ее книги...* — Вторая половина XIX века для испанской литературы в целом была временем упадка. Многие произведения, созданные в ту пору, как правило, не отличались особой оригинальностью: испанские писатели находились под сильным влиянием французских мэтров (прежде всего Оноре де Бальзака и Эмиля Золя). На общем безрадостном фоне книги Росалии де Кастро воспринимались читающей публикой как нечто новаторское и самобытное.

...ее первой книги на галисийском языке... — Речь идет о книге Росалии «Галисийские песни».

С. 253. *Старинные барды* — в данном случае галисийские трубадуры.

С. 254. *...в Ирии (в Падроне)...* — Город Падрон был основан римлянами и назван ими Ирия Флавия.

ЭДУАРДО ПОНДАЛЬ

Из книги «Стоны сосен»

(1886)

Сосны. — Стихотворение стало национальным гимном Галисии; музыку написал Паскуаль Вейга (1842—1906).

Бреоган — полубогатырь, вожь древних кельтов в Галисии. Кельты поселились на Пиренейском полуострове в V веке до н. э. Эдуардо Пондаль был одним из создателей и страстных приверженцев концепции, согласно которой гали-

сийцы ведут свое происхождение от древних кельтов. Литературной основой этой концепции послужило творчество Джеймса Макферсона (1736—1796), опубликовавшего в 1765 году якобы обнаруженные им в Шотландии сказания древних кельтов (поэмы Оссиана) и получившие широкую известность в Европе. См. также вступительную статью.

Потомок Луза — т. е. португалец. Согласно легенде, прародителем португальского народа является Луз, один из спутников Вакха (Лузитания — древнее название Португалии).

Осинде и Фрошан — старинные селения, находящиеся неподалеку от города Ла-Корунья (северо-западная часть Галисии).

Милая и легкокрылая фея. — Ср. со стихотворением Росалии де Кастро «Молчите!»

Эрин — кельтское (а также галисийское) название Ирландии. Согласно преданию, вождь кельтов Ит, сын Бреогана, однажды с галисийского берега увидел на горизонте полосу земли. Он приказал снарядить корабли и плыть к этой неведомой земле. Так кельтами была открыта и завоевана Ирландия. (Исторически это относится к IV веку до н. э.).

...как крепкое древо. — В мифологии кельтов деревья занимают особое и чрезвычайно важное место.

«Вновь из земель африканских вернутся...» — Данное произведение Эдуардо Пондаля можно назвать вариацией на тему стихотворения Густаво Адольфо Беккера, ставшего в Испании хрестоматийным: «Снова будут милые ласточки / над балконом твоим гнезда вить...» (из сборника «Рифмы»). Стихотворение Пондаля, возможно, и посвящено памяти Беккера.

«Юная, милая дева...» — *Коркоэсто* — округ в провинции Ла-Корунья (северо-запад Галисии).

«Когда бреду один я...» — *Онагр* — дикий осел.

«О дубы, что берег Дубры...» — *Дубра* — река в провинции Ла-Корунья.

Они! — Стихотворение написано по случаю приезда в Галисию группы португальских студентов.

Камознс, Луис де (1524—1580) — португальский поэт, автор сонетов, пьес и эпической поэмы «Лузиады», воспевающей подвиги португальцев в эпоху Великих географических открытий.

«Когда томительное сновиденье...» — *Банко* — персонаж трагедии Уильяма Шекспира «Макбет», полководец шотландского короля Дункана. Был убит по приказу Макбета и стал являться ему в виде призрака.

«Да, я — галисийка...» — *Шальяс* — местность (округ) в провинции Ла-Корунья.

Тандиль — аргентинский город (в провинции Буэнос-Айрес).

Кастрис — селение в Галисии, в округе Шальяс.

Памперо — обитатель аргентинской равнины (пампы).

ВАЛЕНТИН ЛАМАС КАРВАХАЛЬ

У могилы маршала Пардо де Села. — *Пардо де Села*, Педро (?—1483) — борец за независимость Галисии от Кастилии. Был казнен кастильскими властями 23 декабря 1483 года в галисийском городе Мондоньедо.

САЛЬВАДОР ГОЛЬПЕ

Свидание. — *Ее зовут вечернею звездой.* — Вечерняя звезда — Венера.

МАНУЭЛЬ КУРРОС ЭНРИКЕС

Из книги «Напевы моей земли»
(1880, 1886)

Росалии. — Стихотворение посвящено памяти Росалии де Кастро; включено в третье издание книги «Напевы моей земли», вышедшее в 1886 году, после смерти Росалии (первым изданием эта книга вышла в 1880 году).

...я, за кого молитва никем не вознесена. — За антиклерикальные стихи Куррос Энрикес был отлучен от церкви.

Песня («Позднюю ночью в саду ароматном...») — Первое стихотворение Мануэля Курроса Энрикеса, написанное им по-галисийски; опубликовано в 1869 году.

Волынщик. — Он всегда входил в селение с видом сеньора. — Эпиграф взят из книги Росалии де Кастро «Галисийские песни».

Миньо — главная река Галисии. Берет начало в северных отрогах Кантабрийских гор; в нижнем течении является границей между современной Галисией и Португалией. Галисийцы называют Миньо «отцом галисийских рек» (в испанском и галисийском языках слово «река» (río) — мужского рода).

Лерес — река в галисийской провинции Понтеведра.

Гайтейро — волынщик (гайта — волынка).

Сивилла — в греческой мифологии прорицательница, предсказывающая будущие бедствия.

Альберте Камино (1820—1861) — галисийский поэт-романтик. Речь идет о его стихотворении «Рыдающая месть», которое стало в Галисии хрестоматийным.

Прометей. — Титан Прометей, похитивший огонь у олимпийских богов и отдавший его людям, по велению Зевса был прикован к скале и обречен на вечные мучения. Прилетавший каждый день орел расклевывал у Прометея печень, которая отрастала вновь. Эти муки длились до тех пор, пока Геракл не убил орла стрелой и не освободил Прометея.

Масиас Влюбленный. — См. вступительную статью и стихи этого поэта в настоящем сборнике.

«Божественный сайнете»

(1888)

Поэма состоит из вступления и восьми песен и является своеобразной пародией на «Божественную комедию» Данте (правда, Куррос Энрикес оставил незарифмованными вторые строки терцин; надо отметить: трехстишия со второй незарифмованной строкой — одна из разновидностей галисийского поэтического фольклора). См. также вступительную статью.

Сайнете — букв.: комическая одноактная пьеса.

Вступление. — В городе Оренсе находится один из самых знаменитых в Галисии готических соборов (XII—XVI вв.).

«*Miserere!*» — начало пятидесятого псалма.

Аристарх (Аристарх Самофракийский; 217—145 до н. э.) — греческий филолог Александрийской школы, прославившийся своими исследованиями гомеровских текстов. Его имя стало нарицательным как символ подлинной учености и доброжелательной критики.

Лев Тринадцатый (1810—1903) — папа римский с 1878 года.

Песнь первая. — *Братия святая*. — Иронический намек Курроса Энрикеса: святым братством (святой братией) называли орден иезуитов. Орден создан в 1534 году баском Игнасио Лойолой (1491—1556).

Абарки — крестьянская обувь: лапти из сыромятной кожи.

Святой Сильвестр (?—335) — папа римский с 314 года. День святого Сильвестра — 31 декабря.

...sexipedia verba — / как греческой трагедии начало. — Скорее всего, галисийский поэт читал греческих авторов не в оригинале, а в переводе на латынь.

Вагонов было семь. — В поэме Курроса Энрикеса семь вагонов поезда, идущего в Рим, символизируют семь смертных грехов.

Аньон (Аньон Пас), Франсиско (1812—1878) — один из первых поэтов галисийского Возрождения, автор патриотических стихов.

Из стихов, не вошедших в прижизненные сборники

Девичья клятва. — Стихотворение, возможно, является пародией на «песни о друге» галисийских трубадуров.

Мадригал. — *Лорелея* — рейнская русалка из немецких народных сказаний. Первым обработал сюжет о Лорелее немецкий поэт-романтик Клеменс Брентано (1778—1842). Всемирную известность легенда о Лорелее получила благодаря стихотворению Генриха Гейне (1797—1856).

Диана — в римской мифологии богиня-охотница, богиня-девственница; олицетворение Луны.

Родная для нас галисийская речь. — Стихотворение было опубликовано в 1888 году в журнале «Юмористическая Галисия».

...матушка с батюшкой... — В данном случае имеются в виду, вероятно, язык кельтов и латынь.

Христофору Колумбу. — Сонет был написан в 1892 году в связи с 400-летием открытия Америки (12 октября 1492 года).

РАМОН дель ВАЛЬЕ-ИНКЛАН

Песенка из рассказа «Поклонение волхвов». — Этот рассказ, как и следующий («Рождественская ночь»), входит в сборник «Тенистый сад» (1903). Валье-Инклан, по национальности галисиец, начал литературную деятельность с произведений, написанных по-галисийски, — нескольких эссе и стихотворений (на основе фольклорных песен). Но уже его первая книга — «Женщины. Шесть любовных историй» (1894) — создана на кастильском языке. Вместе с тем Валье-Инклан постоянно включал в свои прозаические и драматические произ-

ведения, так или иначе связанные с его «малой родиной», стихи и песенки на галисийском языке.

Ирод. — См.: Мф., 2:1—22.

«Днем и ночью птаха...» — Четверостишия данного произведения стали концовками ряда стихов сборника Валье-Инклана «Благоухание легенды» (1907). В этот сборник, посвященный Галисии, включено, в частности, стихотворение «Мунейра» (написано на испанском, последнее четверостишие — на галисийском):

Распелись девушки за трепкой льна,
распелись парни у мешков зерна
и воробьи на тропке у гумна.

На мельне воды цокают о вал,
а на трепальне — цоканье трепал.
Вино расшевелило запевал.

Кувшин с арнельским по рукам идет,
вино румяно, как девичий рот,
и яблоком пахучим отдает.

Сплел сказку мельник, весь в мучной пыли,
а на трепальне сотню их сплели,
и шутят парни, ставя в ряд кули.

*Шли на мельницу мы ночью
поплясать до петухов:
гурт молодок в рубашонках,
я в середке — без штанов.*

(Перевод А. Косс)

* * *

СОВРЕМЕННОКИ О ВАЛЬЕ-ИНКЛАНЕ

Перевод выполнен по изданию: *Valle-Inclan R. del. Obras escogidas*. Madrid, 1961. P. 34—37.

Мигель де Унамуну (1864—1936) — прозаик, поэт, эссеист, драматург, философ. Глава «Поколения 1898 года» (к этому «Поколению» принадлежал и Рамон дель Валье-Инклан). Благодаря произведениям, созданным писателями «Поколения» в первой трети XX века, Испания — после Возрождения и эпохи барокко — вновь стала великой литературной державой.

Хасинто Бенавенте (1866—1954) — драматург, поэт; представитель «Поколения 1898 года». Лауреат Нобелевской премии (1922).

Асорин (наст. имя — Хосе Мартинес Руис; 1873—1967) — прозаик, эссеист, представитель «Поколения 1898 года».

Хуан Рамон Хименес (1881—1958) — поэт, лауреат Нобелевской премии (1956).

С. 311. ...создал свой собственный, сугубо индивидуальный язык. — Для языковых экспериментов Валье-Инклана показательно четверостишие «Finis» (сборник «Трубка гашиша», 1919):

Погасла трубка, тарам-тарамба,
тарамба-тумба, и в сей момент,
когда и лампе, должно быть, амба,
во тьме кромешной я ставлю &.

(Перевод В. Андреева)

...мои земляки... — Речь идет о басках (Мигель де Унамуно, создававший свои произведения на кастильском языке, по национальности баск).

Эсперанто — самый распространенный из искусственных языков. Создан на основе латыни в 1887 году польским врачом и филологом Людвигом Лазарем Заменгофом (1859—1917).

С. 312. *На испанском краю земли...* — В данном случае речь идет о Галисии в целом. В Галисии, в провинции Ла-Корунья, находится мыс Финистерре (лат. «край земли»), названный римлянами так потому, что они считали его самой западной точкой Европы.

Пио Бароха (1872—1956) — прозаик (в основном романист), представитель «Поколения 1898 года».

С. 313. *Человек сотворен словом...* — отсылка к библейскому: «В начале было Слово» (Ин., 1:1).

...тех стран, в которых он побывал... — Валье-Инклан несколько раз был в Аргентине и в Мексике.

Антонио Мачадо

Дону Рамону дель Валье-Инклану

Стихотворение входит в сборник Мачадо «Новые песни» (1924).

...с одной рукою... — В 1899 году Валье-Инклан потерял левую руку (в результате несчастного случая).

Дон Жуан — в данном случае маркиз де Брадомин, главный герой книги «Сонаты» (1905; рус. пер. 1966) и ряда рассказов Валье-Инклана, посвященных Галисии.

ПОЭТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

АНТОНИО НОРИЕГА ВАРЕЛА

Нынче она — березка. — *Лабрада* — местность (округ) в Галисии, в провинции Луго.

Муза гор. — *Что ей зари дорожке? Мрак надгорный! / Кто ей щегла дорожке? Ворон черный!* — Автором, вероятно, сознательно повторен стилистический прием, использованный Мигелем де Унамуно в стихотворении «Чем ты жива, душа?», получившем в Испании широкую известность:

Чем ты жива, душа? Что обретишь в труде?
Дождь по воде.
Чем ты жива, душа? Что тебя в путь влечет?
Ветер с высот.
Что тебе силу даст, чтоб возродилась ты?
Тьма пустоты.

(Перевод А. Косс)

РАМОН КАБАНИЛЬЯС

Отчий край. — Ср. со стихотворением Эдуардо Пондаля «Сосны».

Бреоган. — См. примеч. к вышеупомянутому стихотворению Пондаля.

В старом саду. — ...*Будет целовать тебя / трубадур молодой.* — Главной наградой поэтического состязания «Цветочные игры» была живая роза (золотая и серебряная розы — призы за второе и третье место).

Сон короля Артура. — *Артур* (VI век) — полулегендарный король бриттов. Главный герой многочисленных народных легенд, в которых он наделен необыкновенной силой и даром волшебства. На основе этих легенд Кабанильясом и была создана поэма «Сон короля Артура», вошедшая в сборник «Звездной ночью» (1926).

Из цикла «Столиственная роза» (Молитвенник любви). — Название стихотворного цикла — слова из книги Росалии де Кастро «Новые листья». Подзаголовок — отсылка к

«Молитвеннику любви» испанского поэта Гонсало де Берсео (1195—1265), а также к «Молитвеннику любви» провансальского трубадура Матфре Эрменгаута (XIII век).

«О любовь — тревога и смятение...» — В стихотворении использованы стилистические приемы поэзии трубадуров.

...как мне песней зазвучать беззвучной... — Возможно, отсылка к названию книги Поля Верлена (1844—1896) «Песни без слов» (1874).

РАМОН ОТЕРО ПЕДРАЙО

Вдали. — *Компостела* — в стихотворении имеется в виду и город, и кафедральный собор Сантьяго-де-Компостела.

Ночь в Компостеле. — *Уток* — букв.: поперечные нити ткани, расположенные перпендикулярно к нитям основы и переплетающиеся с ними.

ЛУИС ПИМЕНТЕЛЬ

Я спою — пусть волынка молчит. — *Бастабалес.* — См. примеч. к стихотворению Росалии де Кастро «Благовест из Бастабалес».

Альёнс — селение на берегу одноименной реки, протекающей по территории провинций Ла-Корунья и Понтеведра.

...она на балконе / своего опустелого дома. — Вероятнее всего, речь идет о Росалии де Кастро.

Последнее моление. — *Я не прошу Тебя / ходить по водам.* — Новозаветный эпизод «хождение Христа по морю» испанскими поэтами интерпретируется обычно как победа человека над смертью. После поэмы Хорхе Манрике (1440—1479) «Строфы на смерть отца» (1476), в которой имеются строки: «Наши жизни суть реки, / они устремляются в море, / а море есть смерть», в испанской поэзии утвердился образ-символ «море — смерть» (этот образ использован и в данном стихотворении).

ЭДУАРДО БЛАНКО АМОР

Времена года. — *...чахоточный рассвет Шопена.* — Польский композитор и пианист Фредерик Шопен (1810—1849) был болен туберкулезом.

Венок сонетов — для дубровы. — В данном случае каламбурное словосочетание, связанное со значениями слова «ве-

нок». Венок сонетов — стихотворное произведение из 15 сонетов, каждый из которых начинается с повторения последней строки предыдущего; заключительный сонет составлен из первых строк всех предыдущих сонетов.

Пляска. — *Хота* — народный танец, более всего распространенный в северных провинциях Испании.

Бегство. — В стихотворении использованы стилистические приемы галисийских трубадуров, поэзию которых Бланко Амор хорошо знал.

Апельсиновое дерево. — Стихотворение, вероятно, посвящено Гарсиа Лорке, андалусийцу по рождению.

МАНУЭЛЬ АНТОНИО (МАНУЭЛЬ АНТОНИО ПЕРЕС САНЧЕС)

Из книги «От вахты до вахты» (1928)

Ночная поэма дождя. — *Роза ветров* — ветры, дующие одновременно в разных направлениях; схема, на которой показано распределение таких ветров в каком-либо месте за месяц, сезон и т. п.

Калиграмма — фигурное стихотворение.

«*Уже давным-давно Еще*» — строка из стихотворения Поля Верлена «Обратимость» (сборник «Параллельно», 1889).

Одни. — По-галисийски слово «одни» совпадает по звучанию и написанию с сигналом бедствия «sos». И скорее всего, Мануэль Антонио в данном случае имеет в виду оба значения этого галисийского омонима.

Пакетбот — морское почтово-пассажирское судно.

Вахта с 12 до 4. — Вахта с 12 ночи до 4 часов утра считается самой тяжелой; моряки называют ее «собачьей вахтой».

Принайтовлена к мачте луна... — Найтовить — скреплять тросом различные предметы на судне.

Рангоут — совокупность надпалубных частей оборудования судов (мачты, стеньги, реи и т. п.).

Неведомая звезда. — *Секстан* — астрономический угломерный прибор на судах.

Форштевень — носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля.

ЛУИС АМАДО КАРБАЛЬО

В праздник Тела Христова. — Этот католический праздник отмечается в четверг, на шестидесятый день после Троицы.

Алалала. — Ср. с одноименным стихотворением Валентина Ламаса Карвахала.

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

«Шесть стихотворений по-галисийски» (1935)

О том, почему андалусец Гарсиа Лорка создал книгу галисийских стихотворений, см. вступительную статью.

В данном издании книга Лорки публикуется полностью.

Праздник Богоматери Лодки. — В Галисии этот праздник, полухристианский, полуязыческий, — один из самых популярных.

Песня о мальчике — уборщике в лавке. — Стихотворение написано, по-видимому, под впечатлением от встреч поэта с галисийскими эмигрантами в Буэнос-Айресе (в Аргентине Гарсиа Лорка жил в 1933—1934 годах). В аргентинской столице Лорка неоднократно встречался и подружился с Бланко Амором.

Ла-Плата — залив, образованный реками Парана и Уругвай, на берегу которого расположен город Буэнос-Айрес.

Ноктюрн о мертвом отроке. — *Силь* — основной (левый) приток реки Миньо.

Колыбельная песня для мертвой Росалии де Кастро. — Стихотворение написано в связи с 50-летием со дня смерти поэтессы, которое отмечалось в 1935 году.

Белен — Вифлеем.

Танец луны в Сантьяго. — *Кинтана* — площадь в Сантьяго-де-Компостела, на которой расположен кафедральный собор. Некогда на месте площади было кладбище.

* * *

ЭДУАРДО БЛАНКО АМОР

«С естественной силой притяжения...»

Эссе Бланко Амора было опубликовано в качестве предисловия к первому изданию сборника Гарсиа Лорки «Шесть

стихотворений по-галисийски», вышедшему в декабре 1935 года в городе Сантьяго-де-Компостела.

С. 378. ...к книгам твоих стихов. — Ко времени написания эссе Эдуардо Бланко Амор выпустил два сборника галисийских стихов: «Галисийские романсы» (1928) и «Поэма в четырех темпах» (1931). Поэзия Бланко Амора, в которой явно ощутимы и близость национальной традиции, и поиск новых форм, несомненно должна была привлечь внимание Гарсиа Лорки.

С. 380. *Бригантия* (Берганция, Бергантиньос) — северо-западная часть древней Галисии, населенной в ту пору кельтами (ныне — провинция Ла-Корунья).

«*Пришла пора отмщенья!...*» — из стихотворения Эдуардо Пондаля «Сосны», ставшего гимном Галисии.

С. 381. *Сантильяна* (Иньиго Лопес де Мендоса; 1398—1458) — маркиз; прозаик и поэт. Его «Послание коннетаблю дону Педро Португальскому» (1449) — первая поэтика, созданная в Испании.

Эстремадурец — уроженец испанской провинции Эстремадура (на границе с Португалией).

Арготе де Молина, Гонсало (1548—1598) — испанский писатель.

Масиас. — Имеется в виду Масиас Влюбленный.

Генрих III (1379—1406) — король Кастилии и Леона с 1390 года.

Менендес-и-Пелайо, Марселино (1856—1912) — испанский литературовед. Ряд его работ посвящен испанской поэзии Средних веков.

Базна, Хуан Альфонсо де (1406—1454) — испанский поэт. В 1445 году издал составленную им поэтическую антологию «Песенник» (известную как «Песенник Базны»).

Ресенде, Гарсиа де (1470—1536) — португальский поэт. В 1516 году издал антологию галисийско-португальских и кастильских авторов «Всеобщий песенник».

Король дон Альфонс — Альфонс X Мудрый.

Вильясандино (Альварес де Вильясандино), Альфонсо (1350—1425) — испанский поэт.

Апостроф — надстрочный знак в виде запятой; в данном случае — любой надстрочный знак.

Виктор Андреев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Голубева. «Сад, напоенный чистыми ароматами, свежестью и поэзией...»</i>	5
---	---

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

ПАЙ СОАРЕС де ТАВЕЙРОС

<i>«Как тот, кто умер, отстрадав...» Перевод Т. Чернышевой</i>	67
<i>«Любимый мой назвал меня постылой...» Перевод А. Родосского</i>	68

ФЕРНАН РОДРИГЕС де КАЛЬЕЙРОС

<i>«Ах, матушка, рыцаря я увидала...» Перевод В. Андреева</i>	69
---	----

АФОНСО ЭАНЕС де КОТОН

<i>«Решил я о старухе песнь сложить...» Перевод А. Родосского</i>	70
---	----

МАРТИН СОАРЕС

<i>«Вы, госпожа, поверить не хотите...» Перевод В. Андреева</i>	71
<i>На бродячего актера Лопо. Перевод А. Родосского</i>	73

ЛОПО

<i>«— Дочка, тайну мне открой...» Перевод А. Родосского</i>	74
---	----

АЙРАС КАРПАНШО

- «Меня в Сантьяго отпустить я мать просила...» *Перевод*
И. Чежеговой 75

БЕРНАЛ де БОНАВАЛ

Перевод А. Миролубовой

- «Ту, кому верности клятву я дал...» 76
«— Ах, красавица, правду скажи...» 77
«Сказала красотка, придя в Бонавал...» 78

АФОНСО ЛОПЕС де БАЙАН

- «Надо мне, родная, — ты не обессудь...» *Перевод Н. Су-*
хачева 79

Дон АЛЬФОНС Х МУДРЫЙ

- «Роза из роз, из зарниц зарница...» *Перевод А. Садикова* 80
«От бесчестья, от стыда...» *Перевод А. Родосского* . 82

ЖУАН ВААСКИЗ де ТАЛАВЕЙРА

- Сокрушение Марии Лев. *Перевод Вл. Васильева* . . 86

ПЕРО ГОНСАЛВЕС де ПОРТО КАРРЕЙРО

- «Перстенок, что подарил мне милый мой...» *Перевод*
Е. Голубевой 87
«За какие прегрешенья...» *Перевод В. Андреева* . . . 88

ВАСКО ЖИЛ

- «Когда бы я, о госпожа, посмел...» *Перевод Т. Черны-*
шевой 89

ПЕРО да ПОНТЕ

- «Мой друг уехал далеко...» *Перевод Н. Сухачева* . . 90
«— Матушка, вы мне советовать стали...» *Перевод*
В. Андреева 91

ПЕДРО ЭАНЕС СОЛАЗ

- «Я ухожу на службу к королю...» *Перевод Е. Голубевой* 92
«Так Господь распорядился...» *Перевод В. Андреева* 93

ПЕРО ГАРСИА БУРГАЛЕС

- «О, я, злосчастный, и зачем узрел...» *Перевод Н. Сухачева* 94

ЖОАН БАВЕКА

- «Те, кто живет, не ведая любви...» *Перевод А. Садикова* 96

ПАЙ ГОМЕС ЧАРИНЬО

- «О, святой Иаков, услышь моление...» *Перевод В. Андреева* 98
«Те, кто встречался с бурей в море...» *Перевод И. Чежеговой* 99

ЖОАН АЙРАС

- «Всё в мире изменениям подвластно...» *Перевод В. Андреева* 100

РОЙ ФЕРНАНДЕС

Перевод А. Родосского

- «Я думал, что проклятую любовь...» 101
«Когда гляжу на волны...» 103

ЖОАН ГАРСИА де ГИЛЬЯДЕ

- «Вы это, друзья мои, видите сами...» *Перевод А. Миролюбовой* 104
«Мой друг от любви умирает...» *Перевод А. Миролюбовой* 105
«Сеньора, слышу ваш упрек опять...» *Перевод А. Родосского* 106

ЛОУРЕНСО

- «С тех пор, как друга я, подруги, знаю...» *Перевод*
Т. Чернышевой 107

ЖОАН ПЕРЕС де АВОИН

- «Французской дорогой в час ранний...» *Перевод В. Андреева* 108

ЖОАН СОАРЕС КОЭЛЬО

- «Ах, милый друг, чтобы всегда в уладу...» *Перевод*
Н. Сухачева 109

ЖУЛИАН БОЛСЕЙРО

- «Мой милый далёко в море на новом ушел корабле...»
Перевод В. Андреева 110

МЕНДИНЬО

- «В часовне Симеона стояла я одна...» *Перевод А. Косс* 111

МАРТИН КОДАКС

Перевод В. Андреева

- «О волна, бегущая на брег...» 112
«Кто познал любовь — пойдем со мной...» 113

ЖОАН ЗОРРО

- «В Лиссабоне, в синее море...» *Перевод А. Миролубовой* 114

АЙРАС НУНЕС

- «Кружим мы втроем часами...» *Перевод В. Андреева* 115

ПЕРО МЕОГО

Перевод В. Андреева

- «Скажите мне, лани под сенью ветвей...» 116
«Красавица горной сбегает тропюю...» 117

НУНО ФЕРНАНДЕС ТОРНЕОЛ

- «Вставайте, друг, вы в час рассветный спали...» *Перевод Е. Голубевой и Н. Сухачева* 119
«Матушка, видишь: в лазури морской...» *Перевод В. Андреева* 121
«Тяжеле страдания не отыскать...» *Перевод В. Андреева* 122

ЖОАН СЕРВАНДО

- «Матушка родная, только не невольте...» *Перевод Н. Сухачева* 123
«Не могу я, подруги, веселой казаться...» *Перевод В. Андреева* 124

МАРТИН де ШИНЗО

- «В отчем доме сейчас я — в темнице точь-в-точь...» *Перевод В. Андреева* 125

ПЕРО АМИГО де СЕВИЛЬЯ

- «Средь многих богомольцев в Компостеле...» *Перевод В. Андреева* 126

ОЗОИР ЭАНЕС

- «Ах, сердце, сладу нет с тобой...» *Перевод А. Мирюловой* 128

МЕН РОДРИГЕС ТЕНОЙРО

- «— Возлюбленный, скажите мне...» *Перевод А. Родосского* 129

ЭСТЕБАН ПЕРЕС ФРОЙАН

- «— Сеньора, видите: навек лишен покоя...» *Перевод*
А. Миролюбовой 130

РОЙ ПАЭЗ де РИБЕЛА

- «Скупец богат, а пищи в рот...» *Перевод Вл. Васильева* 131

НУНО ЭАНЕС СЕРЗЕО

- «Моя сеньора, вот что я открою вам...» *Перевод Н. Су-*
хачева 132

Дон ДЕНИС, король Португалии

- «Стройная пастушка тосковала...» *Перевод А. Миролю-*
бовой 133
«Под сенью цветущих крон...» *Перевод А. Садикова* 135
«Хотел бы я на провансальский лад...» *Перевод А. Са-*
дикова 136
«Любил, люблю и буду век любить...» *Перевод Е. Голу-*
бевой 137
«Ах, цветики-цветы средь зелена луга...» *Перевод*
А. Садикова 138
«Ах, мама, любимый ко мне не мчится...» *Перевод*
А. Садикова 139
«— Что с тобой, доченька? Не понимаю...» *Перевод*
В. Андреева 140

ЖОАН де РЕКЕЙШО

- «Ах, матушка! Пойти решила...» *Перевод А. Родосско-*
го 141

РОЙ МАРТИНС до КАЗАЛ

- «Молю тебя, Любовь, со мною вместе будь...» *Перевод*
И. Чежеговой 142

АФОНСО САНЧЕС

- «Всё вздыхала красотка...» *Перевод Н. Сухачева* . . . 143

ФЕРНАН ФРОЙАЗ

- «— О чем задумался, друг милый...» *Перевод Вл. Васильева* 144

МАСИАС ВЛЮБЛЕННЫЙ

- «Сеньора, я верил вначале...» *Перевод В. Андреева* . . . 145

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ПРИПЕВКИ, ПЕСНИ, ЧАСТУШКИ, ШУТКИ

- «Галисийские припевки...» *Перевод А. Косс* 149
«Стал считать я звезды в небе...» *Перевод А. Косс* . . . 149
«Волны прилива...» *Перевод А. Косс* 149
«Петь-то пела я неплохо...» *Перевод А. Косс* 150
«Я пою не от безделья...» *Перевод А. Косс* 150
«А ну-ка, спой: каштанов получишь!...» *Перевод А. Косс* 150
Волынщик по имени Кристо. *Перевод А. Косс* . . . 150
«Когда увижу тебя над рекою...» *Перевод А. Косс* . . . 151
«Не хочу я быть румяной...» *Перевод А. Косс* . . . 151
«Уж на мельнице девчонок...» *Перевод А. Косс* . . . 152
«Маманя на мельню...» *Перевод А. Косс* 152
«Не ходи за кузнеца...» *Перевод А. Косс* 152
«Рыбачок по воскресеньям...» *Перевод А. Косс* . . . 152
«То зовешь меня братаном...» *Перевод А. Косс* . . . 153
«В рощице кричит кукушка...» *Перевод А. Косс* . . . 153
«Заречные девки...» *Перевод А. Косс* 153
«О девчонках из Кардейро...» *Перевод А. Косс* . . . 153
«— Матушка, пошла б я замуж...» *Перевод А. Косс* . . . 154
«Меня матушка учила...» *Перевод А. Косс* 154
«И отец и мать — в могиле...» *Перевод А. Косс* . . . 154
«Был бы крестный у меня...» *Перевод А. Косс* . . . 154
«У меня есть песик...» *Перевод А. Косс* 154
«На лугу паслась хозяйка...» *Перевод А. Косс* 155
«Ты б видал, что я видал...» *Перевод А. Косс* 155

«Манолиньо, Манолин...» <i>Перевод А. Косс</i>	155
«Идет Мануэль...» <i>Перевод А. Косс</i>	155
«Тирó-лирó, Пепиньо...» <i>Перевод А. Косс</i>	156
«Туго мне пришлось, Маруша...» <i>Перевод А. Косс</i> . .	156
Святая Лилайна. <i>Перевод А. Косс</i>	157
«Прощай, прощай, Оренсе...» <i>Перевод Е. Голубевой</i> .	157
«У нас в Коркубоне, друг мой...» <i>Перевод Е. Голубевой</i>	157
«Решили устроить выставку...» <i>Перевод Е. Голубевой</i>	158
«Одна девчонка брюхата...» <i>Перевод Е. Голубевой</i> . .	158
«Нет уж листьев у капитанов...» <i>Перевод Е. Голубевой</i>	158
«Не хочу, не хочу, не хочу...» <i>Перевод М. Толстой</i> .	158
«— Петухи зарю пропели...» <i>Перевод М. Толстой</i> . .	158
«Я бы на тебя глядел...» <i>Перевод М. Толстой</i>	159
«Что в глазах твоих — не знаю...» <i>Перевод М. Толстой</i>	159
«Ты меня уже бранишь...» <i>Перевод М. Толстой</i> . . .	159
«Полюбив, люблю всем сердцем...» <i>Перевод М. Тол-</i> <i>стой</i>	159
«Прощай, я завтра ухожу...» <i>Перевод М. Толстой</i> . .	159
«У меня есть серебро...» <i>Перевод М. Толстой</i> . . .	160
«Раньше делал крюк нарочно...» <i>Перевод М. Яснова</i> .	160
«Словно птица, ветер мчится...» <i>Перевод М. Яснова</i> .	160
«В тринадцать женщин влюблялся...» <i>Перевод Ю. Шаш-</i> <i>кова</i>	160
«Что было, девушка, то было...» <i>Перевод Ю. Шашкова</i>	160
«Вы, сударушки, судачьте...» <i>Перевод К. Корконосенко</i>	161
«На сосне высокой шишки...» <i>Перевод К. Корконосенко</i>	161
«Что за черная кошка такая...» <i>Перевод А. Красильни-</i> <i>кова</i>	161
«Женился я и овдовел...» <i>Перевод А. Красильникова</i> .	161
«Да, я помню, было дело...» <i>Перевод А. Красильникова</i>	161
«Я зеленой атласной лентой...» <i>Перевод Т. Ворониной</i>	162
«Много листьев у ольхи...» <i>Перевод Т. Ворониной</i> . .	162
«Ты, девица-чаровница...» <i>Перевод Т. Ворониной</i> . .	162
«Зря мое письмо Кармела...» <i>Перевод А. Родосского</i> .	162
«Глянть-ка, Марушинья...» <i>Перевод А. Глебовской</i> . .	162
«Ждет девица день-деньской...» <i>Перевод А. Глебовской</i>	163
«Песнь поет — пусть песнь поет...» <i>Перевод А. Глебов-</i> <i>ской</i>	163
«Поступаешь ты, как вор...» <i>Перевод В. Литуса</i> . .	163
«Во дворе сидишь под дубом...» <i>Перевод В. Литуса</i> .	163
«Фаррукинью, мой дружок...» <i>Перевод В. Петрова</i> .	163

«— Мой студентик, где проходит...» Перевод В. Петрова	164
«Говорят, что я женюсь...» Перевод С. Степанова	164
«Подай мне, белошвейка...» Перевод С. Степанова	164
«Два ножа — глаза твои...» Перевод С. Степанова	164
«Есть четыре самые...» Перевод С. Степанова	164
«Твоя мать — колдунья...» Перевод Ю. Юрченко	165
«Тебя я люблю, когда вижу...» Перевод Ю. Юрченко	165
«Спешит он к харчевне ежевечерне...» Перевод В. Андреева	165
«Я в ответ на ваши сплетни...» Перевод В. Андреева	165
«Волосы твои черны...» Перевод В. Андреева	165
«Мария, моя Мария...» Перевод В. Андреева	166
«У меня богатый ухажер...» Перевод В. Андреева	166
«Ты не пришла вчера на танцы...» Перевод В. Андреева	166
«Коль твои отец и мать...» Перевод В. Андреева	166
«Я гайтою своей...» Перевод В. Андреева	166
«Ночь грустна, коль нет луны...» Перевод В. Андреева	167
«У твоих ворот, девчонка...» Перевод В. Андреева	167
«Я приду сегодня поздно...» Перевод В. Андреева	167
«— Скажите, сеньор ученый...» Перевод В. Андреева	167
«Не хочу, чтоб ты остался...» Перевод В. Андреева	168
«Девушки из Вилановы...» Перевод В. Андреева	168
«На меня ты смотришь, словно...» Перевод В. Андреева	168
«Тот, кто сирота, — бедняга...» Перевод В. Андреева	168
«Кто зовется галисийцем...» Перевод В. Андреева	168

РОМАНСЫ

Берналдино и Сабелина. Перевод Вл. Васильева	169
Ткачиха. Перевод С. Степанова	171
Граф Германский. Перевод С. Степанова	173
«— Ты открой мне двери...» Перевод В. Андреева	175
Шулиана. Перевод В. Андреева	176
Романс о доне Санчо. Перевод В. Андреева	177
Паломница. Перевод В. Андреева	178
«В чулочках и сапожках...» Перевод В. Андреева	180

ГАЛИСИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РОСАЛИЯ де КАСТРО

Из книги «Галисийские песни» (1863)

«Девушка, спой...» <i>Перевод А. Родосского</i>	183
«Я родилась в апреле...» <i>Перевод Н. Соколовской</i> . . .	189
«Благовест из Бастабалес...» <i>Перевод Л. Цывьяна</i> . . .	191
«Прощай, селенье, прощай, мой дом...» <i>Перевод В. Андреева</i>	195
«Ветер милый, легкокрылый...» <i>Перевод Т. Ворониной и В. Андреева</i>	198
«Ты беги, беги, река!...» <i>Перевод К. Корконосенко</i> . . .	201
«Кто узнал любви томленье...» <i>Перевод В. Петрова и В. Андреева</i>	203
«Я вам пела, пела, пела...» <i>Перевод В. Андреева</i> . . .	205

Из книги «Новые листы» (1880)

I. Неясности

«Я знаю, конечно, знаю...» <i>Перевод В. Андреева</i> . . .	207
«Что такое вокруг происходит?...» <i>Перевод Л. Цывьяна</i> . . .	208
«Вонзилась мне в самое сердце...» <i>Перевод В. Андреева</i> . . .	209
«За радостью — новые радости...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	210
«Зимой холодной я всё думала...» <i>Перевод Вл. Васильева</i>	211

II. Из личного

«Сверчки, медведки, лягушки...» <i>Перевод А. Андреева</i> . . .	212
«Просыпаюсь в тоске по ночам...» <i>Перевод В. Литуса</i> . . .	213
Вчера — ты, завтра — я. <i>Перевод Н. Чуприной</i>	214
Горькая любовь. <i>Перевод М. Яснова</i>	215
«Море, глубь твоя бездонна!...» <i>Перевод Л. Цывьяна</i> . . .	216
«Ошибаюсь вновь и вновь я...» <i>Перевод В. Капустиной</i> . . .	217
Счастье обманчиво. <i>Перевод В. Капустиной</i>	218
«Отведи меня к роднику, чья влага...» <i>Перевод М. Яснова</i>	219
Родовое поместье А. <i>Перевод Ю. Юрченко</i>	220

«В небе — радостная синь...» <i>Перевод В. Андреева</i>	221
«Падрон!.. Падрон!..» <i>Перевод Д. Синицыной</i>	222
Одинокая! <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	223

III. Разное

Сладкий сон. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	224
«Я в ужасе вижу пропасть...» <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	225
Печальные воспоминания. <i>Перевод Ю. Юрченко</i>	226
«Зима, время дней холодных...» <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	229
«Спеши, Альваро де Анидо...» <i>Перевод Н. Соколовской</i>	230

IV. О земле

Молчите! <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	231
«Славный мой домик...» <i>Перевод Д. Синицыной</i>	232
Гордыня. <i>Перевод М. Яснова</i>	235
В Корнесе. <i>Перевод М. Яснова</i>	236

V. Вдовы живых и вдовы мертвых

«Тебя поила б ароматом...» <i>Перевод А. Смирновой</i>	237
«Вдаль, как светлая река...» <i>Перевод В. Литуса</i>	238
Об одиночестве. <i>Перевод А. Смирновой</i>	239

Из книги «На берегах реки Сар» (1884)

«Сквозь кружевной узор ветвей...» <i>Перевод В. Андреева</i>	240
«От себя убежав, что ты ищешь, душа...» <i>Перевод В. Андреева</i>	241
«Тебя я люблю... Почему ты меня ненавидишь?...» <i>Перевод Е. Зерновой</i>	242
«Белые, черные бабочки, разве мне важно...» <i>Перевод В. Андреева</i>	243
«Дремлющие в истоме оттрепетавшей плоти...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	244
«Не верю, что бессловесны травы, ручей и птица...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	245
«Моря лазурного легкие волны...» <i>Перевод Е. Зерновой</i>	246
«Есть люди, чьи сердца...» <i>Перевод В. Литуса</i>	247
«Ты — на ложе из розовых лепестков...» <i>Перевод В. Андреева</i>	248

«Коль опоздаешь ты на пир богов...» Перевод В. Андреева	249
«В одних и тех же одеждах...» Перевод В. Андреева	250

* * *

Мануэль Мургиа

«Для прославления своей страны...» Перевод В. Андреева	251
--	-----

ЭДУАРДО ПОНДАЛЬ

Из книги «Стоны сосен» (1886)

Сосны. Перевод А. Косс	256
Милая и легкокрылая фея. Перевод В. Андреева	259
«Вновь из земель африканских вернутся...» Перевод С. Степанова	262
«Юная, милая дева...» Перевод С. Степанова	263
«Когда бреду один я...» Перевод А. Родосского	264
«О дубы, что берег Дубры...» Перевод С. Степанова	265
«Пенье сосен, пенье сосен...» Перевод А. Косс	266
«Пондаль высунулся в окно...» Перевод А. Косс	267
Они! Перевод А. Родосского	268
«Когда томительное сновиденье...» Перевод А. Родосского	269
Завещание. Перевод А. Родосского	270
«Да, я — галисийка...» Перевод А. Косс	271
Курросу Энрикесу. Перевод А. Косс	272

ВАЛЕНТИН ЛАМАС КАРВАХАЛЬ

Алалала. Перевод М. Яснова	273
У могилы маршала Пардо де Села. Перевод А. Родосского	276
Цветы и слезы. Перевод А. Родосского	277

САЛЬВАДОР ГОЛЬПЕ

Свидание. Перевод Вл. Васильева	278
---	-----

МАНУЭЛЬ КУРРОС ЭНРИКЕС

Из книги «Напевы моей земли» (1880, 1886)

Росалии. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	279
Песня («Позднюю ночью в саду ароматном...»). <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	280
Волынщик. <i>Перевод В. Андреева</i>	282
Ноктюрн. <i>Перевод С. Степанова</i>	287
Карты. <i>Перевод С. Степанова</i>	289
Пустынный храм. <i>Перевод В. Андреева</i>	292

«Божественный сайнете» (1888)

Перевод В. Андреева

Вступление	293
Песнь первая	297

Из стихов, не вошедших в прижизненные сборники

Девичья клятва. <i>Перевод В. Андреева</i>	303
Мадригал. <i>Перевод А. Родосского</i>	304
Родная для нас галисийская речь. <i>Перевод В. Андреева</i>	305
Христофору Колумбу. <i>Перевод В. Андреева</i>	306

РАМОН дель ВАЛЬЕ-ИНКЛАН

Перевод В. Андреева

Из рассказа «Поклонение волхвов»	
Песенка	307
Из рассказа «Рождественская ночь»	
Песня ряженных	308
«Днем и ночью птаха...»	310

* * *

Современники о Валье-Инклане (Унамуно, Бенавенте, Асорин, Хименес). <i>Перевод В. Андреева</i>	311
Антонио Мачадо	
Дону Рамону дель Валье-Инклану. <i>Перевод В. Андреева</i>	314

ПОЭТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

АНТОНИО НОРИЕГА ВАРЕЛА

Цветы дрока. <i>Перевод С. Степанова</i>	317
«Неприязнь горных склонов...» <i>Перевод А. Глебовской</i>	318
«Возлюблены солнцем и морем...» <i>Перевод В. Андреева</i>	319
Нынче она — березка. <i>Перевод А. Миролюбовой</i> . .	320
Муза гор. <i>Перевод А. Глебовской</i>	321
Нечистый виноват. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	322
«Ты прав, мой друг: а много ли дверей...» <i>Перевод</i> <i>Вл. Васильева</i>	323

РАМОН КАБАНИЛЬЯС

Отчий край. <i>Перевод М. Яснова</i>	324
Пожар во дворце. <i>Перевод М. Яснова</i>	325
Долгий путь. <i>Перевод М. Яснова</i>	327
В таверне. <i>Перевод А. Родосского</i>	328
Песня того, кто уходит. <i>Перевод С. Сухарева</i>	329
В старом саду. <i>Перевод С. Степанова</i>	330
Сон короля Артура. <i>Перевод В. Андреева</i>	333
Из цикла	
«Столиственная роза»	
«О любовь — тревога и смятенье...» <i>Перевод</i> <i>В. Андреева</i>	334
«Желая прочесть эти строки...» <i>Перевод Д. Сини-</i> <i>цыной</i>	335
«В груди моей, темной теснине...» <i>Перевод Д. Си-</i> <i>ницыной</i>	336
«Вечно открытая рана...» <i>Перевод Д. Синицыной</i>	337
«Сердце, спустись на землю!...» <i>Перевод Д. Сини-</i> <i>цыной</i>	338

РАМОН ОТЕРО ПЕДРАЙО

Вдали. <i>Перевод А. Глебовской</i>	339
Ночь в Компостеле. <i>Перевод А. Миролюбовой</i> . . .	340

ЛУИС ПИМЕНТЕЛЬ

Я спою — пусть волынка молчит. <i>Перевод А. Родосского</i>	341
Вальс бедной девушки. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	343
Мое прибежище. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	344
Зима в моем городе. <i>Перевод А. Родосского</i>	345
Последнее моление. <i>Перевод А. Родосского</i>	346

ЭДУАРДО БЛАНКО АМОР

Времена года. <i>Перевод В. Андреева</i>	348
Мельница. <i>Перевод В. Андреева</i>	351
Украшение. <i>Перевод А. Прищепова</i>	352
Пляска. <i>Перевод А. Прищепова</i>	353
Бегство. <i>Перевод В. Андреева</i>	354
Апельсиновое дерево. <i>Перевод В. Андреева</i>	355

МАНУЭЛЬ АНТОНИО

Из книги «От вахты до вахты» (1928)

Потом я смял бумагу... <i>Перевод М. Яснова</i>	356
Ночная поэма дождя. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	357
Одни. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	359
Вахта с 12 до 4. <i>Перевод А. Родосского</i>	360
В порту. <i>Перевод А. Родосского</i>	362
Праздность. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	363
Неведомая звезда. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	364

ЛУИС АМАДО КАРБАЛЬО

В праздник Тела Христова. <i>Перевод А. Родосского</i>	365
Песня бури. <i>Перевод М. Яснова</i>	366
Портовый кабак. <i>Перевод М. Яснова</i>	367
Алалала. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	368
Петух. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	369

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

«Шесть стихотворений по-галисийски» (1935)

Мадригал городу Сантьяго. <i>Перевод Е. Голубевой</i> . . .	370
Праздник Богоматери Лодки. <i>Перевод Л. Цивьяна</i> . . .	372
Песня о мальчике — уборщике в лавке. <i>Перевод В. Андреева</i>	373
Ноктюрн о мертвом отроке. <i>Перевод Л. Цивьяна</i> . . .	374
Колыбельная песня для мертвой Росалии де Кастро. <i>Перевод Е. Голубевой</i>	375
Танец луны в Сантьяго. <i>Перевод Е. Голубевой</i> . . .	376

* * *

Эдуардо Бланко Амор

«С естественной силой притяжения...» <i>Перевод М. Толстой</i>	378
--	-----

Комментарии. <i>В. Андреев</i>	383
---	-----

ПОЭЗИЯ ГАЛИСИИ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Библиотека зарубежного поэта»*

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *О. В. Гусихина* и *Л. Д. Колосова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 23.12.08. Подписано к печати 22.07.13.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.3. Уч.-изд. л. 14.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3693. С 130

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026343-7

9 785020 263437

БРІ

ПОЗІЯ
ГАЛИСІИ

